

ИНСТИТУТ АЛТАИСТИКИ им. С.С.СУРАЗАКОВА

ЛАБОРАТОРИЯ АРХЕОЛОГИИ

АРХЕОЛОГИЯ И ЭТНОГРАФИЯ АЛТАЯ

Выпуск 2

**ГОРНО-АЛТАЙСК
2004**

ББК 63.4

АРХЕОЛОГИЯ И ЭТНОГРАФИЯ АЛТАЯ.

Сборник научных трудов. – Горно-Алтайск, 2004. – Выпуск 2. – 140 с.

Редколлегия: к.и.н., доцент **В.И.Соёнов** (ответственный редактор),
к.и.н. **Л.М.Чевалков**,
О.В.Майчиков

Рецензент: к.и.н., с.н.с. **А.С.Суразаков**

СТАТЬИ

Абдулганеев М.Т., Славнин В.Д.

(г. Барнаул, г. Томск)

МАТЕРИАЛЫ ЭПОХИ БРОНЗЫ ИЗ РАСКОПОК У с.ЕЛО (Центральный Алтай)

Верховья р. Урсул, включая ее истоки - реки Ело и Каерлык - один из наиболее изученных и насыщенных археологическими памятниками микрорайонов Горного Алтая. К 1980 г. только у с. Ело было зафиксировано более 20 могильников и поселений, относящихся к эпохам камня и бронзы, раннему железному веку и средневековью (Посредников В.А., 1980, с. 25-32). Дальнейшие исследования, проводившиеся археологами из Москвы, Новосибирска, Томска, Барнаула и Горно-Алтайска существенно расширили этот список. Наиболее изученным в результате раскопок 1976-92 гг. оказался период ранней бронзы. На 14 могильниках было исследовано около 80 погребальных и поминальных объектов афанасьевской культуры, что составляет почти половину раскопанных в Горном Алтае афанасьевских оград (Ларин О.В., 1988, с. 85-86). Помимо этого, были получены незначительные по объему, но очень выразительные материалы эпохи бронзы, отличные от собственно афанасьевских. Подавляющее количество раскопанных у с. Ело раннебронзовых оград уже опубликована (Владимиров В.Н., Цыб СВ., 1982; Кирюшин Ю.Ф., Посредников В.А., Фирсов Л.В., 1982, с. 30-32; Кирюшин Ю.Ф., Абдулганеев М.Т., Цыб СВ., 1986; Могильников В.А., 1987; Суразаков АС, 1987; Посредников В.А., Цыб СВ., 1992; 1994; Абдулганеев М.Т., Посредников В.А., Степанова Н.Ф., 1997; Цыб СВ., Мамадаков Ю.Т., Степанова Н.Ф., 1998; Владимиров В.Н., Мамадаков Ю.Т., Цыб СВ., Степанова Н.Ф., 1999). Настоящая статья посвящена публикации и предварительному анализу материалов раскопок двух могильников, расположенных у с. Ело в урочище Нижний Тюмечин и исследованных археолого-этнографической экспедицией АГУ в 1977-78 гг.

Могильник Нижний Тюмечин 4 (рис. 1 - 1,2,3) находится в 2,5 км к СВ от с. Ело напротив слияния истоков р. Урсул - рек Ело и Каерлык. Он располагается в 1 км к С от возвышения «Первый Межелик» на первой надпойменной террасе. В составе могильника около 20 каменных курганов и оград, располагающихся группами по два-четыре. Раскопано четыре объекта, в том числе две афанасьевские ограды.

Ограда 1 (рис. 2) находилась в ЮЗ части могильника на краю террасы и представляла собой задернованный внутри овал из 28 вертикально поставленных гранитных плит. Размеры ограды составляли 7,2 x 8,2 м (длин, ось ЮЗ-СВ), высота плит достигала 0,7 м, высота внутреннего всхолмления внутри ограды - 0,25 м. Внутри ограда оказалась забутованной обломками камней в один-три слоя общей мощностью до 0,6 м. Среди камней забутовки встречались кости животных. Расположенная в центре ограды могила была перекрыта поперек пятью плитами: три плиты внизу и две поверх нижних. На плитах зафиксировано кострище диаметром около двух метров и мощностью 2-3 см, а на нижних краях двух плит прослежены углистые и охристые пятна. Угли, зола и охра встречались вокруг могильной ямы и в верхней части ее заполнения.

Могила (рис. 3-2) имела в плане овальную форму, размеры 1,15 x 2,2 м (длин, ось ЮЗЗ-СВВ) и сужалась ко дну. У дна размеры составили 0,85 x 1,8 м, глубина - 2,2 м от современной поверхности. На дне находился скелет мужчины протоевропеоидного типа (возраст 25-30 лет - здесь и далее определения В.А. Дремова). Он лежал на спине с согнутыми в коленях и завалившимися направо ногами. Кости правой руки находились под углом к туловищу, левой - вытянуты вдоль тела. Черепом погребенный ориентирован на ЗЮЗ. Сам череп находился на 20 см выше скелета и лежал на земляной «подушечке». Дно могилы и погребенный были густо окрашены охрой.

Ограда 2 (рис. 2) примыкала к ограде 1 с ЮВ. Она представляла собой овал из 15 небольших плит, возвышавшихся над поверхностью земли на 3-5 см. Размеры ограды составляли 2,8 x 3,8 м (длин, ось ЮВ-СЗ). Внутри она была забутована обломками камня и булыжником, среди которых встречались кости животных. Расположенная в центре огра-

ды могила была перекрыта тремя плитами, расслоившимися и частично провалившимися в могильную яму. Сверху на плитах зафиксировано кострище диаметром около 0,8 м, а в заполнении могилы встречались кусочки охры и кости человека. Форма могилы овальная, размеры 1,0 x 1,5 м (длин, ось ЮЮЗ-ССВ), глубина от современной поверхности 1,1 м. На дне находилось потревоженное грызуном погребение ребенка, среди костей которого зафиксированы охристые пятна. Судя по сохранившимся в анатомическом порядке костям таза и нижней части позвоночника, погребенный лежал на спине, черепом на ЮЮЗ.

Могильник Нижний Тюмечин 5 (рис. 1 - 1,2,4) находится в 5,2 км к СВ от с. Ело и в 2,3 км к В от с. Кара-Коба на правом берегу р. Урсул. Он располагается в межгорном распадке и состоит из более чем десятка объектов. Действительное их количество, видимо, значительно больше, но из-за особенностей расположения (конус выноса) часть их оказалась замытой и задернованной. Раскопано пять объектов, четыре из которых относятся к эпохе бронзы.

Кольцо 1 находилось в южной части могильника и представляло собой стенку с внешним диаметром около 6 м, сложенную из обломков камня. Погребение обнаружено не было, а среди камней найдены обломок бронзовой (?) серьги (рис. 6 - 6) и фрагменты двух сосудов. От одного сосуда найдено два толстостенных фрагмента, украшенных горизонтальными и наклонными линиями, выполненными проташенной палочкой (рис. 5 - 3). Другой сосуд представлен 25 фрагментами венчика и тулова яйцевидного, вероятно, остродонного горшка, украшенного зубчатым штампом в елочку, выполненным в технике накатывания (рис. 5-1).

Кольцо 2 (рис. 4) находилось в 3 м к С от кольца 1 и представляло собой двойной овал из наклоненных вовнутрь плит. Размеры внешнего овала 6,0 x 7,0 м (длин, ось З-В), диаметр внутреннего кольца - 3,0 м. Внутреннее пространство между кольцами было забутовано обломками камней. Могильная яма располагалась в центре с небольшим смещением к В; внутреннее кольцо как бы окаймляло ее. Сверху могилу перекрывали пять налегающих друг на друга с В на З плит. На средней плите венчиком на Ю лежал круглодонный яйцевидный горшок с высоким, выпуклым наружу венчиком. По венчику и шейке он был украшен тремя горизонтальными полосами оттисков зубчатого штампа, по тулову до дна - 15-16 вертикальными полосами наколов того же штампа. Наколами зубчатого штампа был украшен и срез венчика (рис. 6-5). Изнутри горшок был затерт и замыт. Вокруг сосуда было зафиксировано большое скопление охры. Кусочки охры, угольки и фрагменты неорнаментированной керамики встречались и в заполнении могильной ямы.

Форма могилы была подпрямоугольной, размеры по верху 2,15 x 2,25 м (длин, ось З-В), глубина от современной поверхности - 1,16 м. Ко дну могила сужалась и размеры ее составили 1,5 x 1,8 м (рис. 3-1). На дне находился скелет женщины протоевропеоидного типа (возраст около 40 лет), лежавшей на спине с согнутыми в коленях и завалившимися направо ногами, черепом на В. Кости ее рук были вытянуты вдоль туловища, череп слегка приподнят и покоился на «подушечке» из небольших камней. Костяк сильно окрашен охрой, особенно суставы рук и ног. К северу от черепа погребенной, устьем к нему на боку лежал остродонный яйцевидный горшок с высоким венчиком. По венчику он был украшен пятью горизонтальными линиями, выполненными проташенной палочкой, в верхней части тулова - шестью треугольными фестонами углами вниз, исполненными в той же технике (рис. 6-1). Изнутри сосуд был затерт по обмазке.

Кольцо 3 находилось в северной части могильника и представляло собой стенку, сложенную из обломков камня. Могила, располагавшаяся в центре, оказалась полностью разграблена. В ее заполнении и внутри ограды найдены кости ребенка (возраст 7-9 лет) и три фрагмента сосуда, украшенные горизонтальными и наклонными линиями, выполненными проташенной палочкой (рис. 6 - 2,3).

Ограда 1 находилась в южной части могильника, в 5-6 м к З от колец 1 и 2. Она представляла собой овал размерами 4,5 x 5,0 м (длин, ось С-Ю), составленный из вертикально поставленных плит. При разборке внутреннего заполнения были обнаружены кости животных, угли, горелое зерно (?) и обломки трех толстостенных сосудов. В СЗ секторе, ниже остальных находок, на глубине 1,2 м найдены обломки плит. Один из сосудов реконструирован полностью. Он представляет собой банку, украшенную от дна до устья горизонтальными линиями, выполненными проташенной палочкой. В средней части тулова имеются два налета, верхний из которых имеет вертикальное отверстие для подвешивания

(рис. 7-1). Орнамент нанесен по обмозке, частично отслоившейся, а изнутри сосуд затерт и замыт. От второго сосуда сохранилось дно и придонная часть. Тулово орнаментировано наколами мелкозубого штампа в елочку, нанесенного по частично отслоившейся обмозке. Тем же штампом орнаментировано днище (рис. 7 - 2). Изнутри сосуд заглажен травой (?). Третий сосуд представлен тремя орнаментированными и пятью неорнаментированными фрагментами тулова. Орнамент представляет собой треугольные фестоны, выполненные протаскиванием (рис. 5 - 2; 6 - 4). Изнутри этот сосуд затерт травой (?).

Погребальный обряд исследованных могильников характеризуется большей частью типичными для афанасьевской культуры чертами. Надмогильные сооружения представлены двумя обычными типами: 1) ограды из вертикально поставленных плит, забутованные внутри обломками камней и первоначально, видимо, имевшие центральные сооружения (Нижний Тюмечин 4; Нижний Тюмечин 5, ограда 1); 2) ограды-стенки, сложенные из обломков камня (Нижний Тюмечин 5, кольца 1,3). Переходным вариантом следует считать кольцо 2 Нижнего Тюмечина 5, где ограду-стенку с обеих сторон (внешней и внутренней) ограждали крепиды из вертикально стоящих плит. Двойные ограды достаточно редко встречаются при раскопках афанасьевских некрополей и зафиксированы на могильниках Бертек 33 (Деревянко А.П., Молодин В.И., Савинов Д.Г. и др., 1994, с. 40, 41, 45-48), Курота 2 (Хлобыстина М.Д., 1975, с. 22), Бойтыгем 2 (Абдулганеев М.Т., Ларин О.В., 1994, рис. 9), Бике 2 (Кубарев В.Д., Черемисин Д.В., Слюсаренко И.Ю., 2001, рис. 10, 13), Чепош 3 (Шульга П.И., 1993, рис. 1), считающихся большей частью позднеафанасьевскими.

Перекрытие могил каменными плитами широко распространено в горно-алтайских афанасьевских могильниках, встречаются на таких перекрытиях и кострища. Последние фиксируются также в заполнении могильных ям (Посредников В.А., Цыб СВ., 1992, с. 6,7; Абдулганеев М.Т., Ларин О.В., 1995, с. 25; Абдулганеев М.Т., Посредников В.А., Степанова Н.Ф., 1997, с. 74; Кубарев В.Д., Черемисин Д.В., Слюсаренко И.Ю., 2001, с. 25). Следует отметить, что применение огня при погребении считается отличительной чертой каракольской культуры (Кубарев В.Д., 1998, с. 284). Редким признаком является фиксация на плитах перекрытия могильной ямы охристого пятна (Нижний Тюмечин 5, кольцо 2). Подобный факт был прослежен только в ограде 12 Первого Межелика 1 (Владимиров В.Н., Мамадаков Ю.Т., Цыб СВ., Степанова Н.Ф., 1999, с. 32). Достаточно редко встречаются и сосуды вне могильной ямы. Помимо кольца 2, вазочки-курильницы у могилы найдены на Бике 1 (Кубарев В.Д., Киреев С.М., Черемисин Д.В., 1990, рис. 20) и Бойтыгем 1 (Абдулганеев М.Т., Ларин О.В., 1994, рис. 1), плоскодонный горшок с лежавшим внутри ожерельем - в Ело 1 (Абдулганеев М.Т., Посредников В.А., Степанова Н.Ф., 1997, рис. 2).

Положение погребенных на спине с согнутыми в копнях ногами, окрашенность их и могил охрой относятся к числу типично и ранних признаков афанасьевской культуры (Цыб СВ., 1980, с. 40, рис. 1; Владимиров В.Н., Степанова Н.Ф., 1994, с. 6). Ориентация черепом на ЮЗ наиболее распространена в афанасьевских погребениях. Восточная ориентация еще недавно считалась характерной именно для раннеафанасьевских комплексов, однако в настоящее время такая точка зрения подвергается сомнению (Хлобыстина М.Д., 1975, с. 17, 33; Цыб СВ., 1980, с. 40; рис. 1; Владимиров В.Н., Степанова Н.Ф., 1994, с. 6; Кубарев В.Д., Черемисин Д.В., Слюсаренко И.Ю., 2001, с. 37). Позднеафанасьевской или окуневской чертой является наличие под черепом погребенного земляной или «каменной» подушечки (Абдулганеев М.Т., Кирюшин Ю.Ф., Кадиков Б.Х., 1982, с. 70; Кубарев В.Д., Черемисин Д.В., Слюсаренко И.Ю., 1998, с. 284). Таким образом, большая часть черт погребальной обрядности Нижнего Тюмечина 4 и, особенно, Нижнего Тюмечина 5 считается позднеафанасьевскими.

На Нижнем Тюмечине 5 был выявлен объект (ограда 1), имеющий ритуальное (поминальное?) назначение. Об этом свидетельствуют отсутствие в ограде захоронения и характер находок в ней (угли, кости животных, фрагменты керамики). Подобные сооружения в настоящее время, видимо, следует считать обычными на афанасьевских могильниках. При достаточно большом количестве исследованных объектов афанасьевские поминальники обязательно фиксируются среди погребальных оград и выявлены на Кара-Кобе 1 (Владимиров В.Н., Цыб СВ., 1982), Первом Межелике 1 (Владимиров В.Н., Мамадаков Ю.Т., Цыб СВ., Степанова Н.Ф., 1999, с. 33), Урмупуке (Суразаков А.С., 1987, с. 6, рис. 7), Бойтыгеме 2 (Абдулганеев М.Т., Ларин О.В., 1994, рис. 6); Бике 1 (Кубарев В.Д., Черемисин Д.В., 1998, рис. 10, 13).

син Д.В., Слюсаренко И.Ю., 2001, с. 33, 35-36), Озерном 2 (Молодин В.И., Петрин В.Т., 1985, рис. 9, с. 67) и Караколе (Кубарев В.Д., 1988, с. 16).

Инвентарь встречен только в погребениях и оградах Нижнего Тюмечина 5. Он представлен, за исключением обломка бронзовой серьги, керамикой: двумя целыми и двумя реконструированными сосудами, а также обломками еще четырех. Два сосуда из колец 1 и 2 имеют яйцевидную форму, острые днища и высокие венчики (рис. 5 - 1; 6 - 1). Близок к ним второй сосуд из кольца 2 с округлым днищем и выпуклым наружу венчиком. Принадлежность этих горшков афанасьевской культуре особых сомнений не вызывает. Достаточно специфична керамика из ограды 1 («поминальника»). Она представлена плоскодонными сосудами, в одном случае баночной формы (рис. 7 - 2). Баночный сосуд имеет в средней части тулова налепы-ручки. Такая декоративно-прикладная деталь встречается на афанасьевской посуде, главным образом плоскодонной, особенно, на вазочках-курильницах (Вадецкая Э.Б., 1986, с. 54-56; Грязное М.П., 1999, рис. 10, 35; Хлобыстина М.Д., 1975, рис. 2).

По технике нанесения орнамента керамика делится на две основные группы: 1) три сосуда, украшенные зубчатым штампом в технике накалывания (рис. 5 - 1; 7 2), в одном случае (рис. 6-5) совмещающая со штампованием; 2) пять сосудов, украшенных протасченной палочкой. Эта группа отличается большими размерами сосудов и толстыми стенками. Первой группе соответствует обычная для афанасьевской культуры форма сосудов; сама техника накалывания является преобладающей на керамике афанасьевских погребений (Степанова Н.Ф., 1998, с. 263). Несколько необычно выглядит орнаментация мелкозубым штампом плоскодонного сосуда из ограды 1, однако подобные варианты встречаются на посуде из афанасьевских или синхронных им погребений Западного Алтая (Шульга П.И., 1999, рис. 2).

С определением культурной принадлежности керамики второй группы дело обстоит сложнее. Фрагменты плоскодонных сосудов, украшенных отступающей или протасченной палочкой, найдены при раскопках поселения Кара-Тенеш. Авторы раскопок отмечают близость такой керамики самусьской и кротовской (Погожева А.П., Молодин В.И., 1980, с. 94-95). Действительно, орнаментация протасченной палочкой, в том числе горизонтальными линиями, является типичной для целого ряда культур развитой бронзы Южной и юга Западной Сибири: логиновской, самусьской и, особенно, окуневской (Вадецкая Э.Б., Леонтьев Н.В., Максименков Г.А., 1980, табл. XXVII, XXVIII; Глушков И.Г., 1984, рис. 3, с. 44; Косарев М.Ф., 1981, рис. 31, 35, с. 89, 91; Молодин В.И., Глушков И.Г., 1989, с. 30-33, 55, 56; Савинов Д.Г., 1981, рис. 3, 4). Достаточно часто подобная орнаментация применялась и в афанасьевской культуре, являясь второй по встречаемости техникой на горно-алтайских сосудах (Степанова Н.Ф., 1998, рис. 1, с. 263). Ни на одном из могильников афанасьевской культуры протасченный орнамент не является преобладающим. Исключение, может быть, составляют материалы Бертека-33 и Ело-Баши (Деревянко А.П., Молодин В.И., Савинов Д.Г., 1994, рис. 26, 34, 38; Абдулганеев М.Т., Посредников В.А., Цыб СВ., 1997, рис. 7). Только на последнем могильнике протаскиванием украшена плоскодонная чашка с налепом; в остальных случаях подобным образом орнаментированы преимущественно остро-и круглодонные сосуды.

Оба способа нанесения орнамента встречаются в одних и тех же объектах Нижнего Тюмечина 5. В пользу единовременности исследованных оград свидетельствует и встреченный на керамике ограды 1 и кольца 2 достаточно редкий орнаментальный мотив - треугольные фестоны, выполненные протасченной палочкой (рис. 5 - 2; 6 - 1). Помимо Нижнего Тюмечина 5 близкими треугольным фестонам фигурами украшены горшки из Балыкту-Юла и Нижнего Тюмечина 1 (Абдулганеев М.Т., Киришин Ю.Ф., Кадиков Б.Х., 1982, рис. 11; Посредников В.А., Цыб СВ., 1992, рис. 3; Хлобыстина М.Д., 1975, рис. 2).

В связи с находками на Нижнем Тюмечине 5 хотелось бы остановиться на вопросе о верхней границе существования афанасьевской культуры. Традиционная археологическая дата ее окончания - начало II тыс. до н.э. - находится в противоречии с радиоуглеродными датами (Киселев СВ., 1951, с. 31; Цыб СВ., 1980, с. 46; Баженов А.И., Бородаев В.Б., Малолетко А.М., 2002, с. 71-73). После открытия каракольских памятников некоторыми археологами в качестве аксиомы высказывается мнение о полной смене археологических культур на территории Горного Алтая в период ранней - развитой бронзы (Кубарев В.Д., Черемисин Д.В., Слюсаренко И.Ю., 2001, с. 37, 44; Молодин В.И., 2002, с. 125). Это мне-

ние отчасти основывается на выводах палеоантропологов об антропологическом сходстве каракольцев и пазырыкцев и об отсутствии такового между последними и афанасьевцами (Чикишева Т.А., 1996, с. 250-251). Другие исследователи не столь категоричны и допускают доживание отдельных групп афанасьевцев до раннего железного века (Бородовский А.П., 2001, с. 61; Миронов В.С., 2000, с. 16; Могильников В.А., 1987, с. 29; Кирюшин Ю.Ф., 1994, с. 16, Плотников Ю.А., 1992, с. 18).

Одним из авторов данной статьи вслед за М.П. Грязновым (1957, с. 21-23) уже высказывалась точка зрения о доживании афанасьевцев до раннего железного века (Абдулганеев М.Т., Кирюшин Ю.Ф., Кадиков Б.Х., 1982, с. 74), а также об определенных чертах сходства памятников афанасьевской культуры и раннескифского времени (Абдулганеев М.Т., Ларин О.В., 1992, с. 35-36). Аргументов в пользу консервации отдельных групп афанасьевцев до эпохи раннего железа в настоящее время существенно добавилось. Несомненным фактом следует считать сосуществование на определенном этапе афанасьевцев с каракольцами. Об этом свидетельствует сходство оград Озерного с афанасьевскими (Молодин В.А., Петрин В.Т., 1985, рис. 9; Погожева А.П., Кадиков Б.Х., 1979, с. 80), впускные каракольские погребения в афанасьевских оградах, не затрагивающие основного захоронения (Кубарев В.Д., 1988, рис. 4), заимствование каракольцами материальной культуры афанасьевцев «без физического смешения» (Погожева А.П., 1984; Чикишева Т.А., 2000, с. 146-147).

О доживании афанасьевцев, по крайней мере, до эпохи развитой бронзы свидетельствуют результаты анализа керамических комплексов из погребений. Характерная для лесостепи шагающая техника нанесения орнамента встречается в небольшом количестве и на афанасьевских сосудах, в том числе и из районов Центрального Алтая (Степанова Н.Ф., 1998). Контакты между афанасьевцами и елуинцами были тем более возможны, что керамические комплексы последних выявлены на целом ряде поселений Средней Катуни (Кирюшин Ю.Ф., Степанова Н.Ф., 1998). О контактах населения гор и лесостепи в эпоху развитой бронзы говорит и широкое распространение на афанасьевской посуде техники протаскивания. К сожалению, неизвестно достоверных керамических комплексов каракольской культуры, но по аналогии с окуневской и самусьской культурами можно предложить обычай украшения керамики техникой протаскивания именно для каракольцев. Для плоскодонной посуды арагольской группы характерно накальвание и штампование (Степанова Н.Ф., 2001, с. 56-57).

Ряд находок говорят в пользу доживания афанасьевской и каракольской культур до позднебронзового века: бронзовое копье из Бике II (Кубарев В.Д., Черемисин Д.В., Слюсаренко И.Ю., 2001, рис. 15), бронзовый нож из Эликманара (Степанова Н.Ф., 1993, рис. 1), створка литейной формы из Озерного (Абдулганеев М.Т., Кирюшин Ю.Ф., Кадиков Б.Х., 1982, рис. 4). Сосуд с треугольными фестонами из Нижнего Тюмечина 5 (кольцо 2) живо напоминает карасукско-ирменские образцы. Попытку выделить в Горном Алтае андроновские памятники (Соёнов В.И., Исов А.В., 2000) следует признать неудачной и их отсутствие слабой изученностью территории уже не объяснить. Скорее всего, единичные находки кинжалов андроновского типа в Горном Алтае следует увязывать не с андроновской, а с каракольской или какой-либо другой культурой. Немногочисленными являются ирменские памятники, причем зафиксированы они не далее низкогорной зоны - в верховьях Ануя и на Нижней Катуни (Бородовский А.П., 2001, с. 59-60; Молодин В.И., 2002, с. 142). Скорее всего, в силу специфики хозяйственно-культурных типов, ирменцев и андроновцев территория Горного Алтая просто не интересовала.

Учитывая географические условия Горного Алтая, особенно наличие многочисленных замкнутых межгорных котловин, мнение о доживании отдельных групп афанасьевцев вплоть до раннего железного века выглядит далеко не абсурдным. Возможность существования на этой территории изолятных групп археологами с привлечением этнографических данных уже обосновывалась (Бородовский А.П., 2001, с. 146-147). Для эпох ранней - развитой бронзы этнокультурная ситуация уже на данном этапе исследований выглядит достаточно мозаично. Помимо памятников афанасьевской, каракольской и елуинской культур, выделены арагольский и смирновский типы, а также группы памятников типа Покровки 4, Бертека 56 и Кучерлы 1 (Молодин В.И., 2002, с. 117, 137-138; Степанова Н.Ф., 2001, с. 56-57; Шульга П.И., 1999, с. 570). Речь, вероятно, в данном случае должна идти

не о смене одной культуры другой, а об их сосуществовании и контактах, причем на протяжении всей эпохи бронзы.

В настоящее время среди носителей пазырыкской культуры выделяется, по крайней мере, четыре антропологических типа и только один из них достоверно увязывает с миграционными процессами в раннем железном веке (Чижишева Т.Д., 1996, с. 250-252). Последние антропологические данные свидетельствуют о доживании потомков афанасьевцев до 6-5 вв. до н.э. (Тур С.С., Рыкун М.П., 2004, с. 34). Еще ранее было отмечено антропологическое сходство алтайских афанасьевцев с отдельными группами тагарцев (Козинцев А.Г., 1977, с. 58, 67-68, рис. 14). В настоящее время археологические свидетельства доживания афанасьевцев до скифской эпохи являются в большей степени косвенными. Помимо вышеперечисленных к ним следует отнести сходство надмогильных сооружений, системы расположения и совмещение некрополей раннебронзового века и раннескифского времени (Абдулганеев М.Т., Ларин О.В., 1992). Переходных групп памятников, к сожалению, до сих пор не выявлено. Едва ли таких памятников будет много и искать их следует там, где с одной стороны - наблюдается высокая концентрация могильников афанасьевской культуры, с другой - в пазырыкских материалах антропологами выявлены афанасьевские соответствия. В полной мере в настоящее время этим требованиям отвечают районы Средней Катунь и Урсула. Дальнейшие исследования эпохи бронзы Горного Алтая должны быть связаны не только с добытием новых материалов, но и с детальной разработкой уже имеющихся в их взаимосвязи.

Литература

1. Абдулганеев М.Т., Кирюшин Ю.Ф., Кадиков Б.Х. Материалы эпохи бронзы из Горного Алтая // Археология и этнография Алтая. - Барнаул, 1982. - С. 52-77.
2. Абдулганеев М.Т., Ларин О.В. О соотношении афанасьевской и майэмирской культур // Проблемы изучения истории и культуры Алтая и сопредельных территорий. - Горно-Алтайск, 1992. - С. 33-36.
3. Абдулганеев М.Т., Ларин О.В. Афанасьевские памятники Бойтыгема // Археология Горного Алтая. - Барнаул, 1994. - С. 24-42.
4. Абдулганеев М.Т., Посредников В.А., Степанова Н.Ф. Афанасьевские могильники на р. Ело // Источники по истории Республики Алтай. - Горно-Алтайск, 1997. - С. 69-90.
5. Баженов А.И., Бородаев В.Б., Малолетко А.М. Владимировка - древнейший медный рудник Сибири. - Томск, 2002. - 119 с.
6. Бородавский А.П. Многослойный поселенческий комплекс эпохи палеометаллов на Нижней Катунь // Древности Алтая. Известия лаборатории археологии. - Горно-Алтайск, 2001. - №7. - С. 56-67.
7. Вадецкая Э.Б. Сибирские курительницы // Памятники неолита и бронзы. - КСИА. - М., 1986. - №185. - С. 50-59.
8. Вадецкая Э.Б., Леонтьев Н.В., Максименков Г.А. Памятники окуневской культуры. - Л., 1980. - 148 с.
9. Владимиров В.Н., Мамадаков Ю.Т., Цыб С.В., Степанова Н.Ф. Раскопки афанасьевского могильника Первый Межелик 1 в Онгудайском районе // Древности Алтая. Известия лаборатории археологии. - Горно-Алтайск, 1999. - №4. - С. 31-41.
10. Владимиров В.Н., Степанова Н.Ф. Исследование афанасьевского погребального обряда методом автоматической классификации // Археология Горного Алтая. - Барнаул, 1994. - С. 3-8.
11. Владимиров В.Н., Цыб С.В. Афанасьевское культовое место у с. Кара-Коба // Археология Северной Азии. - Новосибирск, 1982. - С. 55-62.
12. Глушков И.Г. Кротовская культура на Иртыше (по материалам поселения Саранин II) // Проблемы этнической истории тюркских народов Сибири и сопредельных территорий. - Омск, 1984. - С. 33-57.
13. Грязное М.П. Этапы развития хозяйства скотоводческих племен Казахстана и Южной Сибири // КСИЭ. - 1957. - Вып. XXVI. - С. 21-28.
14. Грязное М.П. Афанасьевская культура на Енисее. - СПб., 1999. - 136 с.
15. Деревянко А.П., Молодин В.И., Савинов Д.Г. и др. Древние культуры Бертекской долины (Горный Алтай, плоскогорье Укок). - Новосибирск, 1994. - 224 с.

16. Кирюшин Ю.Ф. К вопросу об энеолите и бронзовом веке Горного Алтая // Проблемы изучения культурно-исторического наследия Алтая. - Горно-Алтайск, 1994. - С. 14-16.
17. Кирюшин Ю.Ф., Абдулганеев М.Т., Цыб СВ. Раскопки могильника Первый Межелик-1 // Памятники древних культур Сибири и Дальнего Востока - Новосибирск, 1986 - С.58-65.
18. Кирюшин Ю.Ф., Посредников В.А., Фирсов Л.В. Абсолютный возраст некоторых памятников неолита и бронзы Западной Сибири // Проблемы западносибирской археологии. Эпоха камня и бронзы. - Новосибирск, 1981. - С. 28-32.
19. Кирюшин Ю.Ф., Степанова Н.Ф. Керамика эпохи ранней бронзы с поселений Средней Катунь // Проблемы археологии, этнографии, антропологии Сибири и сопредельных территорий - Новосибирск, 1998. - Том V. - С. 245-249.
20. Киселев СВ. Древняя история Южной Сибири. - М., 1951. - 642 с.
21. Козинцев А.Г. Антропологический состав и происхождение тагарской культуры. - Л., 1977.-144 с.
22. Косарев М.Ф. Бронзовый век Западной Сибири. - М., 1981. - 278 с.
23. Кубарев В.Д. Древние росписи Каракола. - Новосибирск, 1988. - 173 с.
24. Кубарев В.Д. Древние росписи Озерного. Каракольская культура // Сибирь в панораме тысячелетий. - Новосибирск, 1998. - Том 1. - С. 277-289.
25. Кубарев В.Д., Киреев СМ., Черемисин Д.В. Курганы урочища Бике //Археологические исследования на Катунь. - Новосибирск, 1990. - С. 43-95.
26. Кубарев В.Д., Черемисин Д.В., Слюсаренко И.Ю. Бике I, II: погребальные памятники афанасьевской культуры на средней Катунь // Древности Алтая. Известия лаборатории археологии. - Горно-Алтайск, 2001. - №6. - С. 32-54.
27. Ларин О.В. К истории изучения афанасьевской культуры Горного Алтая // Археология Горного Алтая. - Горно-Алтайск, 1988. - С. 82-91.
28. Миронов ВС Культура населения средней Катунь в скифское время: Автореф. дис. ... к.и.н. - Новосибирск, 2000. - 18 с.
29. Могильников В.А. Некоторые памятники эпохи раннего металла из Центрального Алтая // Проблемы истории Горного Алтая. - Горно-Алтайск, 1987. - С. 23-34.
30. Молодин В.И. Горный Алтай в эпоху бронзы // История Республики Алтай.- Горно-Алтайск, 2002. - Том 1. - С. 97-142.
31. Молодин В.И., Глушков И.Г. Самусьская культура в Верхнем Приобье. - Новосибирск, 1989. - 168 с.
32. Молодин В.И., Петрин ВТ. Разведка в Горном Алтае // Алтай в эпоху камня и раннего металла. - Барнаул, 1985. - С. 50-73.
33. Плотников Ю.А. О возможности сохранения энеолитического населения Горного Алтая до раннего железного века // Проблемы сохранения, использования и изучения памятников археологии. - Горно-Алтайск, 1992. - С. 17-18.
34. Погожева А.П. Курганы эпохи бронзы на западе Горного Алтая //Археологические открытия 1982 года. - М., 1984. - С. 225-226.
35. Погожева А.П., Кадиков Б.Х. Могильник эпохи бронзы у поселка Озерное на Алтае // Новое в археологии Сибири и Дальнего Востока. - Новосибирск, 1979. - С. 80-84.
36. Погожева А.П., Молодин В.И. Раскопки на поселении Кара-Тенеш (1978 г.) //Археологический поиск (Северная Азия). - Новосибирск, 1980. - С. 92-98.
37. Посредников В.А. К археологической карте Алтая // Древняя история Алтая. - Барнаул, 1980.-С. 25-37.
38. Посредников В.А., Цыб СВ. Афанасьевский могильник Нижний Тюмечин 1 // Вопросы археологии Алтая и Западной Сибири эпохи металла. - Барнаул, 1992. - С. 4-10 156-160.
39. Посредников В.А., Цыб СВ. Афанасьевский могильник у села Кара-Коба //Археологические и фольклорные источники по истории Алтая. - Горно-Алтайск, 1994. - С 26-30 202-205.
40. Савинов Д.Г. Окуневские могилы на севере Хакасии // Проблемы западносибирской археологии. Эпоха камня и бронзы. - Новосибирск, 1981. - С. 111-117.
41. Соёнов В.И., Исов А.В. К проблеме выделения андроновских погребений в Горном Алтае // Сохранение и изучение культурного наследия Алтая. - Барнаул, 2000. - Вып XI - С. 125-126

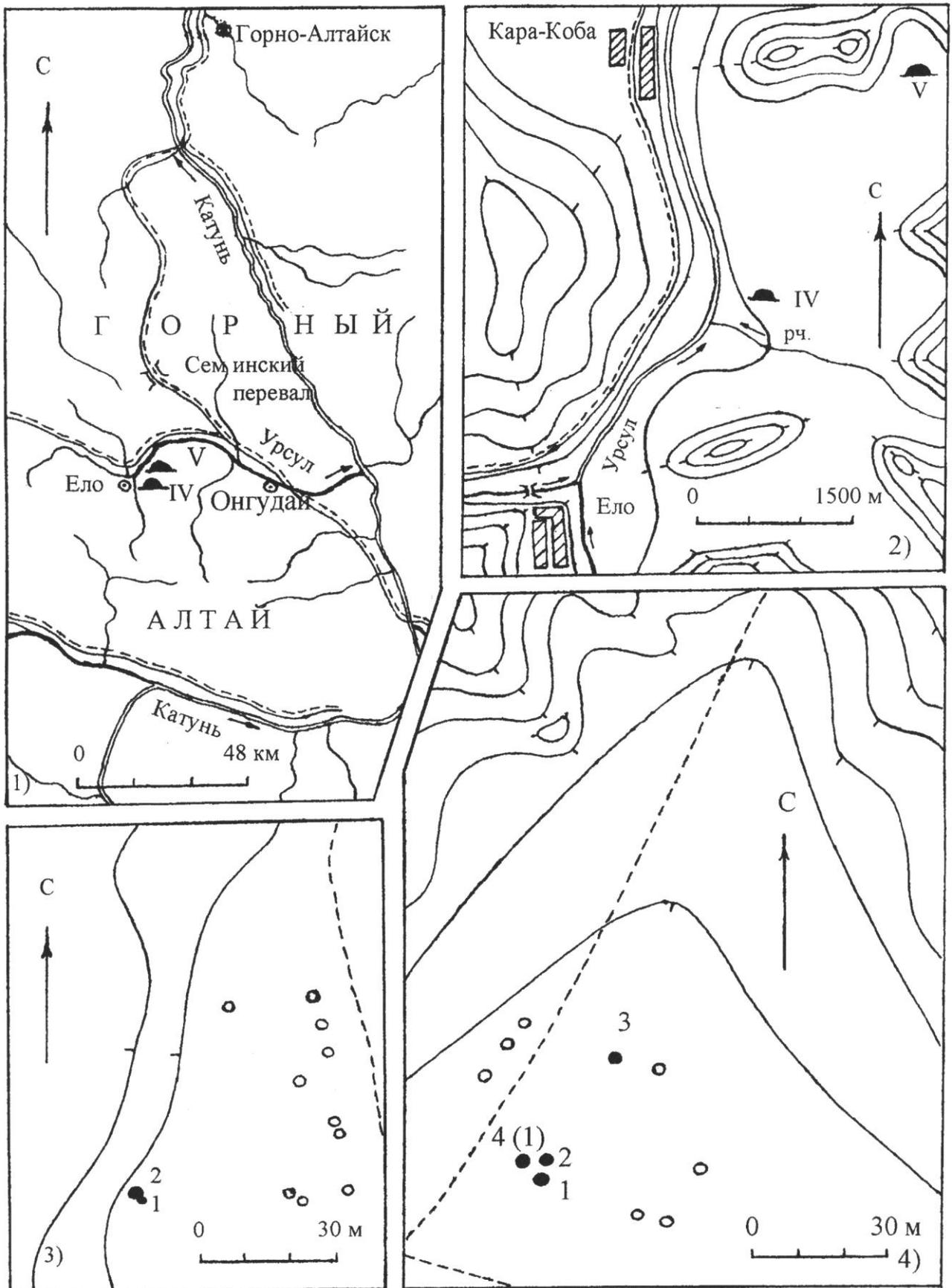

Рис. 1

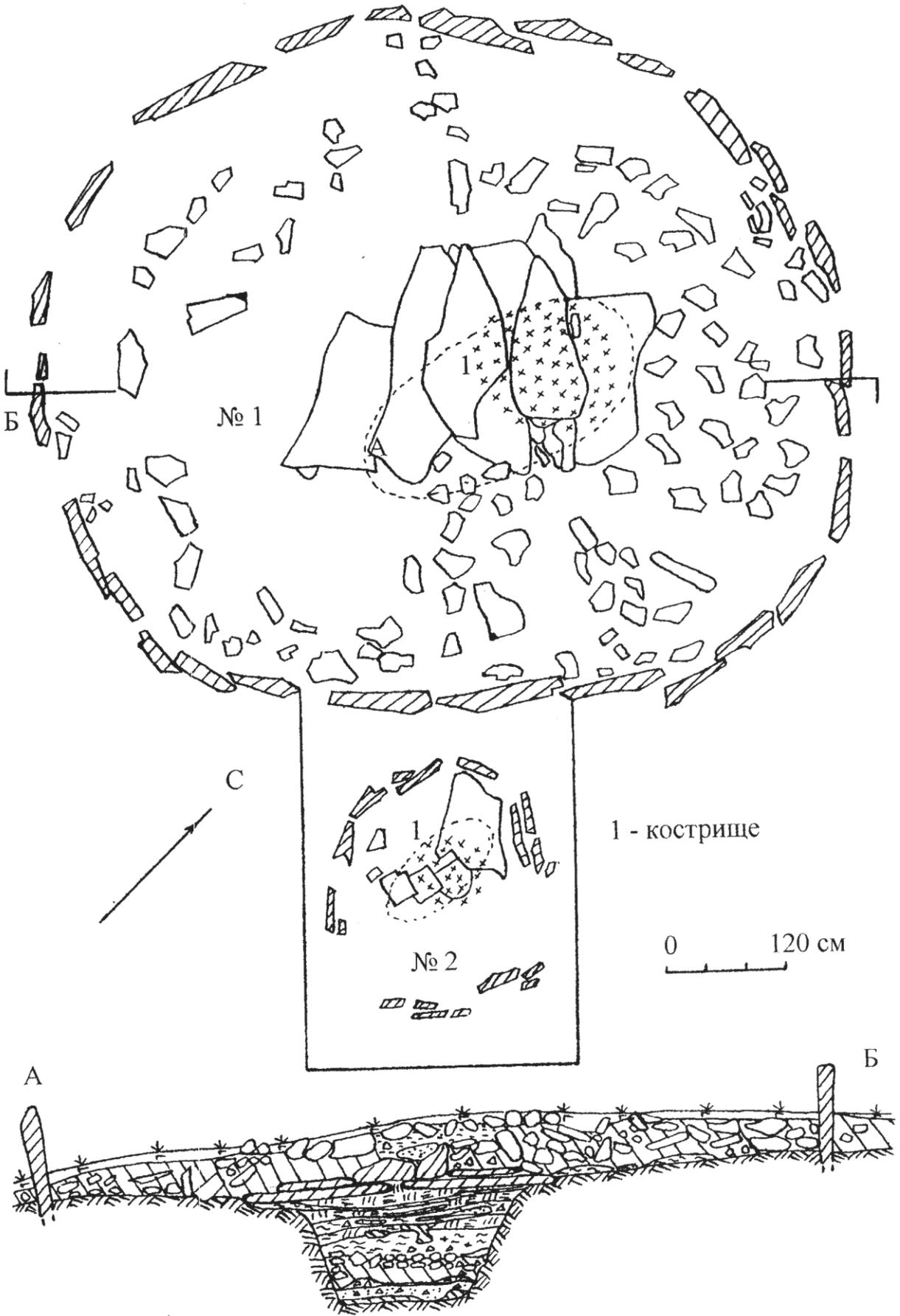

Рис. 2

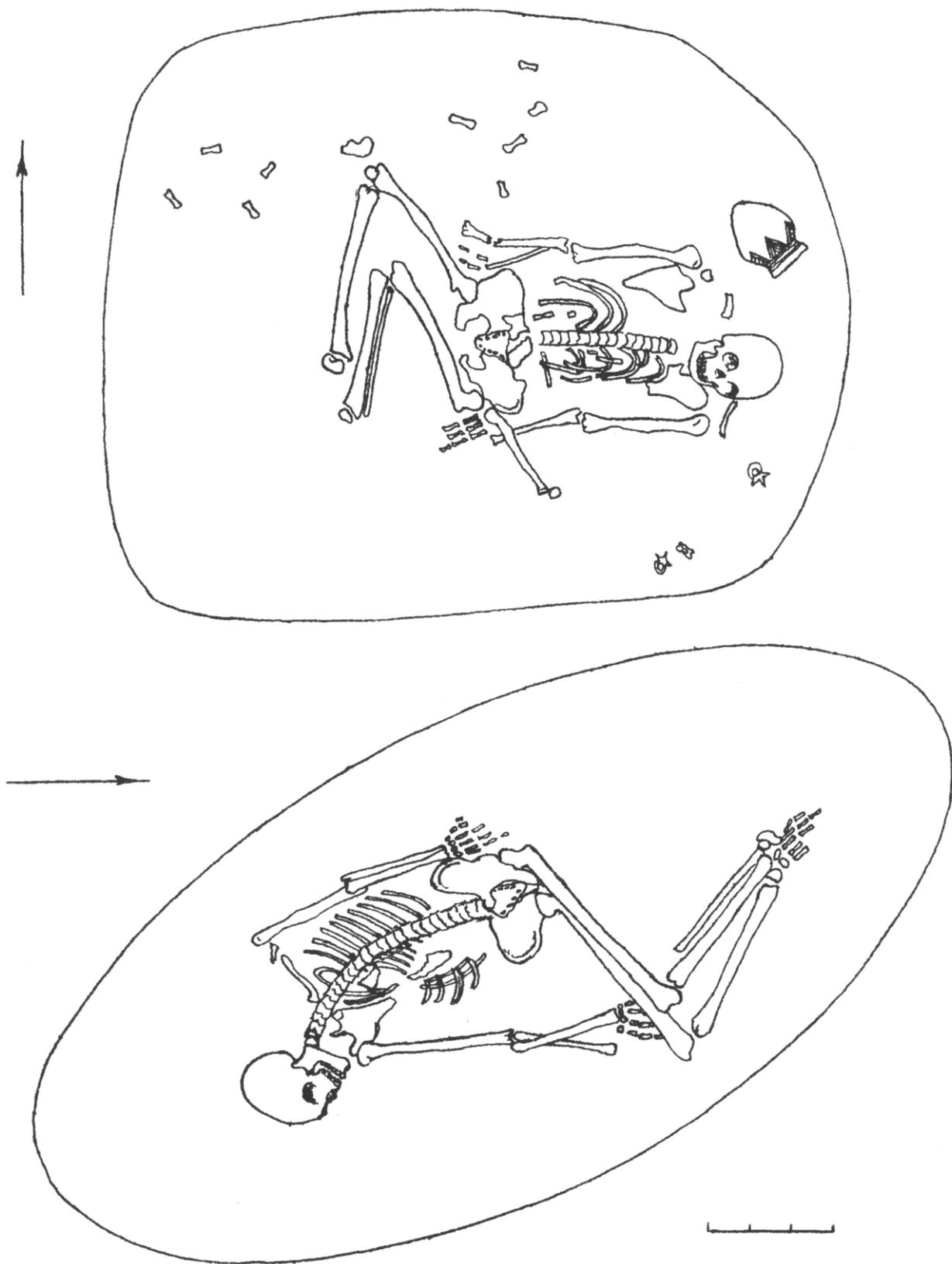
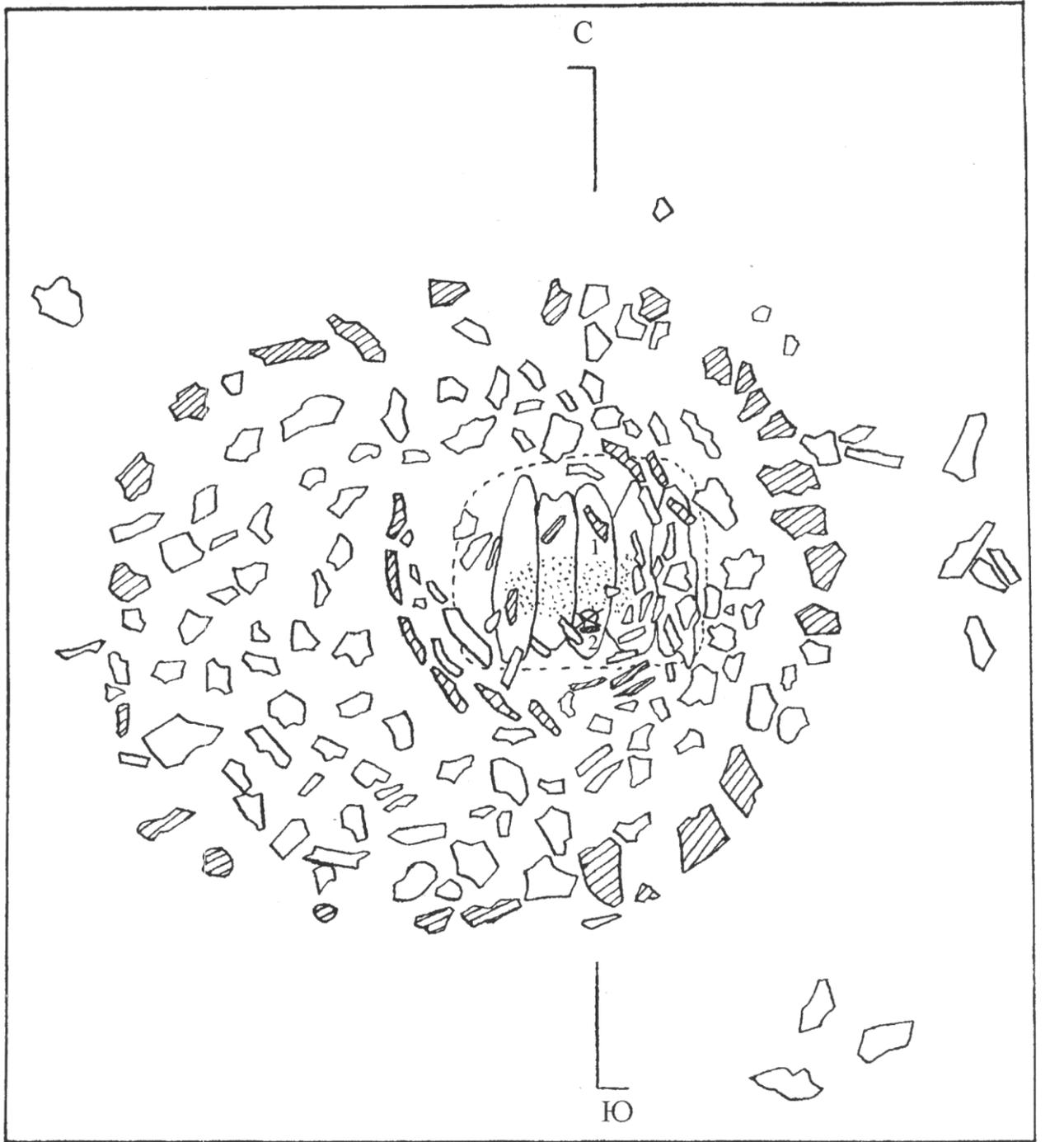

Рис. 3

- 1 - пятно охры
- 2 - сосуд

Рис. 4

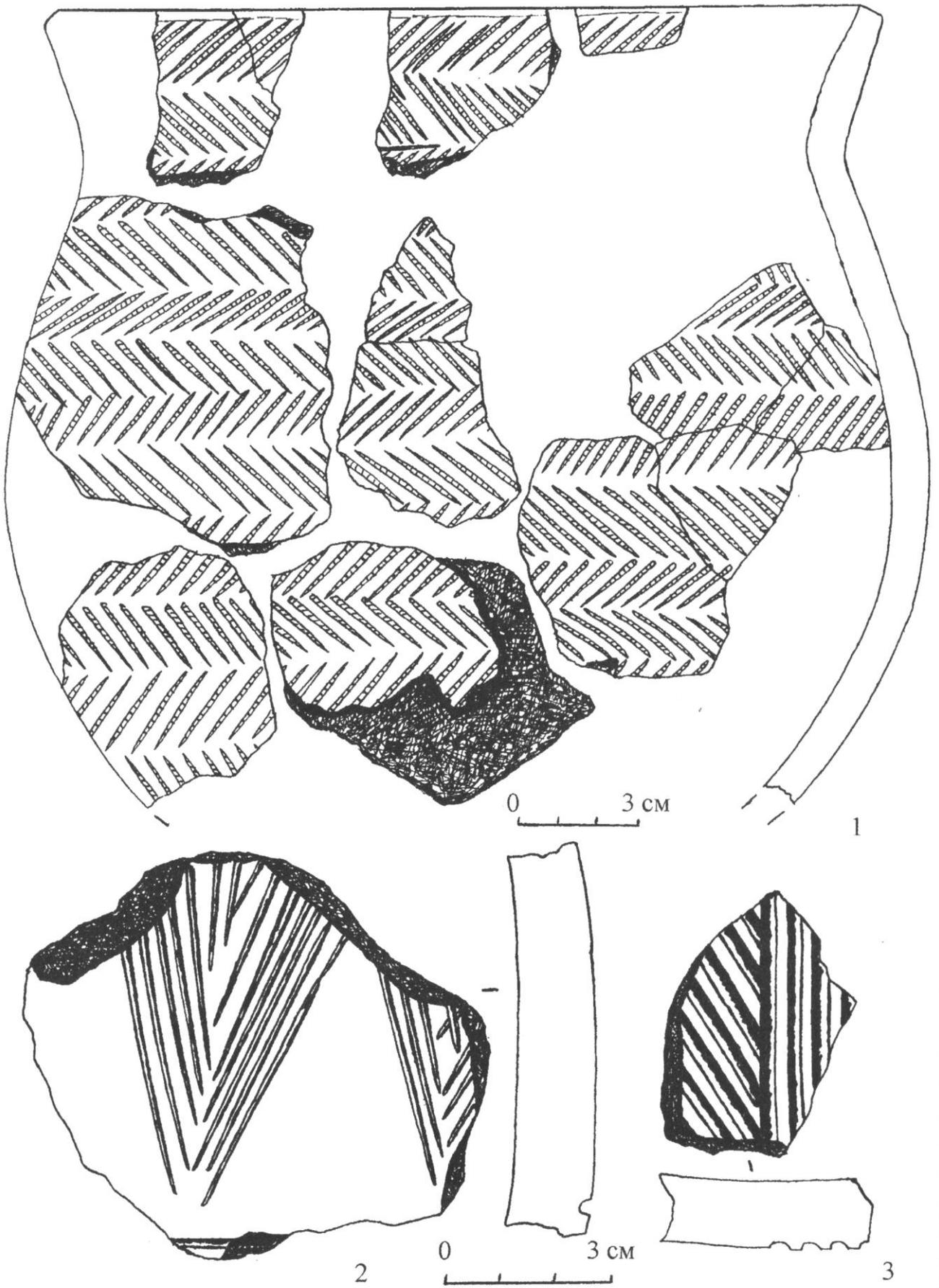

Рис. 5

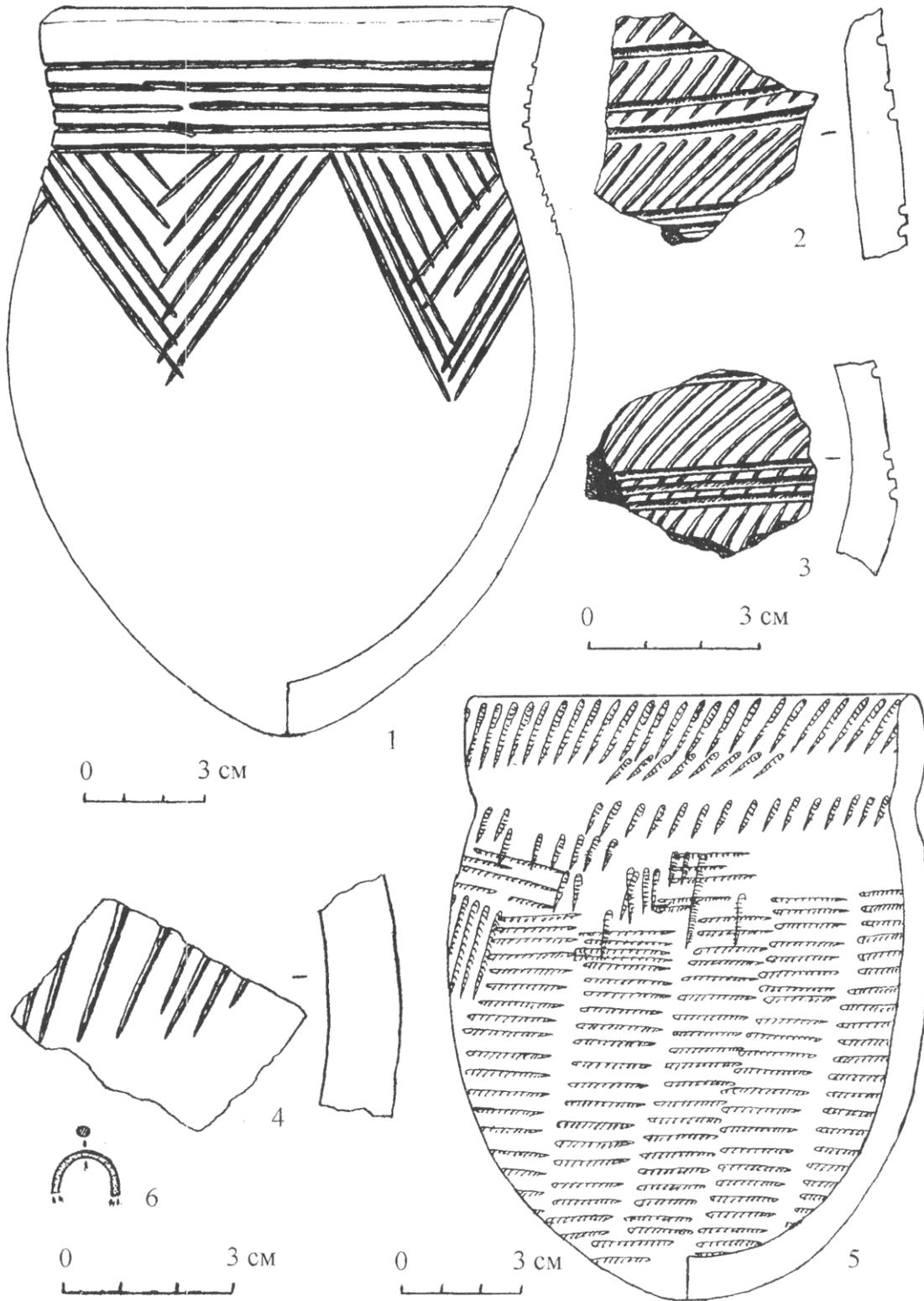

Рис. 6

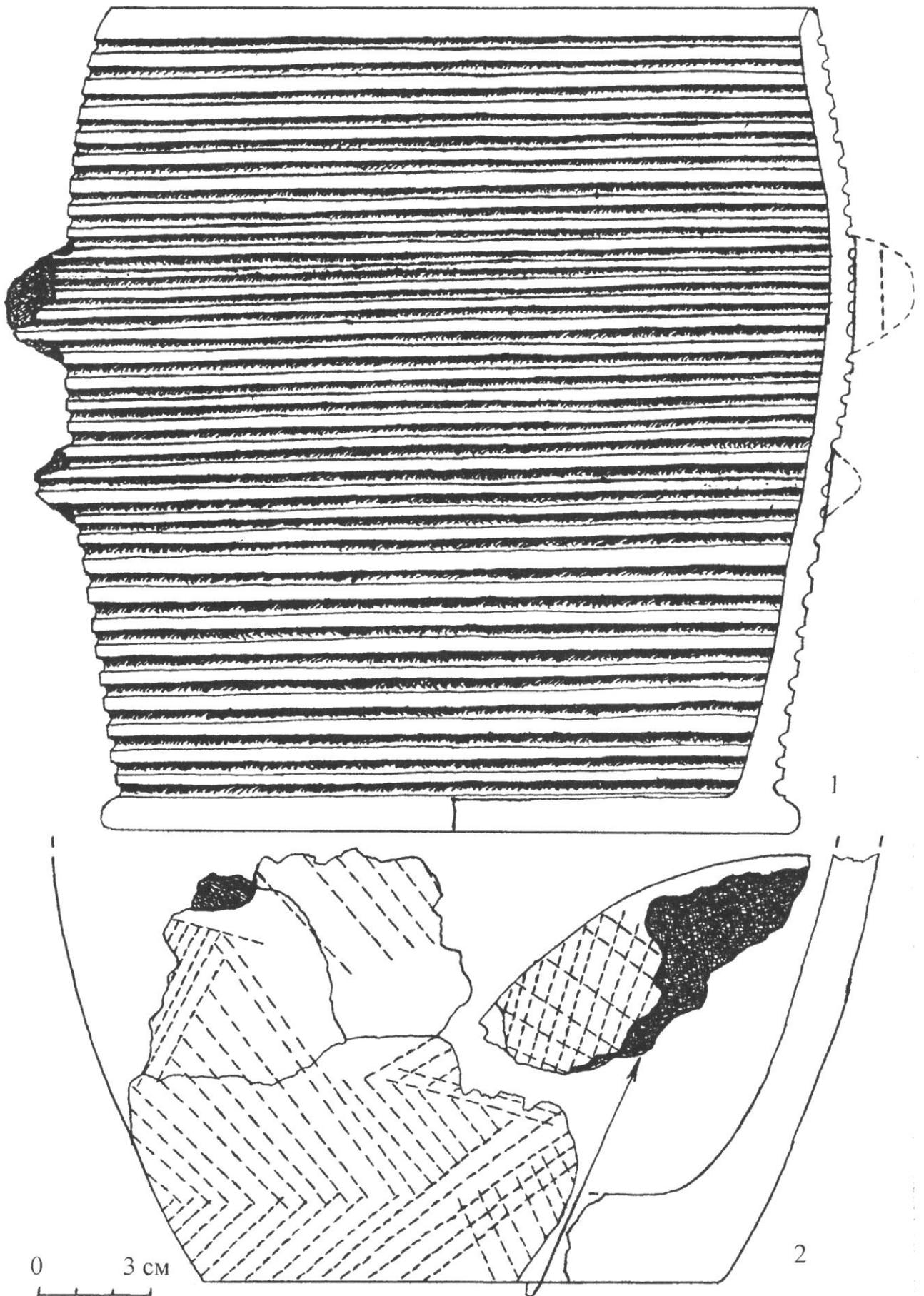

Рис. 7

42. Степанова Н.Ф. Исследования у с. Элекманар // Охрана и изучение культурного наследия Алтая. - Барнаул, 1993. - Часть 1. - С. 94-97.
43. Степанова Н.Ф. Способы орнаментации афанасьевской керамики (по материалам погребений Горного Алтая) // Актуальные вопросы истории Сибири. - Барнаул, 1998. - С. 262-266.
44. Степанова Н.Ф. Памятники эпохи бронзы Горного Алтая // Древности Алтая. Известия лаборатории археологии. - Горно-Алтайск, 2001. - №6. - С. 54-62.
45. Суразаков А.С. Афанасьевские памятники Горного Алтая // Проблемы истории Горного Алтая. - Горно-Алтайск, 1987. - С. 3-22.
46. Тур С.С., Рыкун М.П. Краниологические материалы пазырыкской культуры из могильников в урочище Кызыл-Джар // Древности Алтая. - Горно-Алтайск, 2004. - №12. - С. 32-49.
47. Хлобыстина М.Д. Древнейшие памятники Горного Алтая // СА. - 1975. - №1. - С. 17-33.
48. Цыб СВ. Ранняя группа афанасьевских памятников и вопрос о происхождении афанасьевской культуры // Древняя история Алтая. - Барнаул, 1980. - С. 38-51.
49. Цыб СВ., Мамадаков Ю.Т., Степанова Н.Ф. Погребальное сооружение эпохи бронзы из Горного Алтая // Древности Алтая. Известия лаборатории археологии. - Горно-Алтайск, 1998. - №3. - С. 22-28.
50. Чикишева Т.А. К вопросу о формировании антропологического состава населения пазырыкской культуры Горного Алтая // Новейшие археологические и антропологические открытия в Сибири. - Новосибирск, 1996. - С. 249-252.
51. Чикишева Т.А. Новые данные об антропологическом составе населения Алтая в эпохи неолита - бронзы // Археология, этнография и антропология Евразии. - 2000. - №1. - С.139-148.
52. Шульга П.И. Раскопки афанасьевского кургана у с. Чепош // Охрана и изучение культурного наследия Алтая. - Барнаул, 1993. - Часть 1. - С. 86-89.
53. Шульга П.И. Исследование захоронений эпохи энеолита - ранней бронзы в долине реки Сентелек // Проблемы археологии, этнографии, антропологии Сибири и сопредельных территорий. - Новосибирск, 1999. - Том V. - С. 564-570.

Список иллюстраций к статье Абдулганеева М.Т. и Славнина В.Д.

- Рис.1. Схемы расположения (1, 2) и планы могильников Нижний Тюмечин 4 (3) и 5 (4) (на схемах - римские цифры). Рис.2. План и разрез оград 1 и 2 могильника Нижний Тюмечин 4.
- Рис.3. Планы могил кольца 2 могильника Нижний Тюмечин 5 (1) и ограды 1 могильника Нижний Тюмечин 4 (2). Рис.4. План и разрез кольца 2 могильника Нижний Тюмечин 5.
- Рис.5. Керамика из кольца 1 (1, 3) и ограды (2) могильника Нижний Тюмечин 5. Рис.6. Бронзовое кольцо (6) и керамика (1-5) из колец 1 (6), 2 (1, 5), 3 (2, 3) и ограды 1 (4) могильника Нижний Тюмечин 5. Рис.7. Керамика из ограды 1 могильника Нижний Тюмечин 5.

Работа выполнена при поддержке РГНФ (проект №04-01-00356а)

Семибратов В.П., Казаков А.А., Папин Д.В.
(г.Барнаул)

КУЛЬТУРНО-ХРОНОЛОГИЧЕСКИЕ КОМПЛЕКСЫ ПОСЕЛЕНИЯ КОЛОВЫЙ МЫС-Ш

Летом 1998 г. Чарышской археологической экспедицией АГУ под руководством научного сотрудника лаборатории археологии АГУ В.П. Семибратова были проведены исследования поселения, расположенного на мысу, отводимом под резерв грунта для строительства мостового перехода через р. Чарыш на автодороге Усть-Чарышская Пристань – Коробейниково – Краснодарский (рис. 1).

Поселение расположено на мысу коренной террасы р. Чарыш высотой от уровня поймы 5 м, в 800 м к СЗ от с. Коловый Мыс, на площади бывшей птицефабрики. Открыто в 1968 г. Э.М. Медниковой, в 1987 г. на поселении были проведены сборы сотрудником БиКМ СЮ. Юсуповым. В 1994 г. памятник обследовался Д.В. Папиным и Я.В. Фроловым, ими же был составлен глазомерный план. (Фролов Я.В., 1999, с. 7-8).

Площадь поселения потревожена современными ямами, карьером, из которого брали глину для расположенного ниже кирпичного завода (ныне не существующего), фундаментами современных построек. Ранее мыс распахивался. На поселении вскрыто сплошным раскопом 912 кв.м (рис. 2; 3). В 100 м от западной границы раскопа исследован один из объектов курганного могильника, датируемый периодом развитого средневековья (Фролов Я.В., 1999, с. 8, рис. 12).

Исследование поселения затруднялось многочисленными современными перекопами и культурными остатками нашего времени, в большом количестве встречаемыми в верхних слоях культурного слоя.

Памятник исследовался сплошным раскопом, заложенным ближе к восточной оконечности мыса. С целью выявления возможного грунтового могильника или конструкций, на мысу от раскопа были пробиты четырехметровые траншеи, которыми исследована непотревоженная часть мыса. Ни конструкций, ни могильника этими траншеями выявлено не было (рис. 2, 3).

Культурные остатки различных периодов залежали в гумусовом горизонте мощностью от 0,8 до 1 м. Насыщенность культурного слоя находками крайне малая. Раскопом было исследовано 5 ям, скопление сырьевой глины и довольно обширное скопление злака (предположительно проса). Кроме ям никаких конструкций выявлено не было.

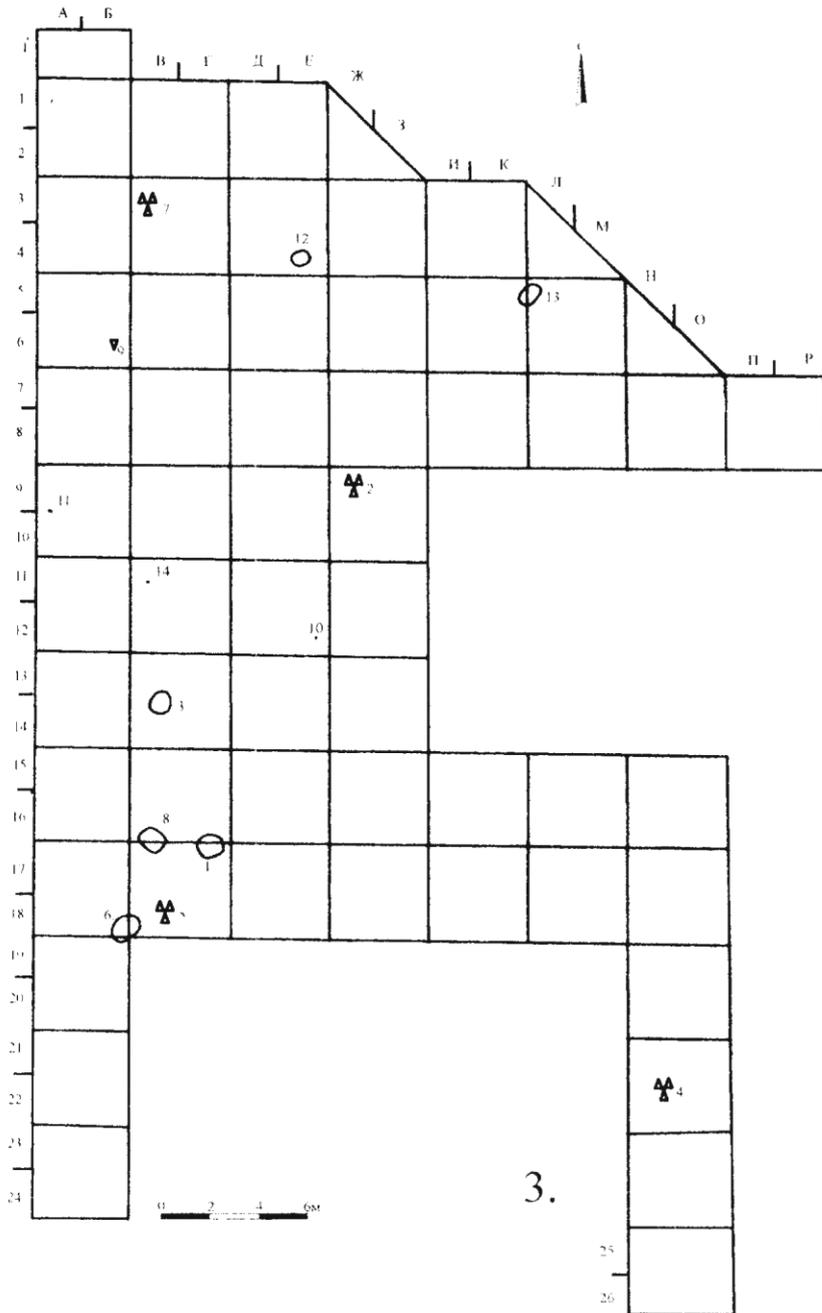
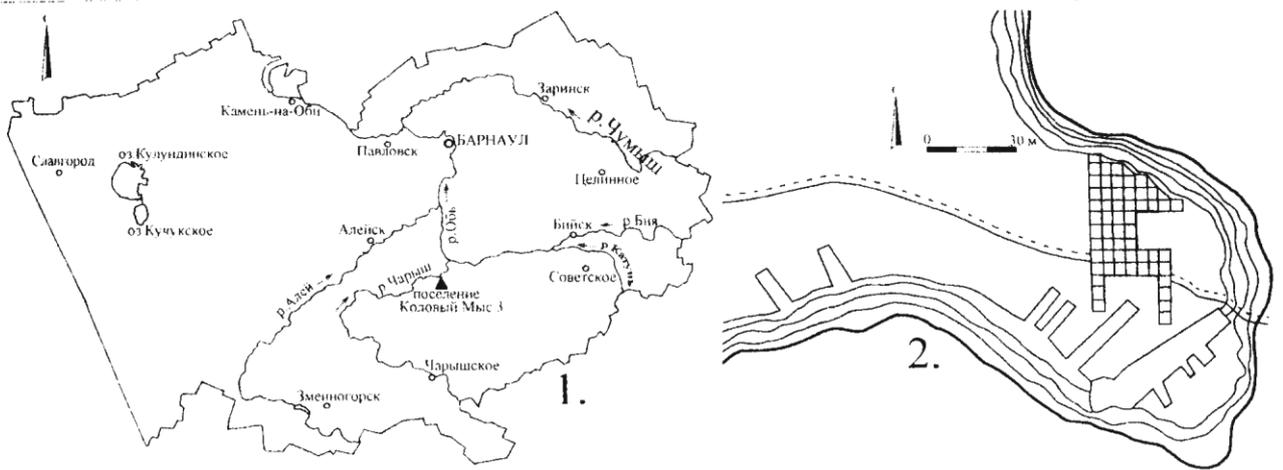
Материал, полученный с поселения, представлен развалами *сосудов и фрагментами* керамики. Из вещей были найдены оселок (рис. 4 - 5), железный нож (рис. 4 - 2), железная проколка (рис. 4 - 1), костяной наконечник стрелы (рис. 4 - 4), костяная проколка (рис. 4 - 3), фрагмент либо сопла от металлургического горна, либо литейной формы (рис. 4 - 9), фрагмент керамического пряслица (рис. 4 - 8).

О наличии на поселении металлургического производства говорят находки как вышеозначенного фрагмента металлургического горна, бронзовых и железных шлаков, а так же железной крицы (?). К сожалению, никакой возможности культурно-хронологической атрибуции этих находок у нас нет.

Все находки можно разделить на семь культурно-хронологических комплексов. К эпохе мезолита-неолита можно отнести клиновидный нуклеус с полуконцентрическим фронтом скалывания и отщеп. Фронт скалывания нуклеуса выпуклый, треугольный по контуру. Ударная площадка скошена в сторону контрфронта, обработана несколькими перпендикулярными сколами. Киль и гребень подработаны со стороны одной из латералей (рис. 4 - 6). Отщеп с вентральной равнофасеточной пологой ретушью (рис. 4 - 7). Подобные элементы каменной индустрии характерны для эпохи мезолита-неолита.

К периоду ранней бронзы относятся четыре орнаментированных фрагмента керамики от одного сосуда, орнаментированные горизонтальными отпечатками гребенчатой качалки (рис. 5 - 1-3). Подобная техника орнаментации характерна для керамики елунинской культуры, которая датируется XIX-XVIII-XVI-XV вв. до н.э. (Кирюшин Ю.Ф., 2002, с. 48-51). Примечательным является факт, обнаружением неподалёку грунтового могильника этой же культуры (Кирюшин Ю.Ф., 2002), возможно, что на месте памятника в этот период существовала небольшая стоянка и рядом функционировал могильник. Период развитой бронзы представлен тремя орнаментированными фрагментами керамики андроновской культуры (рис. 5 - 4, 5), датирующейся XV-XIV вв. до н.э. (Кирюшин Ю.Ф., Шамшин А.Б. 1992, с. 210).

Период поздней бронзы представлен пятью фрагментами керамики, орнаментированными резным орнаментом и вафельным штампом (рис. 5 - 6-8). О культурной принадлежности этого комплекса ввиду его малочисленности говорить сложно. Можно лишь в достаточно широких пределах определить хронологические рамки бытования подобных керамических традиций, характерных для XII-IX вв. до н.э. (там же, с. 211). Определенный интерес представляет фрагмент керамики с вафельным орнаментом, не характерным для территории лесостепного и предгорного Алтая

- 1. яма 18 - развал сосуда рис. 2
- 2. развал сосудов рис. 3; рис. 6
- 3. яма 20
- 4. скопление керамики рис. 5
- 5. развал сосуда рис. 4
- 6. яма 8
- 7. развал сосуда рис. 8
- 8. сырьевая глина
- 9. нуклеус
- 10. отщеп
- 11. фрагмент железного изделия
- 12. яма 17
- 13. яма 19
- 14. наконечник стрелы

Рис. 1-3

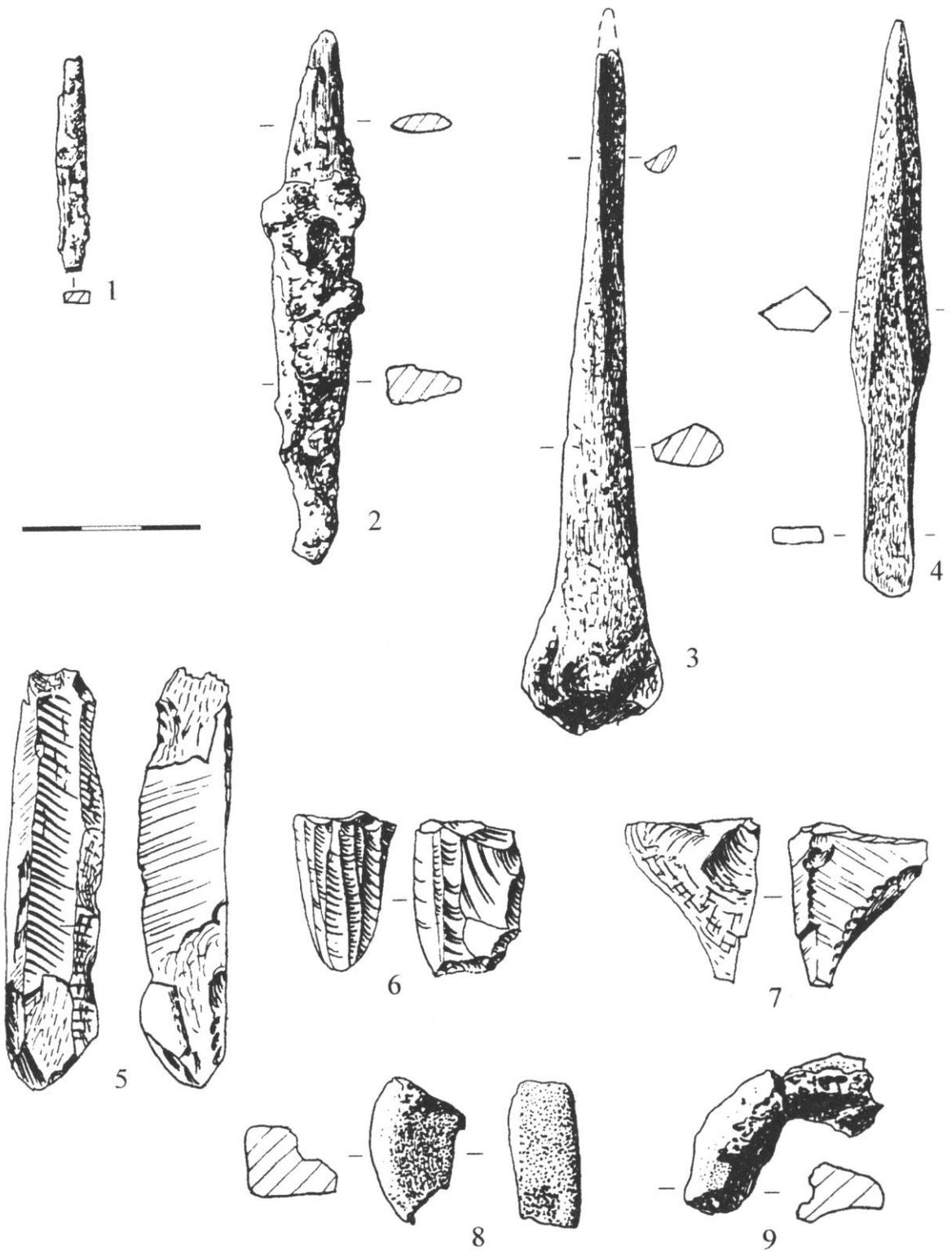

Рис. 4

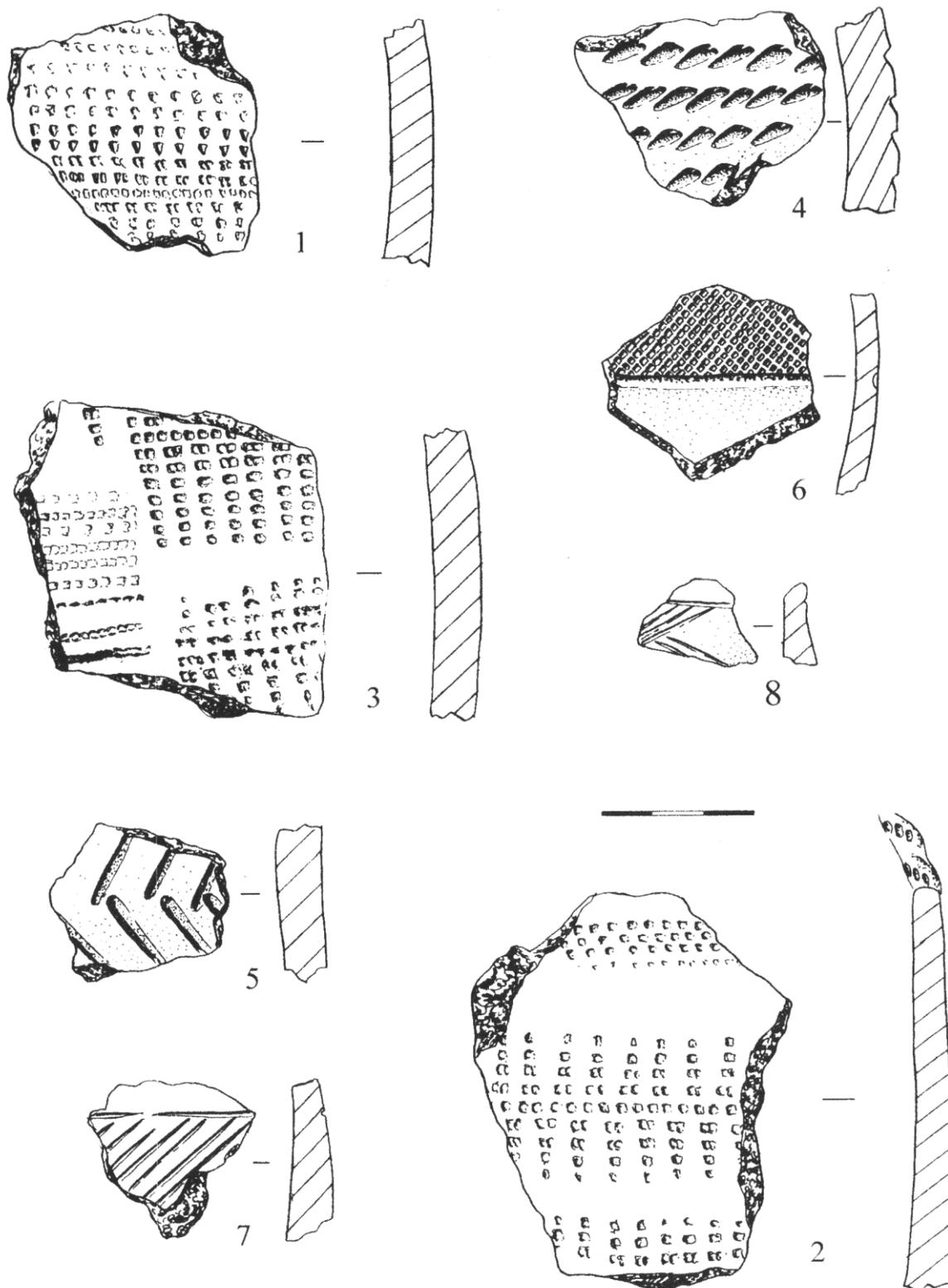
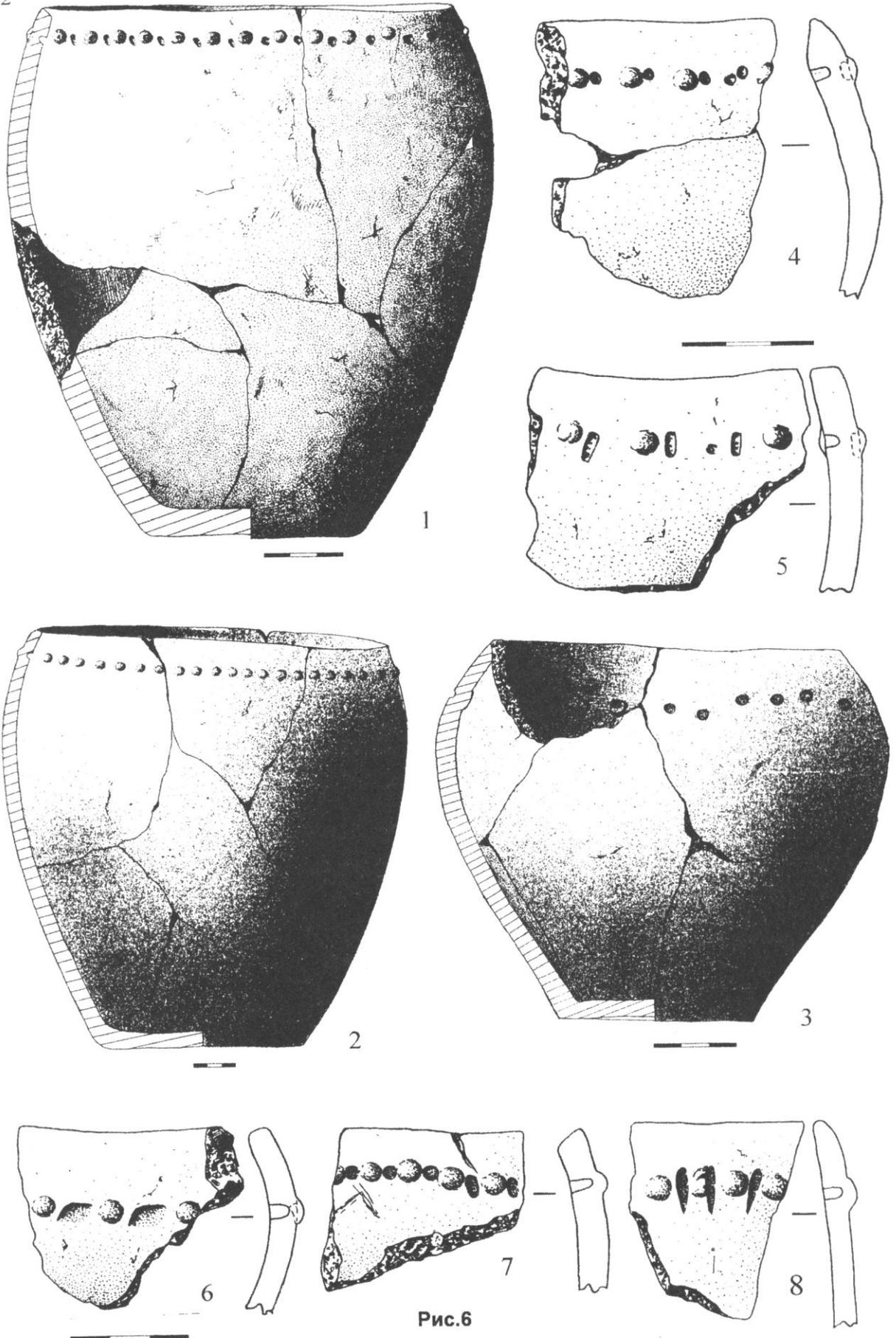

Рис. 5

22

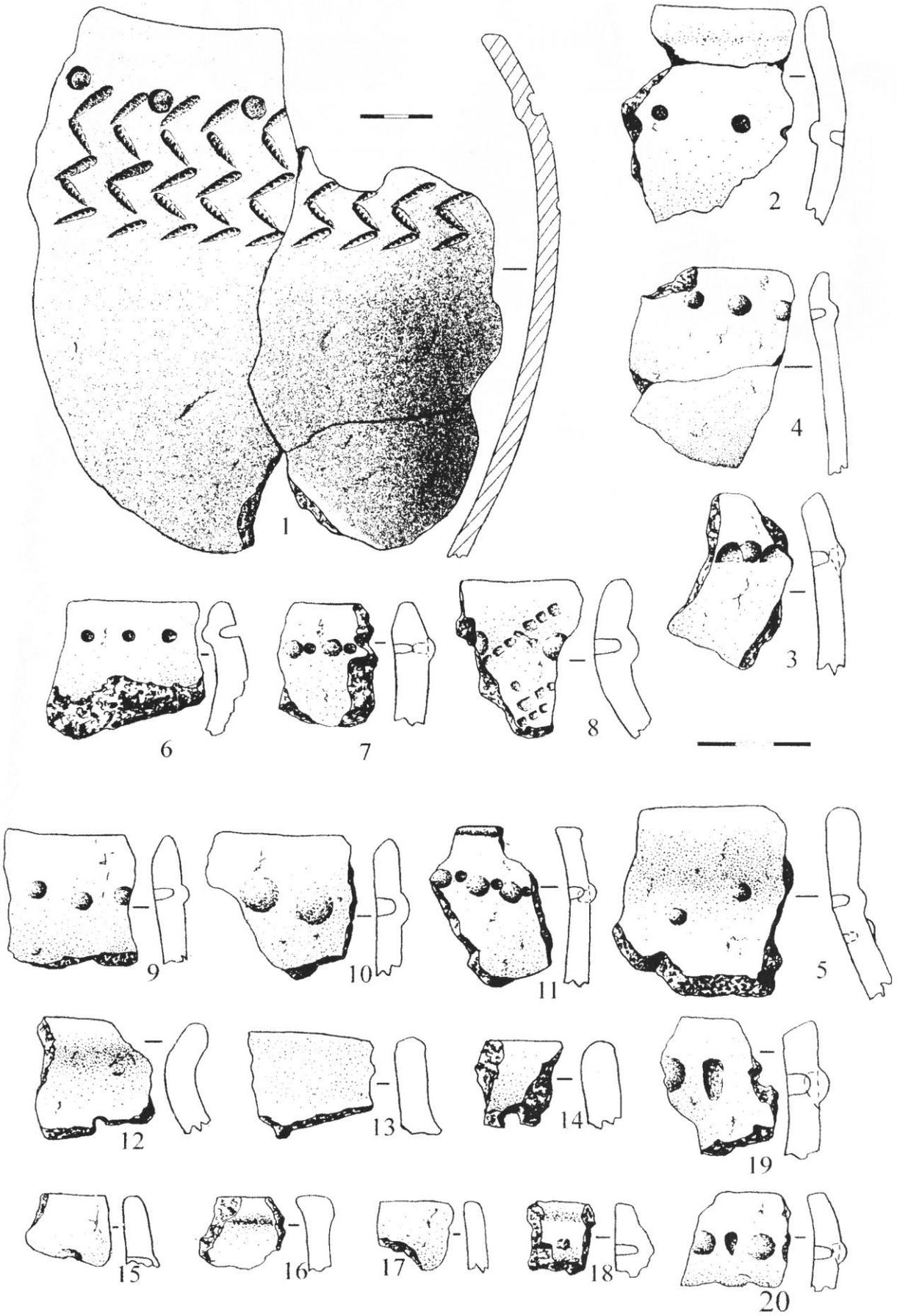

Рис. 7

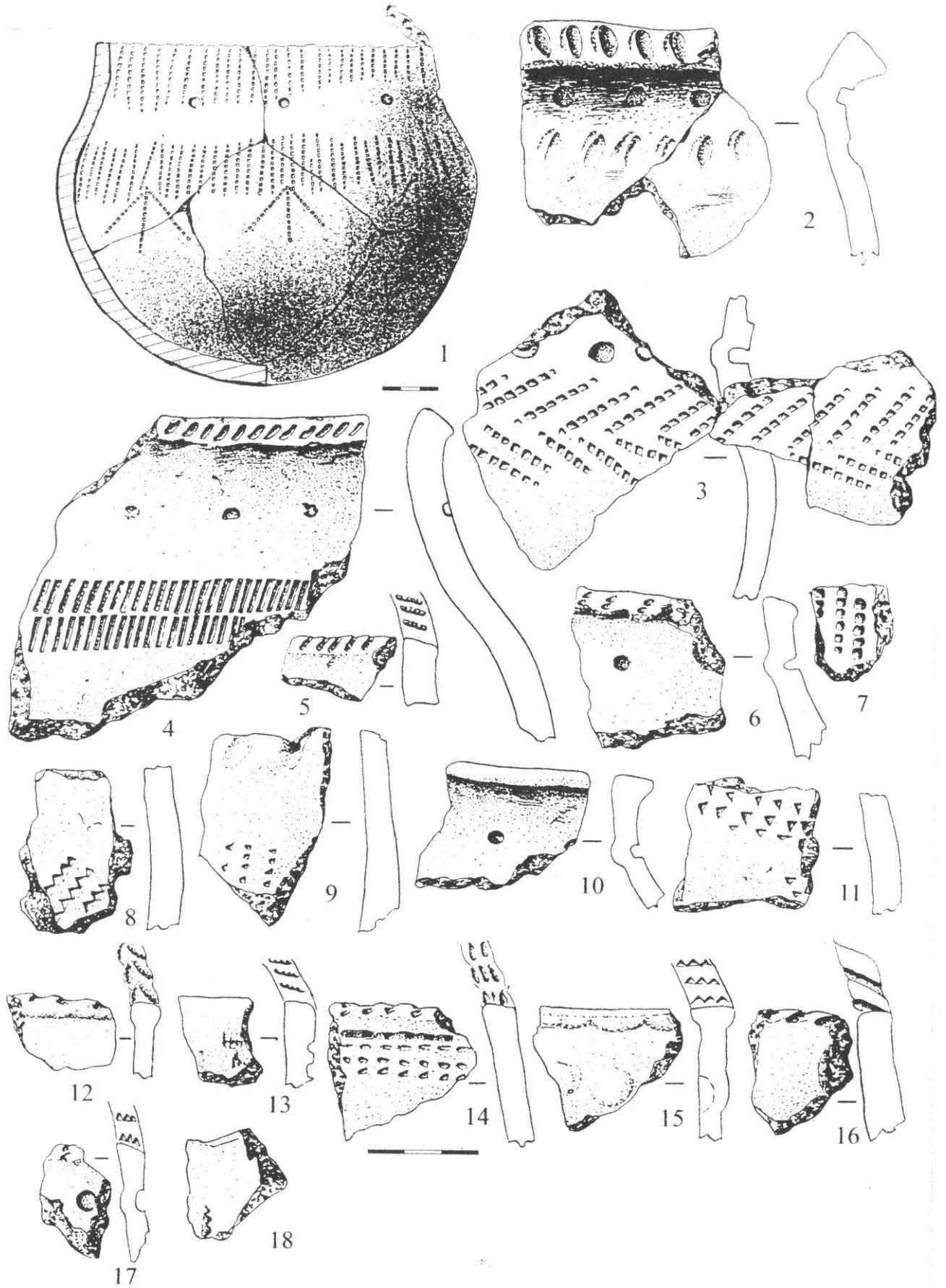

Рис. 8

Одним из наиболее многочисленных является керамический комплекс раннего железного века, представленный 28 орнаментированными фрагментами керамики и развалами трех сосудов (рис. 6; 7). Наличие реконструированных сосудов и большого количества венчиков позволяет описать этот комплекс более подробно.

Формы венчиков и реконструированных сосудов позволяют говорить о преобладании закрытых форм. Встречены как баночные сосуды (рис. 6 - 1-3), так и горшковидные (рис. 7 - 12), фрагменты двух чаш (рис. 6 - 4; рис. 7 - 6). Срезы венчиков округлые, плоские и приостренные, срезанные внутрь сосуда. Судя по реконструированным сосудам и наличию большого количества плоских днищ, с идентичной венчикам структурой формовочной массы, можно говорить о плоскодонное™ этого комплекса. Из элементов орнамента на сосудах и венчиках присутствуют ямки, жемчужник, насечки, отпечаток уголка лопаточки и гребенчатый штамп. Преобладающими являются ямки и жемчужник, затем идут насечки и отпечаток уголка лопаточки. Гребенчатый штамп встречен на двух венчиках.

Орнаментальная композиция довольно проста и включает в себя не более двух орнаментальных элементов, одним из которых обязательно является либо ямка, либо жемчужник. Эти элементы могут сочетаться и на одном сосуде. В этом случае ямка выступает в качестве разделителя. Все сосуды, за исключением двух, украшены одной орнаментальной строкой. Это может быть ряд жемчужин без разделителя (рис. 2; 7 - 4; 5; 9; 10), жемчужины с разделителем, каковыми могут являться любые другие вышеозначенные элементы (рис. 6 - 1; 6-8; рис. 7 - 5; 7; 11; 19; 20), ряд ямок, как правило, без сочетания с другими элементами (рис. 6 - 3; рис. 7 - 2). Подобный керамический комплекс характерен для поселений староалейской культуры 6-2 вв. до н.э., в ареале распространения которой и расположен исследованный памятник (Абдулганеев М.Т., Владимиров В.Н., 1997, с. 62).

Достаточно представителен и керамический комплекс эпохи средневековья, который можно разделить на две культурно-хронологические группы. К первой относятся реконструированный круглодонный сосуд, орнаментированный ямками и гребенчатым штампом (рис. 8 - 1) и фрагмент керамики с выраженной шейкой, орнаментированный ямками и гребенчатым штампом (рис. 8 - 3). Подобная керамика характерна для единцовского этапа единцовской культуры и датируется второй половиной 5-6 вв.

Вторая группа средневековой керамики представлена комплексом, изготовленным из плохоотмученной глины с крупными добавками и вывернутыми наружу венчиком, рассеченным орнаментом. Этот комплекс украшен гребенчатым штампом с треугольными зубьями и «следами лося». Подобная керамика характерна для памятников лесостепного Алтая начала второго тысячелетия. Культурная атрибуция этого комплекса вызывает определенные трудности. Соотнесение подобной керамики В.В. Горбуновым с комплексами сросткинской культуры вызывает определенные сомнения.

Из исследованных объектов культурно-хронологической атрибуции поддаются лишь три ямы. Одна относится к эпохе раннего железного века и датируется развалом староалейского сосуда, две - к началу второго тысячелетия и датируются скоплениями бересты и железным ножом.

Определенный интерес вызывает находка скопления злаков, вероятнее всего, проса. Это довольно редкая находка для лесостепного Алтая. К сожалению, пока у нас нет каких-либо данных, позволяющих соотнести подобные скопления с конкретными культурно-хронологическими комплексами.

Подводя итог вышеизложенному, можно сказать, что несмотря на слабую насыщенность культурного слоя поселения Коловый Мыс-III, благодаря большой площади раскопа получен достаточно интересный, хоть и малопредставительный материал, представленный семью культурно-хронологическими группами. Дальнейшая более конкретная работа с полученным материалом позволит конкретизировать культурно-исторические процессы, проходящие на территории лесостепного и предгорного Алтая и в значительной мере дополнит картину исторического развития локальной территории (устье р. Чарыш), достаточно богатой археологическими памятниками, слабоизученными стационарными раскопками.

Литература

1. Абдулганеев М.Т., Владимиров В.Н. Типология поселений Алтая 6-2 вв. до н.э. - Барнаул, 1997. - 147 с.
2. Кирюшин Ю.Ф. Энеолит и ранняя бронза юга Западной Сибири. - Барнаул, 2002. - С. 294

3. Фролов Я.В. Древние памятники Усть-пристанского района / Нижнее причарышье: очерки истории и культуры. - Барнаул-Усть-Пристань, 1999. - С. 6-29.
4. Кирюшин (ОФ., Шамшин А.Б. Итоги археологического изучения энеолита и бронзового века лесостепного и степного Алтая // Алтайский сборник. - Барнаул, 1992. - Выпуск XV. - С. 209

Список иллюстраций к статье Семибратова В.П., Казакова А.А., Папина Д.В.

Рис.1. Местонахождение памятника.

Рис.2. План поселения Коловый Мыс-III с сеткой раскопа.

Рис.3. План раскопа.

Рис.4. Вещевой комплекс поселения Коловый Мыс-III.

Рис.5. Поселение Коловый Мыс-III. Керамика эпохи бронзы.

Рис.6. Поселение Коловый Мыс-III. Керамика раннего железного века.

Рис.7. Поселение Коловый Мыс-III. Керамика раннего железного века.

Рис.8. Поселение Коловый Мыс-III. Керамика эпохи средневековья.

Маточкин Е.П.

(г. Горно-Алтайск)

АНТРОПОМОРФНЫЕ ПЕРСОНАЖИ ЗЕЛЁНОГО ОЗЕРА

Семь лет назад местные жители привезли в музей Станции юных туристов в с. Усть-Коксе Республики Алтай плиту с петроглифами (Маточкин Е.П., 2002). Как выяснилось, плита была обнаружена среди комплекса наскальных рисунков в районе Зелёного озера, находящегося на самом юго-западе республики. Первая попытка проникнуть туда не увенчалась успехом и только в 2003 году питаются талым снегом от зимних надувов, не успевающих стаять к осенним холодам. Узкий перешеек между озёрами и находящийся рядом перевал, обусловили стратегическое положение этих мест, освоенных человеком, возможно, ещё в глубокой древности.

Здесь нами обнаружено 20 плит с рисунками, находящимися на высоте около 50 метров от озера, неподалёку от снежника нам удалось добраться к неизвестному петроглифическому памятнику на тракторе.

Примерные координаты этого места следующие: 85° в. д. и 49° 30' с. ш. Здесь, на северном склоне горной гряды, на высоте около 1800 метров, есть два озера. То, что называют «Зелёным, Безымянным или Мёртвым» - западное из них; официального же названия озера не имеют. Оба водоёма на правом берегу ручья на довольно ровной площадке размером 22x7 м. Плиты сложены из плотного песчаника, поверхность которого под горным солнцем приобрела белый цвет. Размеры плит не превышают 1,5 метра в длину и 1,2 м в ширину при толщине примерно 20 см. Рисунки выполнены с помощью выбивки; техника исполнения различна, начиная от плотно прилегающих мелкоточечных ударов и кончая редкими и бесформенными сколами. Несколько изображений в настоящее время не просматриваются, поскольку они закрыты напользшими на них плитами.

Репертуар петроглифов разделяется на две группы - на антропоморфные и зооморфные изображения. Последние хотя и преобладают в количественном отношении, однако играют скорее подчинённую роль. Антропоморфные же предстают в виде синкретичных существ смешанной природы. Полная публикация памятника - дело будущего, здесь же рассматриваются плиты с антропоморфными персонажами и предпринята попытка их семантической реконструкции.

На плите №1 (нумерация ведётся вверх по ручью, т.е. с запада на восток) представлена большая композиция. В центре её в окружении животных изображён странный ан-

тропоморфный персонаж с зооморфными чертами. У него прямоугольное туловище с наклонными пересекающимися полосками, хвост, развевающиеся волосы, голова в виде ромбы, высокий головной убор, развёрнутые в одну сторону руки с луновидными подвесками оканчиваются пышными кистями. Персонаж этот, кажется, шагает, помахивая руками. По-видимому, здесь показан женский образ в некоем ритуальном танце. Фигура слегка наклонена и сочетает в себе разные проекции. В направлении её движения бегут 6 животных. Они словно падают с неба и, разворачиваясь, устремляются туда, куда указывают им руки с кистями (рис.1).

Композиция исполнена с поразительным изяществом и мастерством. Это, несомненно, шедевр древнего изобразительного искусства. Звери выбиты по контуру; несколько точечных ударов нанесено по силуэту. У всех копытных необычайно длинные и красивые ноги, а линия, обрисовывающая их морды, не замкнута, как если бы у них были раскрыты рты. Все изображения в какой-то мере связывают волнистые линии, выбитые в неопределённом порядке.

Лунницы, подобные тем, которые подвешены к локтям зеленоозерской фигуры, встречаются в сопроводительном инвентаре погребений окуневской культуры Минусинских степей, самусьской Приобья и кротовской культуры Барабинской лесостепи (Семёнов В.А., 1997, с. 157). Луновидные подвески напрямую связывают изображённый ритуал с широко распространённым в Евразии культом луны-оплодотворительницы и идущими из палеолита представлениями о месяце как о воплощении мужского начала. Древним зооморфным символом бога луны был бык, поэтому неслучайно все антропоморфные персонажи держат в руках бычьи хвосты - именно так интерпретировал Кубарев пышные кисти караскольских росписей (Кубарев В.Д., 1998, с. 101).

В качестве близкого иконографического аналога можно привести композицию из Цагаан Салаа IV в монгольском Алтае (Jacobson E., Kubarev V., Tseeendorj D., 2001, fig.331). Здесь также в центре изображена женская фигура, размахивающая руками, с подвесками на локтях, в высоком головном уборе. Вокруг неё кольцом изображены животные (рис.2). Рядом выбит лучник с гипертрофированным фаллосом. Эти изображения, соответствующие традиционным представлениям об удачной охоте, наводят на мысль, что в женской фигуре надо видеть мифологическую хозяйку зверей. Не исключено, что и зеленоозерская композиция посвящена этому же сюжету, а эта странная синкретичная фигура есть одно из наиболее ранних изображений хозяйки зверей.

Далее вверх по ручью расположены плиты №3, 6, 8 с фигурами людей-птиц. У них маленькие узкие головы и раскинутые, как крылья, руки. На голове и в руках у них те же пышные кисти (рис.3). Подобные изображения впервые обнаружены в наскальном искусстве Алтая.

На самой верхней плите №18 представлен хоровод четырёх фантастических фигур (рис.4). Они предстоят в фас с раскинутыми в стороны и согнутыми в локтях руками. Все персонажи одеты в какие-то необычные короткие костюмы подпрямоугольных очертаний, а их руки оканчиваются длинными кистями. К краям одежды и к локтям подвешены лунницы. Крайние персонажи - это люди-птицы с высокими узкими колпаками или кистями на голове. Центральные персонажи отличаются друг от друга. У одного из них маска с большими торчащими ушами. Второй персонаж с маленькой круглой головой облачён в прямоугольный плащ с разводами, напоминающими панцирь черепахи. На сколоте конце плиты сохранились фрагменты фигуры женщины с разведёнными ногами (в позе роженицы) и маралухи подле неё.

Фигуры всех четырёх персонажей выбиты по контуру, имитирующему неширокий желобок. Поверхность же внутри контуров обработана отдельными ударами, где-то более частыми, где-то более редкими. Только силуэты маралухи и женщины выполнены сплошной мелкоточечной выбивкой.

Кто же они, эти четверо - персонажи петроглифов Зелёного озера? Два центральных персонажа - левый с широким панцирем и маленькой головой женского облика и правый - мужского вызывают ассоциации с супружеской парой. Маска более всего напоминает Тигра. В мифопоэтических представлениях Тигр часто выступает как царь зверей, хозяин леса и как дух гор, а в архаических ритуалах, связанных со сферой плодородия, наделяется особой жизненной силой. Считается, что от Тигра или от брака женщины с Тигром ведут своё происхождение многие племена (Топоров В.Н., 1982а, с.511-512). Как всесиль-

ное существо Тигр часто изображался в скифском искусстве Алтая. В древнетюркское же время центральное место занял Волк. Он считался тотемным животным и его культ был широко распространён у тюрко-монгольских народов. Возможно, к нему перешли некоторые качества прежнего царя зверей. Во всяком случае, немаловажно отметить, что большинство поверий о Волке связано с роженицей (Потапов Л.П., 1958, с.139).

Образ Тигра присутствует и в алтайском шаманстве, в символическом виде на рукоятках бубнов наиболее архаичного типа. Рукоятка эта представляет собой резной деревянный стержень и называется «С шестью глазами ала Барс» (ала Барс означает «пёстрый Тигр», а может быть, и «пёстрый Барс») (Потапов Л.П., 1991, с.168-171). Именно таким «пёстрым» выглядит персонаж в петроглифах Зелёного озера с редкой выбивкой по силуэту.

А.В. Анохин описал у алтайцев двухголовый деревянный идол Каным, у которого одна голова вверх, а другая вниз. Каным является духом-покровителем жилищ, скота, зверей и его называют также ала Барс - пёстрый Тигр. В благословении, с которым шаман обращается к Каниму, есть такие слова: «Шестиглазый пёстрый Тигр!... Ездишь на птенце беркута... (Ты как) дочь Ульгения, пёстрый Тигр! (Ты) Хан-Кара-куш с луновидными крыльями!» (Анохин А.В., 1924, с.144). Это обстоятельство, что все эти четыре образа: пёстрый Тигр, беркут (орёл), дочь небесного божества Ульгения, священная Чёрная птица с луновидными (!) крыльями близки четвёрке персонажей Зелёного озера, заставляет подробнее приоткрыть семантику Каныма.

Здесь уместно вспомнить о догадке Е.Г. Кагарова, высказанной им относительно двухголовых антропоморфных изображений духов, расположенных антиподально. Он склонен объяснить такое расположение тем, что персонажи изображены в позе coitus (Катаров Е.Г., 1930, с.210). В таком случае идол Каныма можно интерпретировать как соединение в половом акте Пёстрого Тигра с дочерью Ульгения. Что же касается конкретизации женской ипостаси, то здесь нелишне сослаться на семантику образа Ульгения. В своём исследовании этого образа в бурятском шаманизме Т.М. Михайлов делает вывод: «Ульгэн у бурят выступает как Мать-Земля, богиня Земли» (Михайлов Т.М., 1980, с.154). С этим соглашается и Л.П. Потапов, признавая, что образ Ульгения первоначально был воспринят телеутами как Мать-Земля (Потапов Л.П., 1991, с.252). В таком случае дочь Ульгения предстаёт как дочь богини Земли или как сама Земля. Отсюда возникает идея о том, что на плите с Зелёного озера изображён ритуальный брак Пёстрого Тигра с божеством Земли.

Разгадке символического смысла антиподальной алтайской резьбы помогают также записи ПИ. Чорос-Гуркина, в которых говорится, что «Верхняя голова рукоятки разговаривает с Ульгением, а нижняя - с Эрликом» (Гуркин Г.И., 1915, с.100). В этом образном замечании явно просматривается указание на глобальный диалог небесных и земных божеств.

На Востоке с глубочайшей древности Земля и Небо персонифицировали в мифе противопоставленные друг другу два великих духа - «Тёмное» и «Светлое», олицетворявшие соответственно женское (Мать) и мужское (Отец) начала в природе. Образом же Тёмного великого духа - Матери-Земли, величественной и плодоносящей прародительницы считали Черепаху (Ларичев В.Е., 1978, с.43). С космической Черепахой Севера, а также с духами рек и воды в образах Черепахи связаны в мифологии и народных легендах множество повествований.

Кем же быть центральному персонажу петроглифов, как не Черепахе? Маленькая голова и панцирь с узорами - всё это непосредственно свидетельствует о том, что здесь рядом с Пёстрым Тигром (или Белым Волком) изображена Черепаха, выступающая в роли подательницы жизни и всеобщей прародительницы.

Тут следует отметить большую древность мифологических сюжетов, связанных с Черепахой. Самые ранние из них относятся к палеолиту. Это скульптурные изображения из Малой Сии борьбы Черепахи с Орлом и Черепахи с Мамонтом. В обоих случаях эта «борьба» интерпретируется В.Е. Ларичевым, изучавшим эти памятники мобильного искусства древнекаменного века, как половой акт, предшествующий рождению Мира (Ларичев В.Е., 1978, с.64-65; Ларичев В.Е., 1980, с. 184). Возможно, отсюда идёт этот сюжет ритуального брака Черепахи с хозяином тайги и зверей, которую ранее играл Мамонт, а также с царём птиц - Орлом.

После исчезновения мамонтов хозяином леса там, где не водились тигры, был Медведь, который также наделялся божественными качествами. Медведь считался тотемом,

предком людей, был связан с культом плодородия, где подчёркивалась его «гиперсексуальность». Интересно, что в мифе илимских эвенков Медведь является одним из помощников Ворона - творца Вселенной (Иванов В.В., Топоров В.Н., 1982, с.129-130).

Черепаша, именуемая «Тёмный воин», играет также важную роль в китайской мифологии. Наряду с Белым Тигром, Лазоревым Драконом и Пурпурной Птицей она входит в четвёрку наиболее популярных с эпохи Хань мифических животных (Евсюков В.В., 1988а, с.96). Здесь надо заметить, что в синкретичном облике Дракона сочетаются образы животных, первоначально воплощавших два противопоставленных мира - верхний (птицы) и нижний (пресмыкающиеся). Небезынтересно, что в Сибири фигурки Орлов на шестах окрашивали именно в тёмно-красный (пурпурный) цвет (Короглы Х., 1986, с.96). В итоге можно отметить, что эта китайская четвёрка близка по своей зооморфной природе четвёрке персонажей с Зелёного озера.

Женским, рожаящим началом здесь выступает, конечно, Черепаша; в народных поверьях ей приписывается особая плодовитость, и даже похотливость. На Востоке образу Черепашки присущи некоторые любопытные особенности, которые ещё более сближают её с характеристиками алтайской четвёрки, в частности, с шестиглазым Тигром. Известно, что в средневековой вьетнамской хронике «Краткая история Вьетна» (1980, с. 169) многократно упоминается шестиглазая Черепашка. Шестиглазая Черепашка с таинственными письменами на животе описывается также и в корейской летописи «Самкук саги» (Ким Бусик, 2001, с. 122). Кроме того, в Китае символика лунной жабы чань (в той же мере и Черепашки) рассматривается вместе с парным ей образом «золотого Ворона» (цзинь-у) - символом солнца. В «Хуайнань-цзы» он назван «колченогим» (Юань Кэ, 1965, с.385). Эта хромота ворона ясно просматривается в алтайских петроглифах, где крайний левый персонаж выбит явно припадающим на одну сторону. Его корпус искривлён разной шириной плеч, а ноги косолапы и одна нога длиннее другой.

Возможно, это и в самом деле Ворон. Ворон в мифологиях связывается с разными элементами мироздания - подземным миром, землёй, водой, небом, солнцем. Ворон у многих народов мыслился как первопредок, могучий шаман, антипод Орла. В случае противопоставления Орлу нередко проводится мысль об оппозиции фратрий (Мелетинский Е.М., 1982, с.246-247).

Не исключено, что правый персонаж - это Орёл - символ небесной (солнечной) силы, огня и бессмертия; одно из наиболее распространённых обожествляемых животных - символов богов и их посланец в мифологиях различных народов мира (Иванов В.В., Топоров В.Н., 1982, с.258-260). Орёл - типичный тотем, дух которого участвует в деторождении. Орёл - божество плодовитости, возродитель природы, родоначальник и творец шаманов (Штернберг Л.Я., 1925, с.723-724). Выбивка Орла в отличие от Ворона произведена не по всему силуэту, что может означать более светлый цвет птицы, как у Орла, а не чёрный, как у Ворона.

Казалось бы, если четвёрка божественных персонажей столь универсальна и если Черепашка как прародительница столь широко распространена на Востоке, то почему мы не встречаем её образ в изобразительных памятниках? На самом деле это не так. О палеолитической скульптуре, открытой В.Е. Ларичевым, уже говорилось выше. Черепашка достаточно полно представлена в неолитической керамике культуры яншао. В эпоху бронзы она фигурирует как прародительница среди наскальных рисунков Калбак-Таша, кстати, единственного из крупных петроглифических памятников на Алтае, опубликованного в полном объёме на достаточно высоком научном уровне (Kubarev V.D., Jacobson E., 1996).

Что это действительно так, можно убедиться, поставив в один ряд несколько подобных изображений (рис. 5). Первое - почти натуралистический рисунок синкретичного существа - симбиоз человеческих и земноводных черт (рис. 5 - 1, или Fig. 338). Маленькая голова на длинной шее, раскинутые в стороны трёхпалые лапы, панцирь и хвостик - всё это, несомненно, взято от черепахи. От женщины здесь груди и достаточно длинные, расставленные в стороны ноги. Трёхпалость же здесь наследуется с древних времён. Именно такая характерность, например, присуща изображениям лягушек на мяцзяоской керамике Китая. Нужно сказать, что, с мифологической точки зрения, лягушка и черепаха рассматриваются как двойники. Народная фантазия наделяла их одинаковыми качествами, в силу чего и культ этих животных в религиях имел много общего (Евсюков В.В., 1988б, с.67). Из-

вестен алтайский миф о сотворении земной тверди на лягушке (Евсюков В.В., 19886, с.66).

Второй рисунок (рис.5 - 2, или Fig. 363) - это чисто условное изображение черепахи. Ниже панциря пририсовано что-то вроде юбочки с восемью складками. Однако можно предложить этой «юбочке» мифологическую интерпретацию. Из древнекитайского мифа известно, что богиня-демиург Нюйва, «чинившая» после мятежа чудовища Гунгуна небосвод, отрубила у гигантской морской черепахи ао лапы и, поставив их по четырём углам мира, укрепила таким образом вселенную (Юань Кэ, 1987, с.52). В этом контексте прямые линии за панцирем можно истолковать как восемь отрубленных ножек для поддержания мира. Такие восемь ножек усматривает ВЕ. Ларичев в изображении черепах на памятниках западного варианта культуры крашеной керамики III тыс. до н.э., поселения которого занимают территорию к западу и юго-западу от Ордоса и непосредственно соседствуют с пустынно-степной зоной Центральной Азии (Ларичев В.Е., 1978, с.57).

На рисунке 5 - 3 (Fig. 194) изображён типичный образ Матери-прародительницы Калбак-Таша. У неё явно черепаший облик, распростёртые в стороны трёхпалые руки, маленькая голова. Подпорок здесь не восемь, а двенадцать. Возможно, это связано с тем, что помимо четырёхногой в китайских источниках сообщается о существовании шестиногой черепахи (Каталог гор и морей, 1977, с.63).

Образ прародительницы на рисунке 5 - 4 (Fig. 311) совсем близок зелёноозерскому. На её прямоугольном корпусе 4 горизонтальных полосы и бахрома в виде ног-подпорок.

Черепаха-прародительница и все другие персонажи петроглифов Зелёного озера предостоят в каком-то ритуале, связанном с рождающей женщиной. А итог этого ритуала показан на соседней северной плите, где изображена маралуха, а под ней разродившаяся женщина с плодом (рис.6).

Маралуха выбита рядом с женщиной в обоих случаях явно не случайно; она здесь зооморфный маркёр начала года. В дни осеннего равноденствия, когда природа взрастила свои дары и приготовилась к умиранию, зарождается новая жизнь. Она возвещается трубным гласом, который далеко окрест разносится в гулкой тишине золотой осени. Именно в эти дни на Алтае начинается интенсивный гон маралов и беременность самок. 21 сентября - начало «марального» нового года.

Её роды, отсчитанные от 21 сентября, приходятся на время, близкое к летнему солнцестоянию. В эти дни конца июня альпийские луга освобождаются от снега и быстро покрываются буйной зеленью и цветами, славящими великое светило. Древний человек, конечно, не мог не отметить совпадение этих двух значимых астрономических событий - осеннего равноденствия и летнего солнцестояния - с циклом беременности. Само это возрождение природы воспринималось как периодическое рождение мира, происходящее благодаря союзу Матери-Земли в облике Черепахи с небесным зооантропоморфным божеством в облике царя зверей Пёстрого Тигра или Медведя. Их священный брак освещали два солнечных божества - Ворон и Орёл.

Можно говорить ещё о том, что рисунки с ритуалом годового цикла создавались у Зелёного озера в расчёте на сакральную мощь стихий. Плиты с рисунками лежат здесь возле ручья, берущего начало из снежника и впадающего в озеро. Это обстоятельство имело немаловажное значение для древнего человека. Вода воспринималась им как агент и принцип всеобщего зачатия и порождения. Где как не здесь, под куполом синего неба у плит, омываемых водой, должен происходить брачный союз Неба с Землёй и Водой? Небо здесь мужское начало, а Земля и Вода выступают как аналог материнского лона и чрева (Аверинцев С.С., 1982, с.240).

Память о ритуале у Зелёного озера могла дожить до наших дней. Известно, что в фольклорной традиции алтайцев существует вселенский центр - обиталище светлых божеств. Оно находится на вершине горы рядом с озером Сут-коль. Ритуальные тексты называют это место владением великой богини-матери Умай, а само озеро - молочным. Молоко - воплощение белизны, символизирующей истинность, великолепие, сакральную чистоту (Традиционное мировоззрение тюрков Южной Сибири, 1988, с. 123). В данном случае белизна связана ещё и с белым цветом плит, на которых были выбиты рисунки. Наверное, всё это и определило в культовой атрибутике саяно-алтайских тюрков семантику белого цвета, восходящую к четвёрке великих чистых духов.

Число 4 является образом статистической целостности, идеально устойчивой структуры. Отсюда - использование четвёрки богов и 4-х сторон света в мифах о сотворении вселенной и ориентации в ней (Топоров В.Н., 1982б, с.630). Так и в ритуале у Зелёного озера творился миф о рождении мира четвёркой богов.

Люди совершали магический обряд у Зелёного озера, чтобы воздать должное небесным светилам и всеильным прародителям. Приветствуя ежегодное возрождение природы, они вновь и вновь убеждались в незыблемости числовых закономерностей мира и присутствию в нём великого разумного начала.

Зооантропоморфные персонажи Зелёного озера достаточно уникальны. Образы людей-птиц, хоровод людей в масках обнаружены в искусстве Горного Алтая впервые. В качестве ближайших аналогов к ним можно привести каракольские росписи. Однако если там запечатлён погребальный обряд, то здесь - ритуал, связанный с культом плодородия.

Персонажи, несколько напоминающие Орла и Ворона, в ритуальной позе с раскинутыми и согнутыми в локтях руками, с символами светил известны помимо Алтая среди окуневских памятников, в керамике самусьской культуры и петроглифов Прибайкалья (рис. 7). Если выстроить их в один изобразительный ряд, то можно убедиться, что эти последние, далеко отстоящие от Алтая изображения гораздо более схематичны и условны по своей стилистике. Схематизация же обычно свидетельствует о более поздних художественных процессах в культуре.

На приведённых в рисунке 4 персонажах также имеются привески к локтям с символами светил, но только на алтайских петроглифах они имеют ясный семантический первообраз. В своё время было предложено открытые в глазковской культуре Прибайкалья полукольца, полудиски, кольца и круги из бело-молочного зеленоватого нефрита интерпретировать как символы луны (Хлобыстина М.Д., 1978, с. 159-160).

Всё это вместе взятое позволяет датировать рассматриваемые петроглифы Зелёного озера с антропоморфными персонажами эпохой бронзы, точнее, первой половиной II тыс. до н. э. и относить их к каракольской культуре Горного Алтая.

Литература

1. Аверинцев С.С. Вода // Мифы народов мира. В 2 т. - М.: Советская энциклопедия, 1982. -Т.1. - С. 240.
2. Анохин А.В. Материалы по шаманству у алтайцев. - Горно-Алтайск, 1994. Репринтное издание. Л., 1924. - 152 с.
3. Гуркин Г.И. Из альбома художника // Труды Томского общества изучения Сибири. - Томск, 1915. - Т.3. - С. 97-101.
4. Евсюков ВВ. Мифология китайского неолита. По материалам росписей на керамике культуры яншао. - Новосибирск: Наука, 1988а. - 127 с.
5. Евсюков ВВ. Мифы о вселенной. - Новосибирск: Наука, 1988б. - 175 с.
6. Иванов В.В., Топоров В.Н. Орёл // Мифы народов Мира. В 2 т. - М.: Советская энциклопедия, 1982. -Т.2. - С.258-260.
7. Иванов В.В., Топоров В.Н., Соколов М.Н. Медведь // Мифы народов мира. В 2 т. - М.: Советская энциклопедия, 1982. -Т.2. - С. 129-130.
8. Кагаров Е.Г. О двойных антиподально расположенных изображениях духов в примитивном искусстве//Сборник МАЭ. - Л., 1930. - Т.9. - С. 209-214.
9. Каталог гор и морей. - М.: Наука, 1977. - 235 с.
10. Ким Бусик. Самкук саги. Летописи Силла. - М.: Восточная литература, 2001.
11. Короглы Х. Мифы, легенды и предания народов Сибири // Фольклорное наследие народов Сибири и Дальнего Востока. - Горно-Алтайск: ГАНИИИЯЛ, 1986. - С. 83-101.
12. Краткая история Вьета. -М.: Наука, 1980.
13. Кубарев В.Д. Древние росписи Каракола. - Новосибирск: Наука, 1988. - 173 с.
14. Ларичев В.Е. Скульптура черепахи с поселения Малая Сья и проблема космогонических представлений верхнепалеолитического человека // У истоков творчества (Первобытное искусство). - Новосибирск: Наука, 1978. -С.32-69.
15. Ларичев В.Е. Мамонт в искусстве поселения Малая Сья и опыт реконструкции представлений верхнепалеолитического человека Сибири о возникновении Вселенной // Звери в камне (Первобытное искусство). - Новосибирск: Наука, 1980. - С. 159-198

Рис. 1

Рис.2

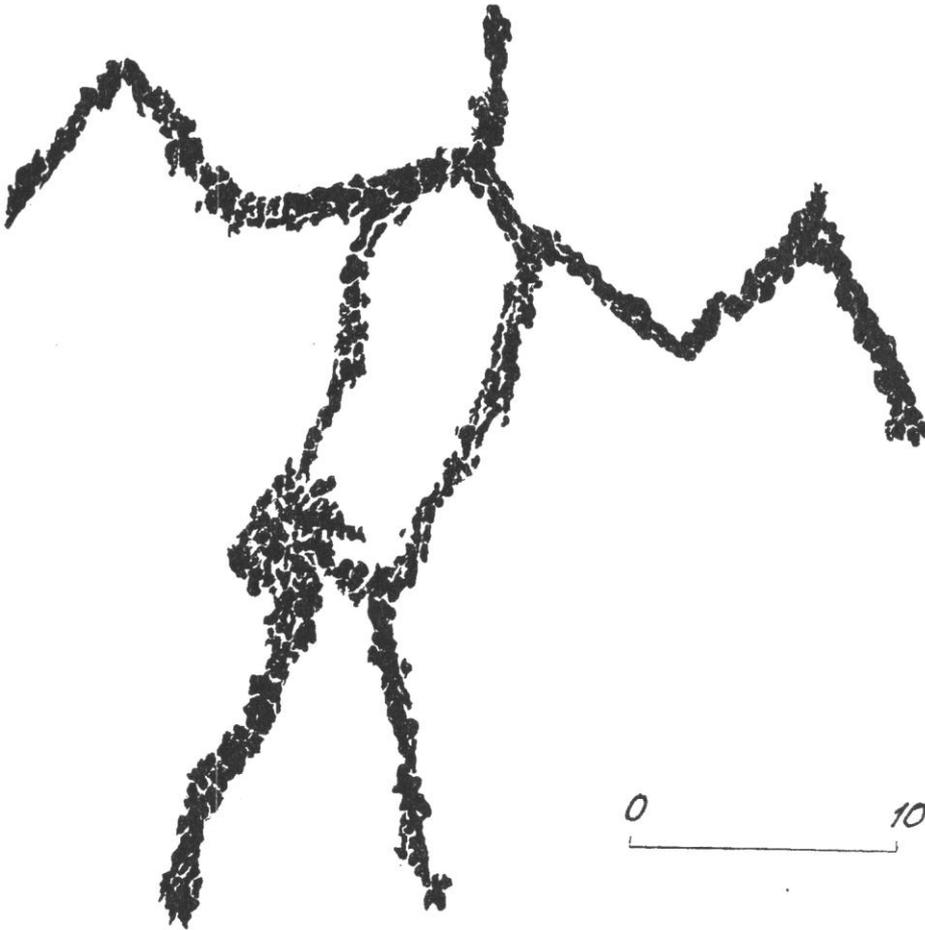
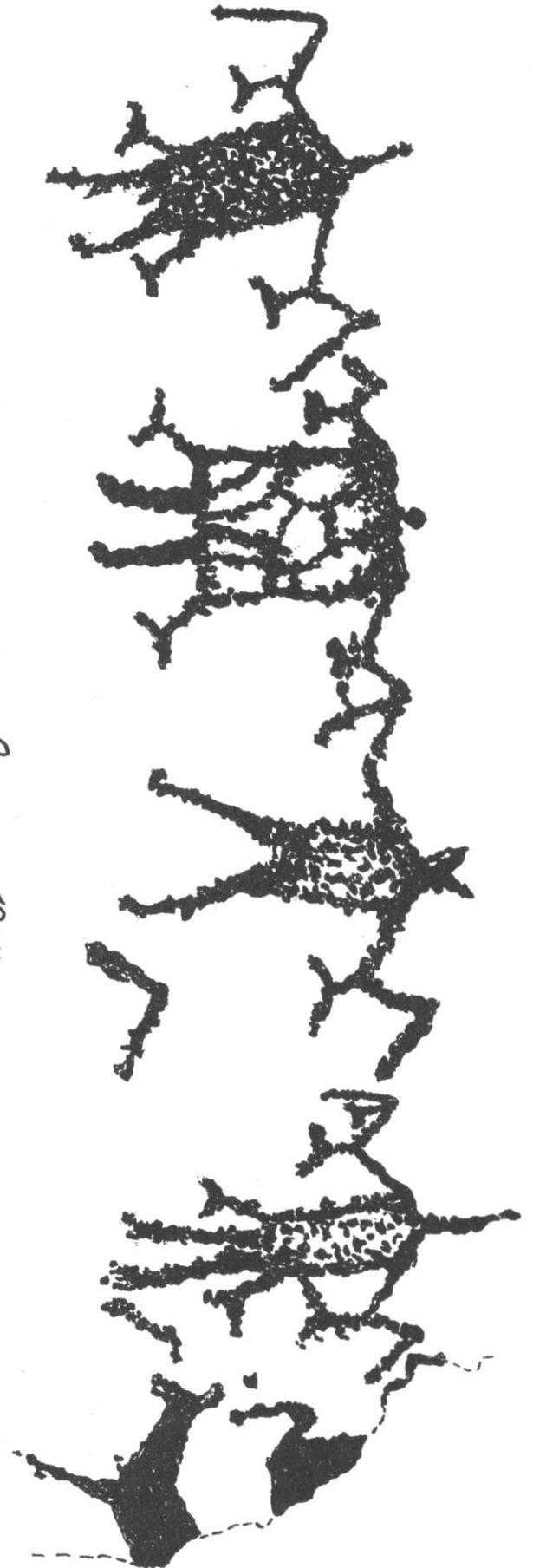
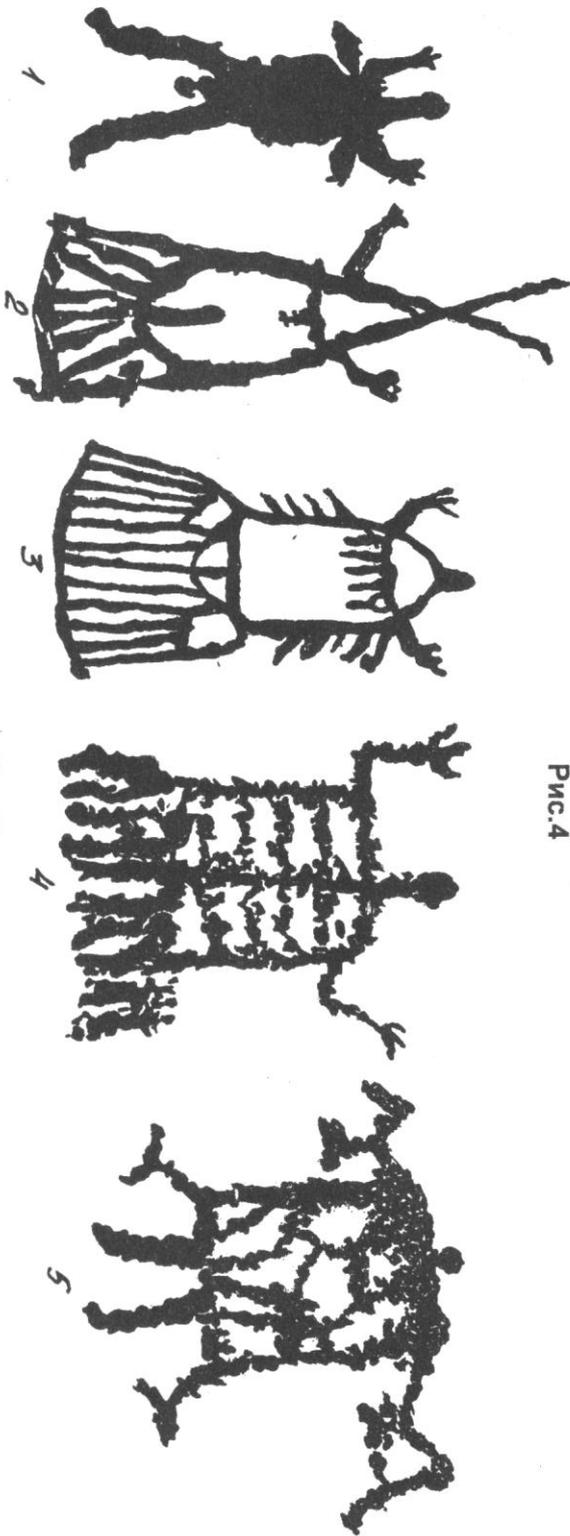

Рис. 3

0
Pic.4
10cm

1
2
3
4
5
Pic.5

Рис. 6

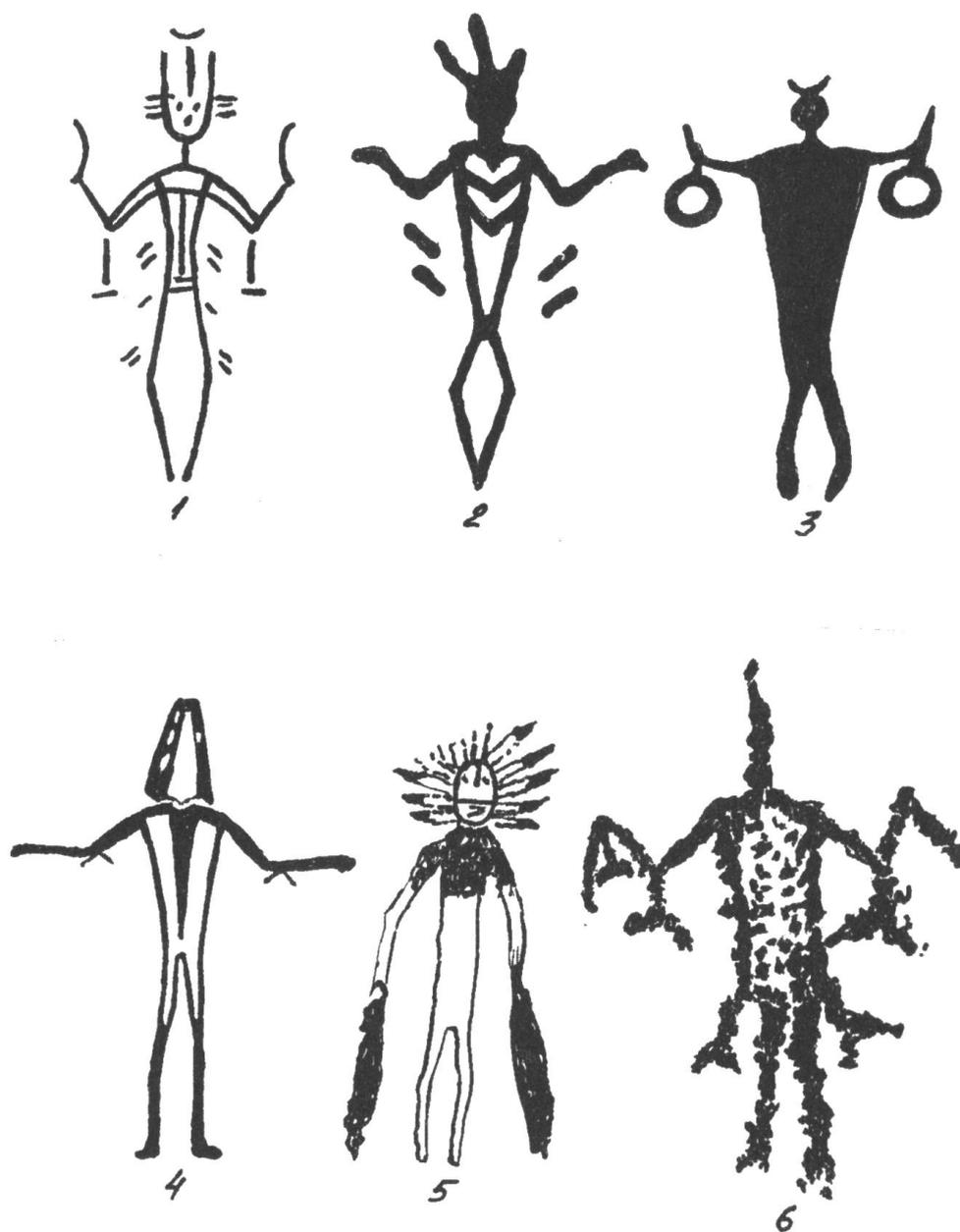

Рис. 7

16. Маточкин Е.П. Образ богатырки на скалах Алтая // История и культура Востока Азии: Материалы международной научной конференции. Новосибирск, 9-11 декабря 2002 года. - Новосибирск: Институт археологии и этнографии СО РАН, 2002. - Т. 2. -С.112-115.
17. Мелетинский Е.М. Ворон // Мифы народов мира. В 2т. - М.: Советская энциклопедия, 1982. -Т.1. -С.246-247.
18. Михайлов Т.М. Из истории бурятского шаманизма. - Новосибирск: Наука, 1980. -С.154.
19. Потапов Л.П. Волк в народных поверьях узбеков // Краткие сообщения Института Этнографии имени Миклухо-Маклая. - Л., 1958. - Т. XXX.
20. Потапов Л.П. Алтайский шаманизм. - Л: Наука, 1991. - 319с.
21. Семёнов Вл. А. Окуневские памятники Тувы // Окуневский сборник. Культура. Искусство. Антропология. - СПб.: Петро-РИФ, 1997. - С. 152-160.
22. Топоров В.Н. Тигр // Мифы народов мира. В 2 т. - М.: Советская энциклопедия, 1982а - Т.2. -С.511-512.
23. Топоров В.Н. Числа // Мифы народов мира. В 2 т. - М.: Советская энциклопедия, 1982б. -Т.2. - С.630.

24. Традиционное мировоззрение тюрков Южной Сибири. Пространство и время. Вещный мир. - Новосибирск: Наука, 1988. - 224 с.
25. Хлобыстина М.Д. Тотемно-космогонические образы в искусстве южносибирской бронзы // Первобытное искусство. У истоков творчества. - Новосибирск: Наука, 1978. - С. 155-163.
26. Штернберг Л.Я. Культ орла у сибирских народов // Сб. МАЭ. - Л., 1925. - Том V. - С.717-740.
27. Юань Кэ. Мифы древнего Китая. - М.: Восточная литература, 1965. - 526 с.
28. Kubarev V.D., Jacobson E. Repertoire des petroglyphes D'Asie centrale. Fascicule №3: Sibirie du sud 3: Kalbak-Tash I (Republique de (Altai). - Paris, 1996. - 256 p.
29. Jacobson E., Kubarev V., Tseevendorj D. Mongolie du nord-ouest Tsagaan Salaa/Baga Oigor. - Fascicule №6. - Paris, 2001. - 481 .p.

Список иллюстраций к статье Маточкина Е.П.

- Рис.1. Зелёное озеро. Композиция на плите №1.
 Рис.2. Петроглифы Цагаан Салаа IV. Рис.3. Зелёное озеро. Птице-человек.
 Рис.4. Зелёное озеро. Ритуальная композиция на плите №18.
 Рис.5. Изображения Матерей-прародительниц в образе Черепахи в петроглифах Алтая: 1-4 - Калбак-Таш, 5 - Зелёное озеро. Рис.6. Зелёное озеро. Плита с рожаящей женщиной.
 Рис.7. Персонажи магических ритуалов эпохи бронзы: 1 - Самусь, 2 - Манзя (Ангара), 3 - Саган-Заба, 4, 5 - Калбак-Таш, 6 - Зелёное озеро.

Марсадолов Л.С.
 (г.Санкт-Петербург)

ГЛИНЯНЫЕ СОСУДЫ ГОРНОГО АЛТАЯ VIII-III ВЕКОВ ДО Н.Э.

Керамические сосуды являются наиболее часто встречаемыми предметами в курганах и на поселениях кочевников Алтая I тыс до н.э. Широко известно, что форма и техника изготовления сосудов - одни их основных этно-диагностирующих признаков (наряду с погребальным обрядом, антропологическим типом и др.), которые также могут свидетельствовать и о миграции или автохтонности древних племён. В соответствии с подразделением археологических памятников Горного Алтая на два больших культурно-хронологических этапа - майэмирско-бийкенский (VIII-VII вв. до н.э.) и пазырыкско-кулажургинский (VI-III вв. до н.э.) довольно чётко различаются и группы глиняных сосудов, разных по своему происхождению, формам, технологии и по другим параметрам (Марсадолов Л.С, 2000).

Глиняные сосуды VIII-VII вв. до н.э. А.В.Адрианов и М.П.Грязное обратили внимание на то, что в известных в то время курганах майэмирского этапа в погребениях не встречаются сосуды из глины. Были высказаны две объясняющие версии: 1) "погребальный ритуал народа этой эпохи не требовал сопровождения человека сосудом с каким-либо содержанием" (Адрианов А.В., 1916, с. 15); 2) "возможно, что вначале, при переходе к кочевому образу жизни, глиняная посуда вообще отсутствовала в быту кочевников" (Грязное М П 1947, с. 14).

Исследования в Семисарте в начале 1980-х годов позволили по-новому рассмотреть вопрос о наличии керамических сосудов у кочевников Алтая в VIII-VII вв. до н.э. (Марсадолов Л.О, 1987; 20016). При раскопках кургана №1 в Семисарте I среди камней забутовки каменных ящиков, а также под камнями надмогильной выкладки были найдены фрагменты керамики, вероятно, от нескольких плоскодонных горшков. На ряде фрагментов

видны наколы с внутренней стороны стенок - "жемчужный" орнамент (рис. 1 - 1, 3) и изредка полосы лощения (рис. 1 - 2). Многие черепки следов лощения и орнамента не имеют. Толщина стенок - 0,8-1,2 см, цвет - темно-серый и коричневый. Изучение структуры глиняного "теста" из этого кургана показало наличие в нём грубых минеральных примесей - крупных зёрен дресвы. В целом "тесто" из курганов VIII-VII вв. до н.э. - "суховатое и грубое". Роговой трёхдырчатый псалий из кургана №1 позволяет датировать эти фрагменты с "жемчужным" орнаментом 2-й половиной VIII-1-й половиной VII вв. до н.э. (Марсадалов Л.С., 1998, с. 8).

Фрагменты керамики, найденные в кургане №1 Семисарта, с орнаментом, нанесённым округлым предметом с внутренней стороны сосуда, не были обнаружены в двух раскопах на однослойных культовых местах, которые функционировали позднее этого кургана. На черепках керамики с культового места в основном был другой орнамент - в виде округлых вдавлений, нанесённых с наружной стороны горшков (рис. 1 - 4, 5). Сосуды с таким орнаментом имеют широкие границы бытования (от эпохи бронзы до средневековья), но в основном встречаются в памятниках середины I тыс. до н.э. При датировке таких фрагментов важно их сочетание с другими орнаментированными образцами. Найденные в раскопе №2 черепки керамики с прочерченными, наколотыми или "гребенчатыми" линиями, углами и треугольниками (рис. 1 - 14-17), с одной стороны, близки к образцам эпохи бронзы, но с другой - встречаются и в пазырыкских памятниках с VI в. до н.э. - Башадар-2 и Туэкта-2 (рис. 2 - 1 и др.; Руденко СИ., 1960, рис. 40-43, 152).

В соседнем с Семисартом могильнике Нижний Тюмечин-2, в каменном ящике №6 также были обнаружены фрагменты с округлыми вдавлениями, нанесёнными с наружной стороны сосуда (Абдулганеев М.Т., Кирюшин Ю.Ф., Кадиков Б.Х., 1982, с. 64; Степанова Н.Ф., 1996а, с. 69; рис. 11 - III). В Усть-Куюме среди камней заполнения каменных ящиков в курганах №№9, 10 и др. найдены фрагменты керамики отличной от афанасьевской и близкой к Семисарту I (Марсадалов Л.С., 1981), а в кургане раскопанном в 1987 г. найдены фрагменты от плоскодонного сосуда со сложным орнаментом (рис. 1 - 11; Степанова Н.Ф., 1996б). В могильнике Курай VI в раскопанном кургане, около черепа погребённого "собранны отдельные обломки керамики, по характеру напоминающей карасукскую" (Ев-тюхова Л.А., Киселёв СВ., 1941, с. 86), но рисунки которой до сих пор не опубликованы.

Немногочисленные фрагменты керамики из Семисарта с ручками-налепами (рис. 1 - 7), вероятно, близки к налепу на сосуде из кургана №3 могильника Верх Тельтехмень-1 (Степанова Н.Ф., 1997, рис. IV - 1), относящемуся к VII-VI вв. до н.э. В этом же кургане, рядом с погребённым в скорченном положении, найден фрагмент каменного оселка близкого к оселку из кургана №2 в Семисарте (Марсадалов Л.С., 20016, с. 24; рис. 25 - 2). Сосуд с ручками-налепам, а также оселки встречены и в кургане Аржан-2 в Туве, относящемуся к середине VII в. до н.э. (эти предметы из раскопок К.В.Чугунова, Г.Парцингера, А.Наглера демонстрировались на временной выставке в Эрмитаже в марте 2004 г.).

Орнамент в виде подтреугольных вдавлений под венчиком отмечен на сосудах VII-VI вв. до н.э. из Семисарта, Бийке и Усть-Куюма (рис. 1 - 8, 11-13; Марсадалов Л.С., 20016, рис. 94 - 8; Тишкин А.А., 1996, рис. 21 - 8, 9; Степанова Н.Ф., 1996б, рис. 1 - 2) и на фрагментах керамики из насыпи кургана Башадар-2 (рис. 2 - 7; Руденко СИ., 1960, с. 66, рис. 42 - 6), датируемом VI в. до н.э. Следует отметить, что Башадарская долина наиболее близка к Семисарту, находится за небольшим перевалом на востоке и может быть достигнута за несколько часов.

В целом, фрагменты керамики из раскопов на культовых местах и выкладках в Семисарте, вероятно, относятся ко времени немного более позднему, чем курган №1 и предвременно могут быть датированы VII-началом VI вв. до н.э. Небольшая разница в датах между объектами, вероятно, может быть объяснена тем, что "выкладки" были сооружены во время неоднократно происходивших ритуальных действий в урочище Семисарт (Марсадалов Л.С., 20016).

Фрагменты керамики, близкие к найденным в Семисарте, в основном обнаружены в памятниках бассейна реки Катунь и её притоков - на поселениях Партизанская Катушка (Шульга П.И., 1998, с. 154-159), Куротинский Лог-1 (Шульга П.И., 1997, рис. III-IV), Чепош-2, Узнезя-4, Кастахта-3 (Шульга П.И., 1996, рис. 2-6), Тыткескень 3 (Кунгуров А.Л., 1994, рис.

7), Муны-1 (Бородовский А.П. 2001, рис. 4), Черемшанка (Киреев СМ., 1991, с. 89), в могильниках Бийке (Тишкин А.А., 1996, рис. 21), Айрыдаш II (Ларин О.В., 1990, рис. 2), а также в Денисовой пещере (Деревянко А.П., Молодин В.И., 1994, с. 37-40).

Ныне можно считать доказанным, что древние кочевники Алтая VIII-VII вв. до н.э. использовали в быту глиняную посуду (Марсадолов Л.С, 1987; 2000; Кирюшин Ю.Ф., Тишкин АА, 1997; Шульга П.И., 1996-1998 и др.). Сосудами пользовались и при погребально-поминальных ритуалах - Семисарт I, Нижний Тюмечин-2, Усть-Куюм, Бийке и др. Но в могилу рядом с человеком целых сосудов из глины не ставили или ставили очень редко. В могильнике Бийке в насыпях курганов было найдено несколько фрагментов керамики и целый глиняный сосуд баночной формы, с подтреугольными вдавлениями на венчике (рис. 1 - 8; Кирюшин Ю.Ф., Тишкин А.А., 1997, рис. 67). Остаётся открытым вопрос: была ли в погребениях посуда из органических материалов - дерева, кожи и т.п.?

В это же время на соседних с Алтаем территориях в курганах Минусинской котловины, на Верхней Оби (Грязное М.П., 1956, с. 58-75), в Средней Азии (Вишневская ОА., 1973, с. 74) глиняные сосуды в VIII-VII вв. до н.э. не часто, но ставили в погребение, а в Центральном Казахстане (Кадырбаев М.К., 1966, с. 392) и в Туве (Грач А.Д., 1980) целые сосуды в погребении человека не встречаются или встречаются чрезвычайно редко. В Туве, при исследовании могильника Шанчыг, в не разграбленных курганах №№15 и 16 среди камней надмогильного сооружения и в погребении найдены фрагменты венчиков и стенок от глиняных сосудов, сделанных из теста с примесью крупных зёрен гравия, слабообожжённых, с тёмно-серой и серо-жёлтой пятнистой поверхностью (Кызласов Л.Р., 1979, с.36-39).

В 1989 и 1992 гг. на отвалах земли кургана Улуг-Хорум в Туве были найдены фрагменты керамики с прямым венчиком, с орнаментом в виде налепных валиков, вдавленных линий, образующих углы, а также без орнамента (Марсадолов Л.С. 2001 в, рис. 3). Вероятно, эти фрагменты разбитых сосудов при сооружении Улуг-Хорума находились на уровне древней дневной поверхности. При зачистке лучей кургана в 1968 г. (Грач А.Д., 1980, с. 209, рис. 71) черепки керамики вместе с землёй попали в верхние слои отвалов. Аналогичные фрагменты венчиков глиняных сосудов баночной формы с заострёнными валиками-желобками в верхней части были найдены в Туве: 1) при раскопках кургана Аржан близ камер №№16-21 (Марсадолов Л.С, 2001 в, рис. 3; хранится в Эрмитаже, не включён в монографию Грязнова М.П., 1980); 2) в раскопанной СААЭ ГЭ в 1989 г. поминальной выкладке около кургана Аржан; 3) в курганах №№15, 16 могильника Шанчыг (Кызласов Л.Р., 1979). По многочисленным аналогиям сосудов с налепными валиками (в том числе и в курганах Аржан, Улуг-Хорум и Шанчыг) они могут быть датированы VIII-VII вв. до н.э. Сосуды с налепными острорёберными валиками VIII-VII вв. до н.э. пока на Горном Алтае не обнаружены, хотя в предгорьях встречались ещё в эпоху бронзы.

По времени, по способу положения погребённого (скорченно, на левом боку, с руками перед лицом, головой на СЗ), по конструкции надмогильного сооружения курганы Шанчыга в Туве близки к алтайским - Семисарт I, к. 1; Нижний Тюмечин-2; Усть-Куюм; Бийке, Курай III и др. Фрагменты керамики были обнаружены и в плиточных могилах Забайкалья (Гришин ЮС, 1981, с. 125-142; Цыбиктаров А.Д., 1998, с. 241, 261-282). Пока ещё только намечается, вероятно, обширный пласт синхронных памятников, в неграбленных курганах которых встречаются не целые глиняные сосуды, а только отдельные фрагменты керамики, т.е. сосуды не ставились рядом с погребённым человеком, но использовались в погребально-поминальных ритуалах.

Глиняные сосуды VI-III вв. до н.э. Керамика пазырыкского времени известна давно, начиная с XIX века, и относительно хорошо изучена в работах В.В.Радлова, М.П.Грязнова, СИ.Руденко, С.В.Киселева, С.С.Сорокина, В.Д.Кубарева, Д.Г.Савинова, А.С.Суразакова, Л.С.Марсадолова, П.И.Шульги, Н.Ф.Степановой, В.И.Молодина, Н.В.Полосьмак, Ю.Ф.Кирюшина, А.А.Тишкина, З.С.Самашева и мн. др. Глиняные сосуды пазырыкской культуры по форме могут быть разделены на три основных вида - кувшины, кринки и горшки (рис. 2). Более детальная классификация керамических сосудов Алтая, с выделением их параметрических особенностей, дана в работе Н.Ф.Степановой (1998, с. 137-145). На ряде сосудов из алтайских курганов отмечена подготовка гладкой поверхности к раскрашиванию. Разнообразен расписной орнамент на ряде сосудов пазырыкской культуры, выполненный чёрной или красной минеральной краской, который ранее рассматривался в

работах С.С. Сорокина, А.С. Суразакова, В.Д. Кубарева, И.Ю. Слюсаренко, Ю.Т. Мамадакова, З.С. Самашева и др. (Кирюшин Ю.Ф., Степанова Н.Ф., Тишкин А.А., 2003).

Горшки пазырыкской культуры по своим формам можно подразделить на две основные разновидности: 1) сосуды со слабой профилировкой тулова, слегка выпуклые в средней части, с прямым или отогнутым венчиком (рис. 2 - 9, 10; такую форму сосудов некоторые археологи ещё называют банками); 2) сосуды, у которых довольно чётко выражен переход между горлом и туловом (рис. 2 - 8). Орнаментация большинства горшков - ямки, наколы, подтреугольные вдавления, известна ещё у сосудов предшествующего времени.

Майэмирско-бийкенские формы горшков продолжали свое бытование и в пазырыкское время, но отмечены и гибридные формы горшков с кувшинами, сохранялся "старый" орнамент на новых формах сосудов. В кургане Башадар-2, сооружённом в первой половине VI в. до н.э., под насыпью нашли фрагменты именно горшков, а на дне ямы, рядом с человеком - два кувшина, что, возможно, свидетельствует о двух разных традициях - майэмирской и пазырыкской или о двух (или нескольких) этносах, присутствовавших при погребении вождя племени (Марсадолов Л.С., 1987, 1996; Шульга П.И., 1996 и др.).

Кринки занимают по своим формам промежуточное положение между кувшинами и горшками (рис. 2 - 11, 12). От кувшинов они отличаются более широким низким горлом и не таким чётко выраженным переходом горла в тулово. В отличие от горшков кринки имеют более стройные пропорции, более резкую профилировку и не такое широкое горло.

Кувшины являются новыми формами неизвестными в предшествующее время на Алтае. По своим формам кувшины подразделяются на две основные разновидности: 1) сосуды с округлым туловом и прямым вертикальным горлом (рис. 2-13, 15); 2) сосуды с округлым или слегка уплощённым туловом и вогнутым внутрь горлом (рис. 2 - 16, 18). Известны кувшины, обладающие признаками обеих разновидностей - с расширяющимся к венчику высоким прямым горлом (рис. 2 - 17). Форма некоторых кувшинов слегка асимметрична и, возможно, иногда это делалось специально, например, в Берели (Самашев З.С. и др., 1999).

Для изготовления сосудов из курганов №№9 и 10 могильника Башадар (рис. 3 - 3, 6), относящихся к VI в. до н.э., использовались ожелезненные глины. "Тесто" тонкое, из отмученной "жирной" глины, с малым числом примесей, уплотнённое выбивкой. При обжиге такая глина придаёт сосудам красноватую поверхность. Изготавливались они "ленточным" способом - к донному начину присоединена средняя часть из двух половинок, скреплённых посередине, горло лепилось отдельно. Применялась "мягкая" обработка их поверхности перед обжигом - заглаживание рукой или куском кожи. Глиняный сосуд из кургана №33 в Кок-су 1 также изготовлен ленточным набором, дно вылеплено отдельно. При обработке поверхности использовалось мягкое лощение, без выравнивания поверхности. Обжиг коустровой, с тёмными и светлыми подпалинами, глиняное тесто - грубоватое.

Наружная поверхность глиняного сосуда из кургана №10 в Башадаре (и некоторых других) залощена до "металлического" блеска (рис. 3 - 3). Форма таких сосудов и технология их изготовления ранее VI в. до н.э. на Алтае не известна, хотя их металлические и керамические прототипы есть в памятниках Анатолии и Кавказа VIII-VII вв. до н.э. (рис. 3 - 1, 2), в том числе и курганах Гордиона, возможных предшественников алтайских памятников пазырыкского типа (Марсадолов Л.С., 1997а; Kohler E.L., 1995). Не исключено, что форма алтайских кувшинов восходит к металлическим сосудам Кавказа и Анатолии, из отдельно сделанных, а затем соединённых шаровидного тулова и цилиндрического горла (рис. 3-1-3; см. Марсадолов Л.С., Соколова Л. А., 2003).

На территории Турции часто встречаются бронзовые и глиняные сосуды подшаровидной формы (рис. 3 - 4, 5). Один из таких глиняных сосудов найден в Гордионе. Он имеет сферическое тулово, уплощенное дно и отогнутый венчик. Поверхность залощена, цвет - черный, с "графитным" блеском. Сосуд слеплен из лент 5-6 см шириной, покрыт оттисками обрабатывающего инструмента с нешироким рабочим краем. Близкая технология изготовления сосудов характерна и для керамики сарагашинского времени тагарской культуры на Енисее - ленточный набор, наличие дресвы в глиняном "тесте", преобладание чёрного обжига над красноватым и т.п. Следует отметить, что такой технологической традиции нет на Енисее в предшествующее время - в памятниках подгорновского этапа (Марсадолов Л.С., Соколова Л.А., 2003).

Кувшины в единичных экземплярах известны и в Минусинской котловине. Гораздо больше кувшинов разнообразных форм найдено на территории Тувы. "Старая" многовазеликовая орнаментация сосудов приобрела на кувшинах новую декоративную и этническую окраску. Острорёберные валики в виде волнистых фигур и спиралей известны в это время и на Алтае - в большом кургане в Катанда (иногда археологи неправильно называют эти валики расписным орнаментом).

Вероятно, новая традиция изготовления кувшинов, частично вместе с новым этносом, в VI в. до н.э. проникла не только на Алтай, но и в Туву и гораздо меньше на Енисей, где были сильны предшествующие традиции.

Меры длины и объема сосудов VI-III веков до н.э. Для выявления стандартных метрических параметров их объема и длины было измерено более 40 глиняных сосудов, хранящихся в коллекциях Государственного Эрмитажа. По единой программе (включающей такие размеры как общая высота сосуда, высоты горла и тулова, диаметры корпуса, венчика, шейки и дна, а также общий объем) была изучена керамика из могильников Туэкта, Башадар, Пазырык, Шибе, Яконур, Арагол, Кок-су, Курту и Катонского, раскопанных СИ.Руденко, М.П.Грязновым, В.С.Адриановым, С.С.Сорокиным и Л.С.Марсадоловым (табл. 1). Частично нами были проверены и использованы измерения посуды, выполненные ранее С.С.Сорокиным (1974), который пришёл к выводу, что "пропорции, характеризующие керамику могильника Кок-су I, представляют собой определённую систему соразмерностей, связанную с отношениями "золотого сечения".

Объем всех изученных сосудов определялся автором впервые путём засыпки в них мелкой сыпучей крошки из пенопласта и двукратного измерения объема мерной кружкой с делениями (при засыпке и высыпании крошки).

В процессе измерения было установлено, что объем сосудов в большинстве случаев зависел от социального ранга погребённого (табл. 1 и 3). Возможно, эталоном для кочевников служил объем в 0,28-0,3 литра, равный примерно небольшому кубку или сосуду. Если в малых курганах объем сосуда равен от 1-3-5 до 10-15 единиц, в средних - от 5 до 15 единиц, то в больших курганах - от 30 до 50 единиц. При построении графика распределения объемов всех измеренных сосудов выявлены нижеследующие значимые величины: 1 ед. (0,28-0,3 литра, далее сокр. л) - 3-4 ед. (ок. 1 л) - 9-10 ед. (ок. 3 л) - 20 ед. (ок. 5,5 л) - 25 ед. (ок. 7,2 л) - 30-33 ед. (ок. 9 л) и 45 ед. (ок. 13 л).

По этнографическим данным известно, что у тувинцев посуда в зависимости от объема разделялась на чашки, котлы, ведра и т.д., при этом каждый вид дополнительно имел три подраздела - большие, средние и малые (Потапов Л.П., 1969, с. 309-312). В чём-то эти этнографические и древние меры измерения и хранения жидких и сыпучих тел сопоставимы и с современными стандартными объемами, например, банок - 0,3-0,5-1-3-5 литров; больших объемов - 9-13 литров = ведро (малое и большое) и т.п.

При изготовлении сосудов древние мастера Алтая, вероятно, использовали единицы измерения длины в ладонях и пальцах (табл. 2-4). В зависимости от использованного первоначального эталона выделены три основные группы пропорционально уменьшаемых единиц измерения для глиняных сосудов Алтая VI - III вв. до н.э (табл. 2): I группа получена от прямой сажени в 180-190 см, II группа - от малой косо́й сажени в 200-210 см и III группа - от большой косо́й сажени в 220-240 см (Марсадолов Л.С., 2000, 2001а, 2001 г). Для каждой группы определены основные сосуды из курганов разных рангов (табл. 2 и 3). Если в малых курганах общая высота керамической посуды равна от 1 до 4-х ладоней, в средних - 3-4 ладони, то в больших достигала 5-7 ладоней и т. д. (табл. 3; за среднюю ширину ладони взято 8,5 см; преобладающие размеры выделены жирным шрифтом). В процессе исследования выявлен интересный факт. При раскопках в 1985-1986 годах малых курганов №№9 и 10 в Башадаре было найдено два глиняных кувшина (Марсадолов Л.С., 1997а), одинаковые по своим размерам высот - общей, тулова, горла с точностью до 0,1-0,2 мм, но различающихся по диаметрам венчика, шейки и дна на 1,3-2,5 см, при этом максимальные диаметры корпусов сосудов отличаются на 7,5 см (т.е. ширину ладони). Объем сосуда из кургана №10 в два раза больше объема сосуда из кургана №9 - 7,2 и 3,6 литра, соответственно (табл. 1; рис. 3 - 3 и 6). Хотя кувшины из курганов №№9 и 10 в Башадаре самые большие по объёму среди сосудов, обнаруженных в малых курганах, но это объяснимо тем, что в этих Башадарских курганах были погребены дети вождей, которые составляли особый ранг в довольно сложной социальной иерархии, отличались на-

бором сопровождающих элитных предметов, обычно не встречаемых в рядовых малых курганах (Марсадолов Л.С, 19976; 2000).

Следует отметить, что единицы измерения, выявленные при анализе керамических сосудов, являлись лишь частью общей хорошо разработанной системы мер у кочевников Саяно-Алтая 1-го тыс. до н.э. (Марсадолов Л.С, 2000, 20016). При изготовлении различных больших и малых предметов использовались меры длины, равные сажени, локтю, ладони, пяди, пальцу и их кратным величинам, но этот вопрос требует особого рассмотрения и большого статистического материала. Из предварительных наших измерений можно отметить, что наиболее устойчивые размеры наблюдаются на культовых предметах - на вершинах, бляшках и т.п. Вероятно, малые единицы длины применялись и при разметке отдельных образов животных в сложных композициях или для их частей. Так, довольно сложные сакральные разметки выявлены при анализе кругового расположения шести животных на Усть-Бухтарминском зеркале (Марсадолов Л.С., 1982; 1999) и в композиции наскальных рисунков грота Ак-Баур (Марсадолов Л.С, 1999; Марсадолов Л.С, Самашев З.С., 2000).

В заключение ещё раз кратко суммируем основные выводы данной статьи. У древних кочевников Алтая в VIII-VII вв. до н.э. были известны только глиняные сосуды горшковидной формы. Если в VIII-VII вв. до н.э. на Алтае глиняные сосуды использовались при погребально-поминальных ритуалах, но в могилу рядом с человеком целые горшки обычно не ставили, хотя их фрагменты часто находят в насыпях курганов, то в пазырыкское время, в VI-III вв. до н.э., хотя форма горшка продолжала бытовать, наряду с ней в это время отмечено появление большого числа новых форм сосудов - кувшинов, которые ставили рядом с погребённым человеком.

Традиции изготовления разных форм сосудов в пазырыкское время восходят к разным по происхождению этническим группам: формы горшков - к традициям предшествующих семисартцев и бийкенцев; кувшинов с прямым горлом - к кавказско-анатолийскому региону; кувшинов с длинным вогнутым горлом - турано-среднеазиатскому региону. С территории двух последних регионов, вероятно, в Саяно-Алтай пришла традиция расписывать сосуды красной и чёрной краской, оттуда же привозили единичные экземпляры "чайников" (сосудов с носиком). Безусловно, в пазырыкских памятниках встречаются и формы сосудов из соседних с Алтаем регионов - Верхней Оби, Тувы, Монголии, Казахстана, Китая, Средней Азии и др.

При изготовлении глиняных сосудов, также как и других предметов, мастера использовали меры длины и объема близкие к пропорциональным параметрам тела человека - локоть, пядь, палец и др.

Для более детального анализа керамических форм, технологии их изготовления, изучения орнамента сосудов с Алтая и соседних регионов необходимы специализированные исследования с привлечением методов разных научных дисциплин.

Литература

1. Абдулганеев М.Т., Кирюшин Ю.Ф., Кадиков Б.Х. Материалы эпохи бронзы из Горного Алтая // Археология и этнография Алтая. - Барнаул, 1982. - С. 52-77.
2. Адрианов А.В. К археологии Западного Алтая (из поездки в Семипалатинскую область в 1911 г.) // ИАК, 1916. - Вып. 62. - 92 с.
3. Бородовский А.П. Многослойный поселенческий комплекс Муны-1 эпохи палеометаллов на Нижней Катунь // Древности Алтая. Известия лаборатории археологии. Межвузовский сборник научн. трудов. - Горно-Алтайск, 2001. - №7. - С. 56-67.
4. Вишневская О.А. Культура сакских племен Низовьев Сырдарьи в VII-V вв до н э - М 1973.- 160 с.
5. Грач А.Д. Древние кочевники в центре Азии. - М., 1980. - 256 с.
6. Гришин Ю.С. Памятники неолита, бронзового и раннего железного веков лесостепного Забайкалья. - М., 1981.-203 с.
7. Грязное М.П. Памятники майэмирского этапа эпохи ранних кочевников на Алтае // КСИИМК, 1947. - Вып. XVIII. - С. 9-17.
8. Грязное М.П. История древних племён Верхней Оби по раскопкам близ с Большая Речка // МИА, 1956. - №48. - 163 с.

9. Грязнов М.П. Аржан - царский курган ран нескифского времени. - П., 1980. - 63 с.
10. Деревянко А.П., Молодин В.И. Денисова пещера. - Новосибирск, 1994. - Часть 1. -262 с.
11. Евтюхова Л.А., Киселев СВ. Отчет о работах Саяно-Алтайской археологической экспедиции в 1935 г. //Труды ГИМ. - М., 1941. - Вып. XVI. -С. 75-117.
12. Кадырбаев М.К. Памятники тасмолинской культуры //Древняя культура Центрального Казахстана. - Алма-Ата, 1966. - С. 303-433.
13. Киреев СМ. Поселение Черемшанка // Охрана и исследования археологических памятников Алтая (тезисы докладов и сообщений к конференции). - Барнаул, 1991. -С. 84-89.
14. Кирюшин Ю.Ф., Тишкин А.А. Скифская эпоха Горного Алтая. Часть 1. Культура населения в раннескифское время. - Барнаул, 1997. - 231 с.
15. Кирюшин Ю.Ф., Степанова Н.Ф., Тишкин А.А. Скифская эпоха Горного Алтая. Часть II. Погребально-поминальные комплексы пазырыкской культуры. - Барнаул, 2003. -234 с.
16. Кунгуров А.Л. ЕЗерхние культурные слои поселения Тыткескень 3 //Археология Горного Алтая: Сборник научных статей. - Барнаул, 1994. - С. 43-58.
17. Кызласов Л.Р. Древняя Тува (от палеолита до IX в.). - М., 1979. - 207 с.
18. Ларин О.В. Исследования на могильнике Айрыдаш II // Археологические исследования на Катунь. - Новосибирск, 1990. - С. 192-197.
19. Марсадолов Л.С. Памятники ранних кочевников в Усть-Куюме на Алтае (по раскопкам Г.П.Сосновского и Г.П.Сергеева) //АСГЭ, 1981. - Вып. 22. - С.11-22.
20. Марсадолов Л.С. Зеркало из алтайской коллекции П.К.Фролова // Сообщения ГЭ. - СПб, 1982. - Вып. 47. - С. 30-33.
21. Марсадолов Л.С. Керамические сосуды в памятниках Горного Алтая VIII-VII вв. до н.э. // Проблемы археологии степной Евразии. Тезисы докладов. - Кемерово, 1987. - Ч. 2. - С. 62-66.
22. Марсадолов Л.С. История и итоги изучения археологических памятников Алтая VIII-IV веков до н.э. (от истоков до начала 80-х годов XX века). - СПб., 1996. - 100 с.
23. Марсадолов Л.С. Исследования в Центральном Алтае (Башадар, Талда). Саяно-Алтайская археологическая экспедиция Государственного Эрмитажа-СПб., 1997а. - Вып. 1. - 56 с.
24. Марсадолов Л.С. Социальные ранги курганов кочевников Алтая VI—IV вв. до н.э. // Социально-экономические структуры древних обществ Западной Сибири. Материалы Всероссийской научной конференции. - Барнаул, 1997б. - С. 96-99.
25. Марсадолов Л.С. Основные тенденции в изменении форм удил, псалиев и пряжек коня на Алтае в VIII—V веках до н.э. // Снаряжение верхового коня на Алтае в раннем железном веке и средневековье. Сборник научных трудов. - Барнаул, 1998. - С. 5-24.
26. Марсадолов Л.С. Художественные образы и идеи на Великом степном пути Евразии в IX—VII вв. до н.э. // Международная конференция по первобытному искусству. 3-8 августа 1998. Труды - Кемерово, 1999. - Том 1. - С. 152-163.
27. Марсадолов Л.С. Археологические памятники IX-III вв. до н.э. горных районов Алтая как культурно-исторический источник (феномен пазырыкской культуры). Автореферат диссертации на соискание ученой степени доктора культурологии. - СПб., 2000. -56 с.
28. Марсадолов ЛС. Меры длины и объема глиняных сосудов у кочевников Алтая VI-III вв. до н.э. // Отделу археологии Восточной Европы и Сибири 70 лет. Тезисы научной конференции. - СПб., 2001а. - С. 19-24.
29. Марсадолов Л.С. Комплекс памятников в Семисарте на Алтае. Материалы Саяно-Алтайской археологической экспедиции Государственного Эрмитажа. - СПб., 2001б. - Выпуск 4. - 49 с. + 118 рис.
30. Марсадолов Л.С. Новые исследования на Улуг-Хоруме в Туве (предварительное сообщение) // Евразия сквозь века. Сборник научных трудов, посвященный 60-летию со дня рождения Дмитрия Глебовича Савинова. - СПб., 2001в. - С. 155-158.
31. Марсадолов Л.С. Меры длины древних кочевников Саяно-Алтая I тыс. до н.э. // Сохранение и изучение культурного наследия Алтайского края. Материалы конференции. - Барнаул, 2001г. - Выпуск XII. - С. 229-232

Рис.1

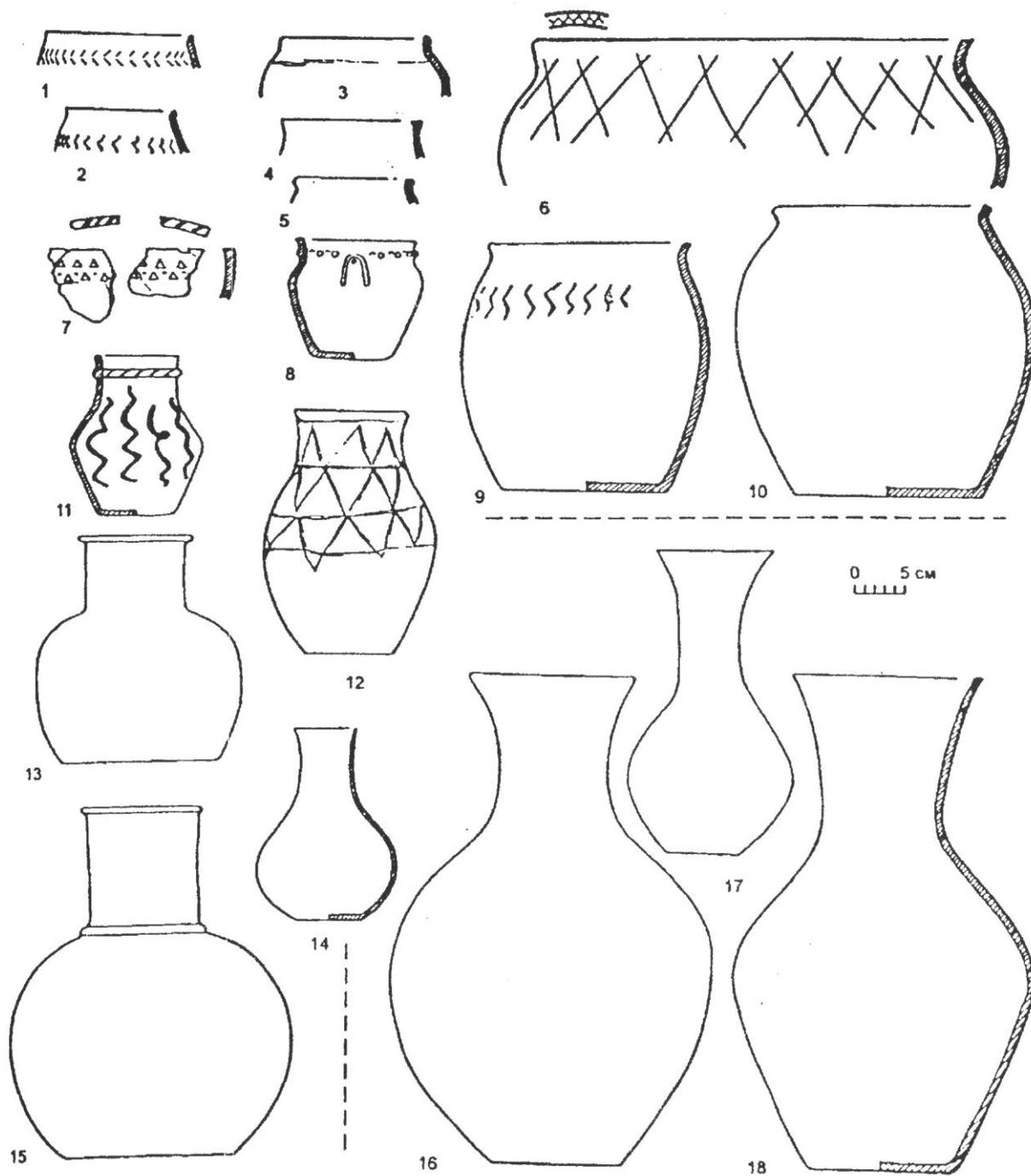

Рис. 2

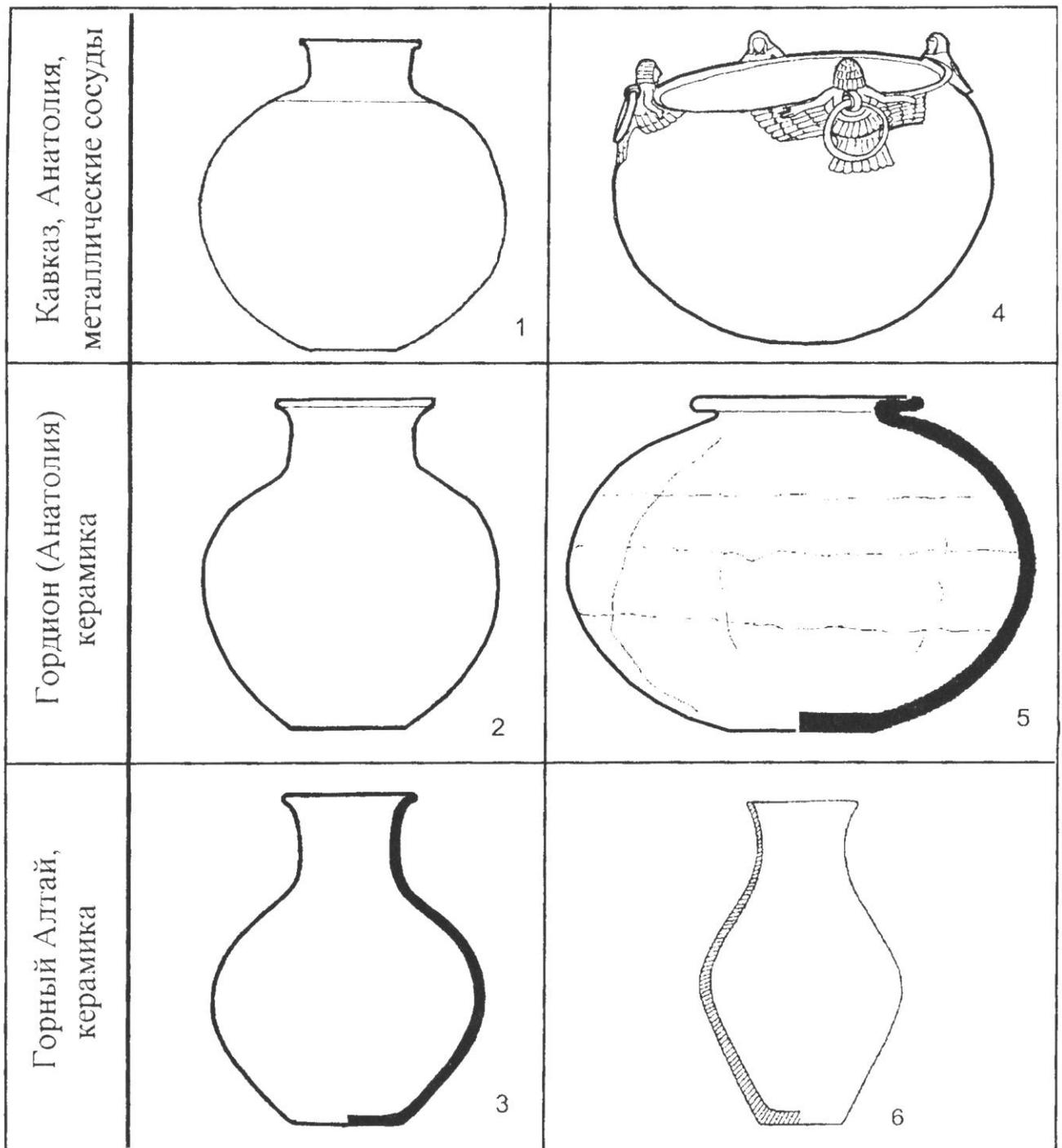

Рис. 3

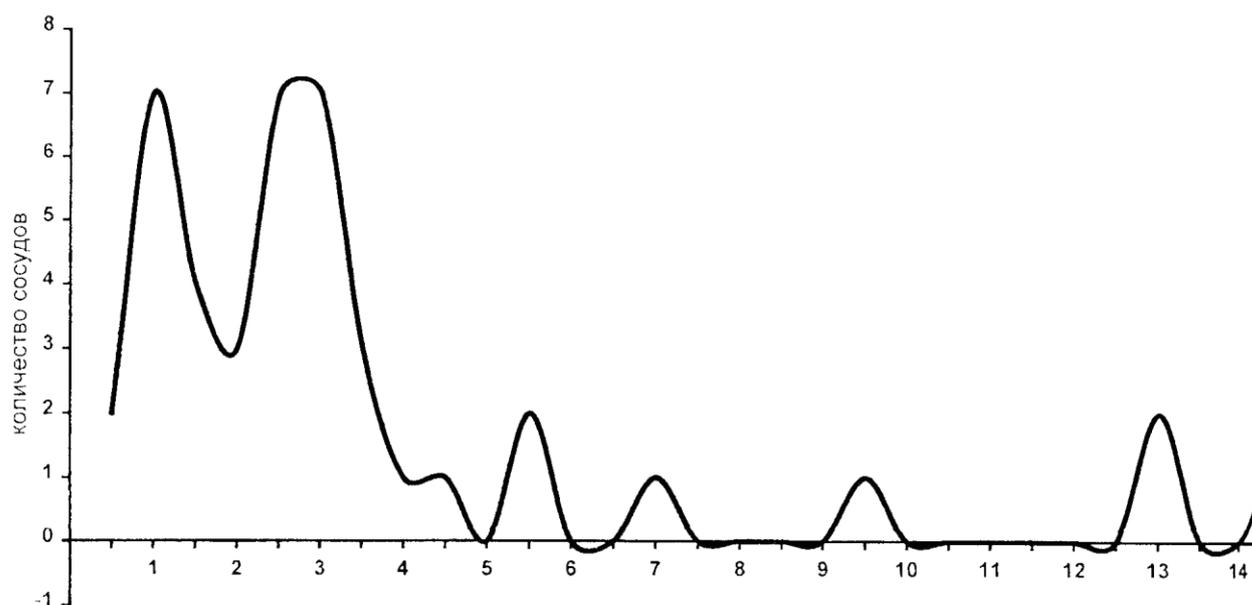
Таблица 1

Глиняные сосуды Алтая VI-IV веков до н.э.
(основные размеры и объёмы)

Курган	Инв.№	Размеры в сантиметрах							Объём, литры
		Высоты			Диаметры				
		Всего сосуда	Тулово	Горло	Корпус (max)	Венчик	Шейка	Дно	
<i>Большие курганы</i>									
Туэкта-1	2179/985	50	35	15	31	15	10	14	14.7
Пазырык-2	1684/54	54	34	20	29.5	16	10.5	9	13.1
Пазырык-2	1684/53	50	34	16	29	17.5	11.5	13	13
Шибе	4668/63	35	22	13	27.5	11.5	10.5	16.5	9.6
<i>Средние курганы</i>									
Башадар-1	2066/18	23	15	8	19.5	11.2	9.5	15	3
Башадар-1	2066/19	23.5	15.5	8	19.5	10.6	9	14.5	3
Пазырык-6	2063/1	30.5	16.5	14	16.5	10.7	6	6.5	2.6
Яконур-8	1554/192	32	19	13	20	11	8.5	15.5	4.3
Яконур-8	1554/194	19	12.5	6.5	16.5	10.3	8	9	1.5
<i>Малые курганы</i>									
Арагол	5965/19	24	16.5	7.5	18.5	8.4	7	6	2.6
Арагол	5965/20	19.5	12	7.5	13.5	6.5	6	6	1.1
Башадар-9	2824/12	31.5	21.5	10.0	20.5	10.0	8.1	8.5	3.6
Башадар-10	2824/30	31.5	21.5	10.0	28.0	12.5	9.4	10.0	7.2
Кок-су, к.31	ск-985	25.5	19.0	7.0	17.6	12.8	11.3	9.3	3.2
Кок-су, к.18	ск-1040	19.6	12.5	7.1	10.4	8.8	7.0	6.0	0.8
Кок-су, к.27	ск-1000	20.6	18.0	2.6	11.8	6.8	6.5	7.0	1.05
Кок-су, к.2	ск-1088	29.0	19.0	10.0	19.0	12.1	10.0	8.5	3.6
Кок-су, к.10	ск-1085	19.4	13.0	6.4	11.0	10.2	6.7	6.0	0.9
Кок-су, к.10	ск-1084	24.1	17.1	7.0	14.4	9.5	7.7	8.4	1.7
Кок-су, к.12	ск-1073	27.7	21.7	6.0	15.4	11.2	9.8	8.3	3.2
Кок-су, к.11	ск-1081	25.8	16.8	9.0	14.8	9.3	8.4	8.7	2.1
Кок-су, к.15	ск-1068	27.0	15.0	12.0	15.5	9.5	9.1	8.2	фрагм
Кок-су, к.19	ск-1036	23.8	18.0	5.8	15.4	11.0	7.3	6.0	1.8
Кок-су, к.29	ск-998	26.2	15.8	10.4	15.7	12.6	7.7	7.0	2.3
Кок-су, к.25	ск-1028	27.2	19.0	8.2	15.1	10.3	9.2	9.5	2.4
Кок-су, к.33	ск-981	16.5	12.7	3.8	12.7	7.4	6.4	6.0	1.0
Кок-су, к.33	ск-980	20.0	14.5	5.5	15.5	9.5	9.1	8.2	1.8
Кок-су, к.32	ск-982	25.1	18.0	7.1	19.4	11.0	9.0	12.5	3.4

Таблица 1 (продолжение)

Курган	Инв.№	Размеры в сантиметрах							Объём литры
		Высоты			Диаметры				
		Всего сосуда	Тулово	Горло	Корпус (max)	Венчик	Шейка	Дно	
<i>Малые курганы</i>									
Кок-су, к.21	ск-1034	39.0	26.5	12.5	21.5	15.1	10.0	10.2	5.5
Катон, к.10	ск-934	41.1	25.0	16.1	21.1	13.0	8.8	10.5	5.7
Курту 5, к.7	ск-896	17.6	11.1	6.5	12.1	6.0	4.9	7.1	0.9
Курту 5, к.7	ск-897	11.5	8.0	3.5	11.0	7.0	6.6	6.0	0.5
Катон, к.2	ск-899	19.0	13.0	6.0	15.5	10.0	8.2	7.0	1.5
Катон, к.3	ск-904	34.1	21.0	13.1	18.2	10.5	9.0	9.0	3.8
Катон, к.3	ск-905	8.5	6.4	2.1	7.2	7.0	6.3	5.2	0.25
Катон, к.7	ск-931	19.5	12.5	7.0	17.5	13.2	11.5	10.0	2.3
Катон, к.5	ск-923	29.5	16.0	13.5	18.8	9.5	8.1	9.0	3.1
Катон, к.5	ск-925	30.5	19.5	11.0	17.5	9.5	8.0	10.5	ок. 3
Катон, к.7	ск-935	31.5	18.5	13.0	17.2	9.2	8.3	11.5	ок. 3
Катон, к.13	ск-954	23.5	15.5	8.0	18.1	11.6	10.4	8.5	2.6-2.7
Катон, к.12	ск-949	20.0	13.0	7.0	12	8.2	6.4	6.5	0.9
Катон, к.12	ск-948	24.5	14.5	11.0	15.0	10.2	6.1	7.2	1.4
Катон, к.14	ск-959	30.5	20.0	15.5	17.5	9.2	8.7	8.3	2.7

Курганы Малые Средние Большие
 Распределение сосудов по объему (в литрах)

Таблица 2

Основные группы древних единиц измерения
для глиняных сосудов Алтая VI – III вв. до н.э.

Единицы измерения	I группа (от 180–190 см)	II группа (от 200–210 см)	III группа (от 220–240 см)
ширина пальца	1,8 - 2,0	2,0 - 2,2	2,3 - 2,6
$\frac{1}{2}$ длины пальца	2,75 - 3,0	3,0 - 3,25	3,5 - 3,75
длина пальца	5,5 - 6,0	6,0 - 6,6	7,0 - 7,5
2 пальца	11,0 - 12,0	12,0 - 13,2	14,0 - 15,0
ширина ладони	7,0 - 8,0	8,0 - 9,5	9,6 - 10,5
1,5 ладони ($\frac{1}{4}$ локтя)	11,5 - 12,0	12,5 - 13,5	15,0 - 15,5
2 ладони	14,0 - 16,0	16,0 - 18,0	19,0 - 21,0
3 ладони	21,0 - 24,0	24,0 - 27,5	29,0 - 31,5
4 ладони	28,0 - 32,0	32,0 - 38,0	40,0 - 42,5
5 ладоней	35,0 - 40,0	39,0 - 47,5	48 - 54
Основные сосуды	Курту, к.5 (2 сосуда) Шибе — I или II группа	Катон, к.5 Яконур—8 Арагол	Туэкта—1 Пазырык—2 Башадар—1, 9, 10 Катон, к.2 Кок-су, к.27, 29, 32

Таблица 3

Использование древних единиц измерения для разных частей
сосудов Алтая (зависимость от рангов курганов)

Основные части сосуда	Ранг кургана		
	Большие	средние	малые
<i>высоты</i>			
сосуд (в целом)	5-7 ладоней	3-4 ладони	1-4 ладони
тулово	2,5–4 ладони	1,5-2,5 ладони	1- 3 ладони 1–2 пальца
горло	1,5 и 2 ладони	1 и 1,5 ладони длина пальца	длина и ширина пальца 1-2 ладони (редко)
<i>диаметры</i>			
корпус	3-4 ладони	2-2,5 ладони	ок. 2 ладоней 1–2 пальца (редко)
венчик	1,5-2 ладони	ок. 1,5 ладони	2 пальца
шейка	ок. 1,5 ладони	1 ладонь палец	палец ладонь (редко)
дно	1–2 ладони	1 и 1,5 ладони палец	1 ладонь палец

Единицы измерения частей сосудов из курганов Алтая VI–III вв. до н.э.

Часть сосуда	Размеры, в см	Группа	Единица измерения	Сосуды из курганов
дно (диаметр)	7,0 - 8,0	I	ладонь	Курту-5, к.7
	6,0	II	палец	Арагол
	8,2 - 9,0		ладонь	Яконур-8; Катон, к.5
	16,5	III	2 ладони	Шибе
7,0	палец		Кок-су-1, к.27,29;	
10,0 - 10,5	ладонь		Катон, к.2	
тулово (высота)	14,5 - 15,0	III	2 пальца	Башадар-10
	7,0 - 8,0		I	ладонь
	11,0 - 12,0	II	2 пальца	(2 сосуда)
	6,4		палец	Катон, к.3
12,5 - 13,0	III	1,5 ладони	Яконур-8	
15,0 - 15,5		1,5 ладони	Башадар-1	
корпус (диаметр)	19,0 - 19,5	III	2 ладони	Кок-су, к.25
	11,0 - 12,1		I	2 пальца
	17,5	II	2 ладони	Катон, к.5, 7
	7,2	III	палец	Катон, к.3
	15,5		1,5 ладони	Катон, к.2
	19,5		2 ладони	Башадар-1; Кок-су, к.32
29,0 - 29,5	3 ладони		Пазырык-2	
31,0	Туэкта-1			
горло (высота)	2,1	II	ширина пальца	Катон, к.3
	8,0		ладонь	Катон, к.13
	13,5		1,5 ладони	Катон, к.5
	2,6	III	ширина пальца	Кок-су, к.27
	7,0 - 7,5		длина пальца	Кок-су, к.32
	10,0 - 10,5		ладонь	Кок-су, к.29
19,0 - 20,0	2 ладони	Пазырык-2		
шейка (диаметр)	6,0 - 6,5	II	палец	Кок-су, к.33
	8,0 - 9,0		ладонь	Яконур-8; Катон, к.5
	10,0 - 10,5	III	ладонь	Туэкта-1; Пазырык-2
венчик (диаметр)	6,0	I	длина пальца	Курту-5, к.7
	7,0		ладонь	Курту-5, к.7
	9,5	II	ладонь	Катон, к.5
	10,0 - 11,0	III	ладонь	Катон, к.2
15,0 - 15,5	1,5 ладони		Кок-су, к.21; Туэкта-1	
общая высота сосуда	11,5	I	1,5 ладони	Курту-5, к.7
	35		5 ладоней	Шибе
	24	II	3 ладони	Арагол
	39 - 45		5 ладоней	Кок-су, к.21; Катон, к.10
	19 - 20	III	2 ладони	Катон, к.2
	29 - 30,5		3 ладони	Пазырык-6
50 - 54	5 ладоней		Туэкта-1; Пазырык-2	

32. Марсадолов Л.С, Самашев З.С. Изучение археологических памятников Западного Алтая. Материалы Саяно-Алтайской археологической экспедиции Государственного Эрмитажа. - СПб., 2000. - Вып. 3. - 32 с. + 42 илл.
33. Марсадолов Л.С, Соколова Л.А. Керамические кувшины Горного Алтая VI-III вв. до н.э. и их металлические прототипы VIII-VII вв. до н.э. // Источники по истории Западной Сибири. Материалы региональной научной конференции. - Сургут, 2003. - Часть I.-С. 71-74.
34. Потапов Л.П. Очерки народного быта тувинцев. - М., 1969. - 402 с.
35. Руденко СИ. Культура населения Центрального Алтая в скифское время. - М.-Л., 1960.-360 с.
36. Самашев З.С, Жумабекова Г.С, Сунгатай С. Новые исследования на могильнике Бе-рель в Восточном Казахстане // Итоги изучения скифской эпохи Алтая и сопредельных территорий. Сборник научных статей. - Барнаул, 1999. - С. 159-164.
37. Сорокин СО Памятники ранних кочевников в верховьях Бухтармы // АСГЭ, 1966. -Вып. 8. - С. 39-60.
38. Сорокин ОС. Цепочка курганов времени ранних кочевников на правом берегу Кок-су (Южный Алтай) //АСГЭ, 1974. - Вып. 16. - С. 63-91.
39. Степанова Н.Ф. Погребения в каменных ящиках и их датировка // Погребальный обряд древних племён Алтая. - Барнаул, 1996а. - С. 54-69.
40. Степанова Н.Ф. Охранные раскопки на Усть-Куюмском могильнике // Сохранение и изучение культурного наследия Алтайского края. Материалы науч.-практ. конференции. - Барнаул, 1996б.-С. 115-119.
41. Степанова Н.Ф. Раскопки в устье р. Эдиган // Известия лаборатории археологии (сборник научных трудов). - Горно-Алтайск, 1997. - №2. - С. 61-73.
42. Степанова Н.Ф. К вопросу о терминологии и типологии керамики раннего железного века Горного Алтая // Древние поселения Алтая. Сборник научных трудов. - Барнаул, 1998. - С. 137-145.
43. Тишкин А.А. Погребальные сооружения курганного могильника Бийке в Горном Алтае и культура населения, оставившего их // Погребальный обряд древних племён Алтая. - Барнаул, 1996. - С. 20-54.
44. Цыбиктаров А.Д. Культура плиточных могил Монголии и Забайкалья. - Улан-Удэ, 1998. -288 с.
45. Шульга П.И. Поселение Чепош-2 на средней Катунь // Археология, антропология и этнография Сибири. - Барнаул, 1996. - С. 106-123.
46. Шульга П.И. Поселение Куротинский Лог-1 // Известия лаборатории археологии (сборник научных трудов). - Горно-Алтайск, 1997. - №2. - С. 73-84.
47. Шульга П.И. Поселение Партизанская Катущка // Древние поселения Алтая. Сборник научных трудов. - Барнаул, 1998. - С. 146-164.
48. Kohler E.L. The Lesser Phrygian Tumuli. Part I. The Inhumations // The Gordion Excavations Final Reports. Vol. II. University Museum Monograph 88. - University of Pennsylvania, 1995. - 262 p. + 72 fig. + 85 pi.

Список иллюстраций к статье Л.С.Марсадолова

- Рис. 1. Глиняные сосуды и фрагменты керамики из памятников Горного Алтая VIII-VII вв. до н.э.: 1-3 - Семисарт, курган № 1; 4-7, 10, 13-17 - Семисарт, культовое место; 8, 9, 12 - Бийке; 11 - Усть-Куюм.
- Рис. 2. Глиняные сосуды из курганов Горного Алтая VI-IV вв. до н.э.: 1-7, 9, 10 - Башадар-2, под насыпью кургана; 8 - Талдура-1, курган № 4; 11 - Кызыл-Джар-1, курган № 2; 12 - Кок-су-1, курган № 31; 13 - Башадар-1; 14 - Арагол, курган № 6; 15 - Шиббе; 16 - Туэк-та-1; 17 - Пазырык-6; 18 - Пазырык-2.
- Рис. 3. Сопоставление форм сосудов из разных регионов: 1 - Кавказ; 2, 4, 5 - Гордион; 3 -Башадар, курган № 10; 6 - Башадар, курган № 9.

Работа выполнена при поддержке РГНФ (проект №03-01-00468а)

Панкова С.В.
(г.Санкт-Петербург)

ТАШТЫКСКИЕ ГРАВИРОВКИ НА ТЕПСЕЕ

Тепсейский историко-культурный микрорайон занимает особое место в археологии Южной Сибири. Памятники, исследованные здесь Красноярской экспедицией, представили всю колонку культур Минусинского края от эпохи бронзы до средневековья. Исключительное значение имели раскопки на Тепсее для изучения таштыкской культуры. Только одно из открытий – планки с резными изображениями – обогатило ее удивительным источником, представляющим «новое звено в развитии изобразительного искусства древних народов Азии» (Грязнов М.П., 1979, с.4). Кроме того, открытие планок позволило уверенно считать таштыкскими наскальные изображения, выполненные в близкой манере и технике, ранее атрибутируемые лишь по единичным признакам (Кызласов Л.Р., 1960, с.91).

Однако на самом Тепсее таштыкские петроглифы были представлены минимально. Одновременно с исследованием склепов, в 1966-1968 гг. Каменский отряд экспедиции под руководством Я.А.Шера занимался поиском и копированием петроглифов, находящихся на тепсейских скальных выходах. Таштыкских рисунков тогда обнаружено не было. В 1983-1984 гг. исследования на Тепсее были продолжены петроглифическим отрядом Кемеровского университета, выявившим ряд новых изображений. Основные работы проводились в Волчьем логу, непосредственно примыкающем к площадке со склепами (Грязнов М.П., 1979, рис.2). По системе нумерации Я.А. Шера, отличной от топографии погребальных памятников, этот участок обозначен как Тепсей II; лог также называют Тепсейским. Среди найденных здесь изображений оказались три одиночные таштыкские фигуры, выполненные в технике выбивки (Советова О.С., 1995, рис.2-14; 9-1,2; Blednova et al., 1995). Что касается гравировок, они были зафиксированы Н.В. Леонтьевым лишь в удалении от основных памятников – на одном из тепсейских «зубьев».

Обилие гравировок в склепах все же вселяло надежду на открытие подобных изображений на близлежащих скальных выходах. Предпринятый в 2003 г. поиск гравировок в Тепсейском логу выявил целую композицию. Она расположена в глубине лога, на третьей от устья гряде, примерно на середине высоты имеющихся скальников, которые не образуют здесь четких ярусов. Плоскость размером 120 x 90 см размещается в центре отдельного скального останца с пологой площадкой перед ним (рис.1). Гравировки расположены на участке 95x60 см, на высоте 10-20 см от поверхности земли. Обращенная к западу (ЗЮЗ), плоскость оптимально освещена в 13-14 часов. Ее поверхность сильно выветрена, а фигуры прорезаны очень тонко, так что читаются с трудом.

Композиция включает изображения двух быков, двух человеческих фигур, молодого лося или марала, маралухи, лошади и взрослого лося (рис.2). Рядом с последними фигурами присутствуют скопления тончайших резных линий, которые прочтению не поддаются. Схематичная фигура в центре плоскости изображает, возможно, медведя. В правом нижнем углу плоскости изображен разделенный надвое заштрихованный прямоугольник, а в левой части – спираль с окружающими ее неясными линиями. Из всей композиции особенно интересны фигуры быков и медведя (?), на которых стоит остановиться подробнее.

Бегущие быки представляют парные, почти идентичные фигуры, каждый с подогнутой передней ногой. У обоих быков акцентированы мощные горбы, а холки переданы продольной штриховкой. Рога нижнего быка серповидные, у верхнего они показаны по-разному. Под шеей верхнего быка видна неясная зигзагообразная линия, передающая, возможно, шерсть.

Изображения быков хорошо известны по деревянным планкам Тепсея и Ташебы. На них шесть пар быков – четыре из них сохранились почти полностью, а две восстанавливаются по изображениям ног и хвостов – впряжены в какое-то земледельческое орудие, отдаленно напоминающее борону (Грязнов М.П., 1979, рис.59-2; 61-2; Подольский М.Л., 1998, рис.1-3а). Пары расположены по две в ряд, но фрагментарность изображений не позволяет судить, соединены ли они в четверки. На тепсейской планке 2 показано общее, одно на четверых быков орудие, а на планке 4, видимо, общее ярмо.

Парные изображения бегущих «в ногу» быков известны и среди рисунков на скалах. Помимо тепсейской плоскости, они дважды встречены среди таштыкских гравировок на

горе Георгиевской у с. Тесь (Красноярский край), на горе Куртуяк в Ширинском районе Хакасии (рис.3,1) и на курганной плите у д.Подкамень в долине Черного Июса (Appelgren-Kivalo H., 1931, abb.96). В отличие от гравировок на планках, никаких дополнительных приспособлений у них нет. Тепсейская плоскость выделяется наличием фигуры человека непосредственно за быками. Никаких специальных атрибутов у фигуры нет (воин? погонщик? охотник? пахарь?) однако ее расположение вплотную к быкам позволяет видеть в композиции единую смысловую группу. На плакетках за быками также показаны человеческие фигурки: на тепсейском фрагменте это раненый стрелой воин со штандартом или, скорее, погонщик с кнутом (Грязнов М.П., 1979, рис.59-2), на ташебинском, возможно, лучник (Подольский М.П., 1998, рис.1-3а). По справедливому замечанию М.Л.Подольского, видимое взаимодействие между группами – «слоями» фигур в таштыкских композициях часто отсутствует. Относительно быков на планках не сразу понятно, где же проходит граница «слоя» – относятся ли к быкам расположенные позади них фигуры или они действуют в каком-то своем измерении. С учетом композиции из Тепсейского лога пару быков и фигуру человека позади них можно считать сюжетно и композиционно связанными.

Сцены с быками на планках более детальные и выразительны в плане заложенной в них идеи, чем наскальные гравировки. Тепсейская плоскость сближает эти источники, позволяя предполагать, что и на скалах подразумевались те же упряжки, но в редуцированном виде – без орудия. На скалах, в отличие от планок, встречаются и одиночные фигуры быков: две на Ошкольской писанице (Appelgren-Kivalo H., 1931, abb.302), две на Георгиевской, одна на Суханихе. Безусловно, нет оснований приписывать всем быкам на скалах роль тягловых животных. Однако ни в чем другом их роль в композициях и возможная специфика также не прослеживается.

Судя по приведенным примерам, бык или пара быков – один из самых распространенных таштыкских образов. Особенно ярко это проявляется на фоне практического отсутствия их изображений в памятниках Минусинского края скифского периода. В постскифское время они представлены выбивками на Большой Боярской писанице и на г.Куны (Дэвлет М.А., 1976, с.9, табл.V-VI; Вяткина К.В., 1961, табл.XLII-4), тогда же в Южной Сибири появляются поясные пластины с изображениями яков (Дэвлет М.А., 1980). Можно предполагать связь этих престижных изделий с последующим распространением быков среди персонажей таштыкского творчества, однако таштыкские образы имеют совершенно иной характер. На бронзовых пластинах фигуры яков противостоят друг другу, их позы «предвещают начало схватки» (Дэвлет М.А., 1990, с.59). В таштыкских композициях идея единоборства напрочь отсутствует. Запряженные в орудия животные не агрессивные быки, а скорее зависимые волы, т.е. их образ имеет совершенно иную окраску. Основная же специфика быков с планок в том, что они явно представляют сюжет, связанный с земледелием.

Наличие земледелия у таштыкцев сомнений не вызывает: на поселениях неоднократно встречены зернотерки и мотыги, в погребальных памятниках – зерна проса. Однако найденные орудия «очень примитивны, что не позволяет говорить о высоком уровне земледелия» (Вадецкая Э.Б., 1992, с.245). Свидетельств применения таштыкцами орудий плужного типа не известно, а вывод Л.Р. Кызласова об использовании сохи (и, соответственно, тягловых животных – С.П.), все еще гипотетичен, т.к. получен «типологически» на основании случайных находок (Кызласов Л.Р., 1960, с.180). Однако принципиальных противоречий для такого вывода нет. Впрягаемые в орудия волы использовались в обеспеченных хозяйствах Северного Алтая и Тувы (Потапов Л.П., 1935, с.73; Вайнштейн С.И., 1972, с.162), так что и для таштыкского населения подобная возможность вполне допустима. Если представленные на планках события мыслились как происходившие в Минусинской котловине, изображения упряжек быков могут стать свидетельством применения тягловых животных для обработки земли в хозяйстве таштыкцев. Тягловый скот мог использоваться не всем населением, а какими-то отдельными группами – более зажиточными или специализированными. Примеры последних выявлены в оседлых центрах хунну (Давыдова А.В., 1995, с.60), известны на военно-пахотных поселениях Ханьского Китая и Тувы монгольского времени (Васильев Л.С., 1960, с.89; Вайнштейн С.И., 1972, с.157).

Что за орудия влекут за собой волы, отражены в них реально употреблявшиеся предметы или лишь сильно искаженные образы? На всех трех планках представлена одна и та же конструкция – некая удлиненная основа с прикрепленными к ней четырьмя (?) зубьями.

Эти идентичные фигуры происходят из разных памятников, что свидетельствует о наличии общего прототипа и возможности его выявления.

В культурах Саяно-Алтая этого времени изображения быков единичны (Килуновская М.Е., 1998, рис.1, 11-12), а подобные таштыкским упряжки или сцены земледельческого содержания не известны. Близкие изображения есть в Китае, земледелие в котором было значительно более развито. Росписи и барельефы на стенах гробниц эпох Хань и Северная Вэй представляют сцены пахоты, боронования, укладки стогов (см. например Hsio-Yen Shin, 1959, fig.9; Brinker H., Goepfer R., 1980, s.183, kat.40). Эти изображения интересны для нас тем, что здесь встречаются конкретные аналогии орудиям, запечатленным на планках. Наиболее близкая из них – красочное изображение бороны на стенах гробницы у д. Dingjiazha (провинция Ганьсу), относящейся к периоду 386-441 гг. (рис.3,2). Другое орудие представлено на стенной росписи конца II в. н.э. в Helingeer/Helingol (Внутренняя Монголия) (James J.M., 1987, fig.11). Живописно размытые контуры изображения не позволяют привести здесь его прорисовку. Судя по иллюстрации, оно как бы совмещало черты плуга и бороны.

Орудия, представляющие вещественные аналогии изображениям на планках, известны среди этнографических материалов из Афганистана. Еще в начале XX в. здесь употреблялись т.н. конные лопаты – приспособления, состоящие из поперечной доски с прибитыми к ней железными или деревянными зубьями, функционально близкие бороне (рис.3,3). Там же зафиксирован особый тип молотилок, представляющий деревянный вал с зубьями, а также выравнительные доски *малы*, наиболее близкие таштыкским изображениям (рис.3,4) (Вавилов Н.И., Букинич Д.Д., 1929, рис.71, 142). Бороны в виде брусков с зубьями приведены Н.Я. Бичуриным в числе традиционных земледельческих орудий Китая (Бичурин Н.Я., 1844, черт.15-17). Такая конструкция, по-видимому, была универсальна. Значит, представленные на планках рисунки могли отражать вполне реальные образы, прототипами которых были орудия типа бороны. Среди приведенных Н.Я. Бичуриным орудий неожиданно привлекает внимание т.н. беззубая борона *лао*, т.к. она представляет аналогию «геометрической» фигуре в правом углу тепсейской плоскости (рис.3,5). Беззубая борона, по Н.Я. Бичурину, «не имеет зубьев, а промежутки между брусками переплетены прутьями подобно плетню; употребляется для углаживания пашень» (там же, с.22). Заштрихованные поля тепсейской фигуры также могли передавать плетеную конструкцию. Разумеется, такое сходство может быть и случайным. Однако примыкающие к прямоугольнику зубчатая и прямолинейная фигуры в свою очередь оказываются аналогичны бороне и ярму с планок. Вместе эти неизбежно спорные аналогии выглядят более основательно, позволяя видеть в тепсейской фигуре изображения двух земледельческих орудий, соединенных с ярмом для волов.

Другим специфичным и загадочным образом тепсейской плоскости является фигура животного в ее центре. Это изображение фрагментарно и схематично, но по округлым очертаниям тела и отсутствию явно выраженного хвоста можно угадать в нем фигуру медведя. Перед медведем изображен какой-то предмет с отростками, напоминающий ветвь – медведь как будто держит ее в передних лапах. Подобных композиций среди таштыкских гравировок не известно. В то же время четыре фигуры медведей, действительно держащих какие-то удлиненные предметы, присутствуют среди изображений Сулекской писаницы (рис.4,2) (Appelgren-Kivalo H., 1931, abb.77). В результате осмотра писаницы оказалось, что у одного из сулекских медведей на верхушке такого предмета имеется метелковидное завершение, сближающее его с тепсейской фигурой. В этих смежных по времени и родственных по создавшему их населению памятниках могли отразиться общие представления, связанные с медведем.

На плоскости из Тепсейского лога действия медведя не понятны, он зримо не связан ни с одной из окружающих фигур. Однако присутствие рядом предмета, не характерного для обычного зверя, позволяет считать его каким-то особым персонажем. Необыкновенная роль медведей среди таштыкских образов отмечена Ю.И. Михайловым: на тепсейских плакетках они имеют преувеличенное число пальцев и занимают стандартное положение между дикими животными и воинами, взнуздывающими «особых» коней (Михайлов Ю.И., 1995, с.18-19). К сказанному можно добавить, что медведи не просто находятся рядом, а непосредственно участвуют во взнуздывании: в одном случае медведь держит в зубах уздечку (?) (планка 2), а в других та же, по-видимому, уздечка уже находится в руках воина

(планки 3 и 6) (Грязнов М.П., 1979, рис.59-1, 3; 61-4). На сохранившейся части планки 2 конь отсутствует, однако расположенный у ее слома воин со щитом показан в такой же специфичной позе, что и аналогичный воин на планке 3, в одной руке которого уздечка, а другой он держит коня за челку (там же, рис.59,1, фиг.9). Это позволяет реконструировать присутствие коня на недошедшей до нас части планки. Изображение медведя в данном случае только подтверждает это предположение. Таким образом, внешне роль медведя на планках выражена в подношении уздечки «герою». Судя по особому виду коней и облачению воинов, не только медведь (медведица по Ю.И.Михайлову) – ключевой образ среди представленных диких животных, но и вся композиция, включающая медведя, коня и воина, является важнейшим моментом повествования на планках.

Помимо тепсейских фигур – на планках и на скале – в таштыкских памятниках известны и другие изображения медведей. Они найдены в третьем логу на Суханихе (Советова О.С., Миклашевич Е.А., 1999, табл.6-1), на Ошкольской писанице (Панкова, Архипов, 2003, рис.2), на горе Озерной в районе Сулека¹ (рис.4,1). Фигура с Озерной отличается утрированно длинным носом, придающим медведю несколько фантастичный вид. Выдающееся изображение медведя, выполненное в таштыкской манере, происходит из Тувы – это огромная выбитая фигура с рч. Малый Баян-Кол (Дэвлет М.А., 1976а, табл.55). Таким образом, изобразительные памятники свидетельствуют об очевидном внимании к фигуре медведя в таштыкскую эпоху, причем часто подчеркивается его особая роль или необычные качества.

В скифское время изображения медведей на Среднем Енисее встречаются редко и подчас сомнительны (Советова О.С., 2002). Достоверно медвежьи фигуры представлены в постскифской композиции с г.Куня (там же, рис.1-3). Здесь же мы видели и быка, и может быть не случайно появление на Куне сразу двух новых образов, характерных в дальнейшем для одной культуры. В отличие от быков, известных в основном в Минусинской котловине, фигуры медведей в таштыкское и тюркское время представлены значительно шире. Не говоря о лесных районах Западной Сибири, где медведь издавна был излюбленным образом, он встречается на скалах Тувы и Алтая, становится значимым персонажем в памятниках тюркского круга (Дэвлет М.А., 1995, рис.1; Соёнов В.И., 2003, рис.1,4; Савинов Д.Г., 2002, с.184; Кляшторный С.Г., Кубарев Г.В., 2002, рис.1).

Несмотря на простоту композиции из Тепсейского лога, она затрагивает сразу несколько аспектов таштыкского искусства и культуры в целом. Фигуры быков и медведей представляют новые образы, получившие распространение на Среднем Енисее в таштыкскую эпоху. Новизна этих образов заключается не только в самих персонажах, но и в их характере – земледельческом для быков и фантастическом, «очеловеченном» для медведей. Фигура медведя, кроме того, позволяет сопоставить таштыкские гравировки с некоторыми «кыргызскими» изображениями Сулекской писаницы. Парные фигуры волов вновь обращают нас к проблеме таштыкского земледелия, игравшем, видимо, существенную роль в жизни таштыкцев.

Тепсейские гравировки показывают, что содержание наскальных образов может раскрываться из близких сюжетов на планках, а проблема соотношения этих видов источников выступает особенно явно. Тепсейские планки справедливо считаются эталонами таштыкских изображений, однако и памятники наскального искусства, если рассматриваются серийно, также весьма информативны. Гравировки на планках и скалах взаимно дополняют друг друга, и без привлечения наскальных рисунков изучение таштыкского искусства уже вряд ли возможно. Пока из наскальных изображений опубликована лишь малая часть, так что важно появление каждой новой композиции. Краткость нашего визита на Тепсей не позволила осмотреть все плоскости этого памятника, где могут быть найдены и другие таштыкские гравировки. Однако первостепенной задачей, на мой взгляд, является скорейшая публикация известных изображений, многие из которых открыты уже очень давно.

Литература

1. Бичурин Н.Я. Земледелие в Китае с семидесятью двумя чертежами разных земледельческих орудий. – СПб, 1844.

¹ Искренне благодарю А.И.Готлиба, познакомившего меня с этим изображением.

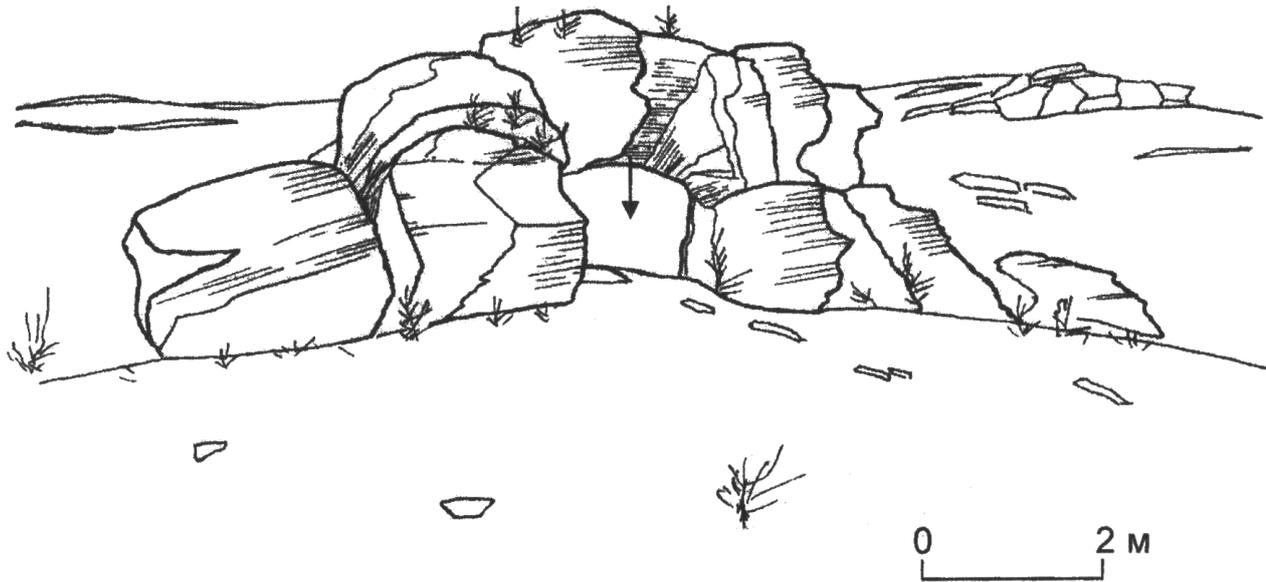

Рис.1

2. Вадецкая Э.Б. Таштыкская культура // Степная полоса Азиатской части СССР в скифо-сарматское время. – М., 1992. – С.236-246.
3. Вавилов Н.И., Букинич Д.Д. Земледельческий Афганистан. – Л., 1929. – 533 с
4. Вайнштейн С.И. Историческая этнография тувинцев. – М., 1972. – 312 с.
5. Васильев Л.С. Земледелие в Древнем Китае // Вестник истории мировой культуры. – Л., 1960. – №2. – С.79-91.
6. Вяткина К.С. Наскальные изображения Минусинской котловины // Сборник МАЭ. – Л., 1961. – Т.ХХ. – С.188-237.
7. Грязнов М.П. Таштыкская культура // Комплекс археологических памятников у горы Тепсей на Енисее. – Новосибирск, 1979. – С.89-146.
8. Давыдова А.В. Иволгинский археологический комплекс. Т.1. Иволгинское городище. – СПб, 1995.
9. Дэвлет М.А. Большая Боярская писаница. – М., 1976. – 20 с.
10. Дэвлет М.А. Петроглифы Улуг-Хема. – М., 1976а. – 119 с.
11. Дэвлет М.А. Новые материалы о древнем культе быка в Центральной Азии // КСИА – 1980. – Вып.199. – С.55-60.
12. Дэвлет М.А. Три наскальные композиции из Тувы // Древнее искусство Азии. Петроглифы. – Кемерово, 1995. – С.11-16.
13. Килуновская М.Е. Быки Кара-Булуна // Древние культуры Центральной Азии и Санкт-Петербург. – СПб., 1998. – С.159-163.
14. Кляшторный С.Г., Кубарев Г.В. Тюркские рунические эпитафии из Чуйской степи (Юго-Восточный Алтай) // История и культура Востока Азии. – Новосибирск, 2002. – Т.И. – С.78-82.
15. Кызласов Л.Р. Таштыкская эпоха в истории Хакасско-Минусинской котловины. – М., 1960. – 197 с.
16. Михайлов Ю.И. Семантика образов и композиций в таштыкской изобразительной традиции (опыт анализа тепсейских плакеток) // Древнее искусство Азии. Петроглифы. – Кемерово, 1995. – С.17-21.
17. Панкова С.В., Архипов В.Н. Работы петроглифического отряда Тувинской экспедиции // Отчетная археологическая сессия Государственного Эрмитажа за 2002 г. Тезисы докладов. – СПб., 2003. – С.25-28.
18. Подольский М.Л.. Композиционная специфика таштыкской гравюры на дереве // Древние культуры Центральной Азии и Санкт-Петербург. – СПб., 1998. – С.199-205.

Рис.2

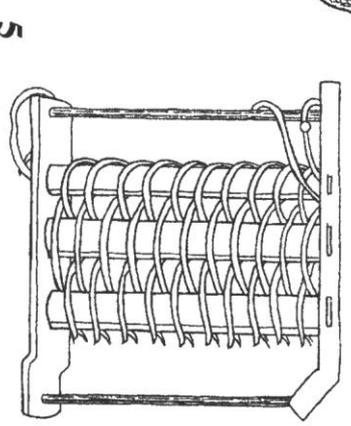
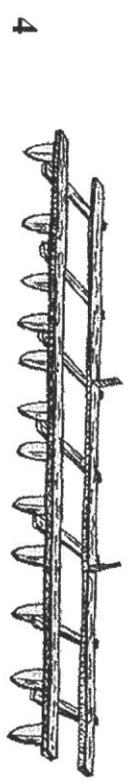
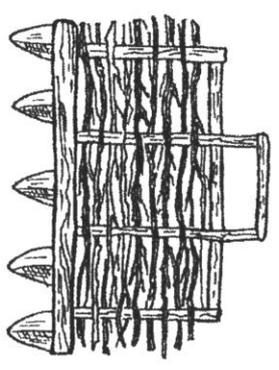
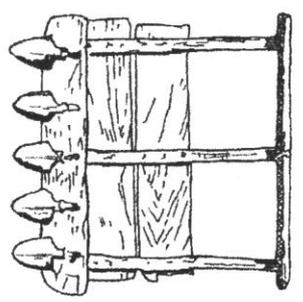
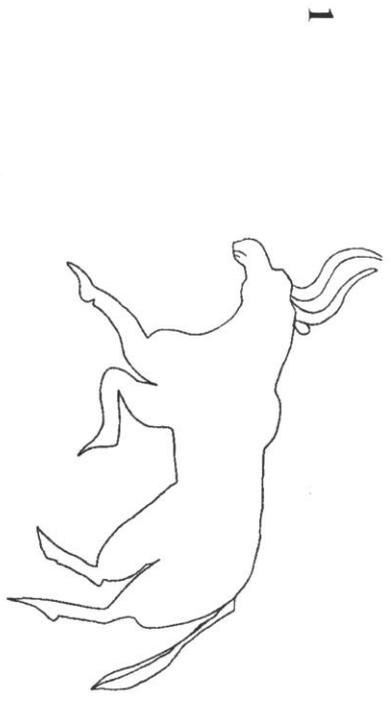
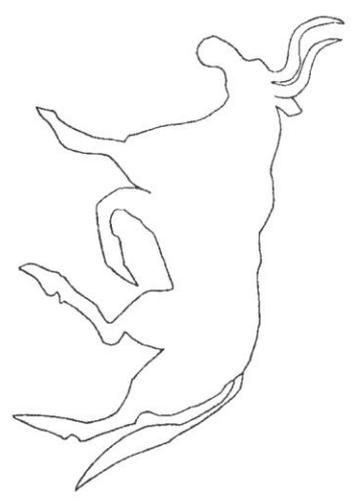

Рис.3

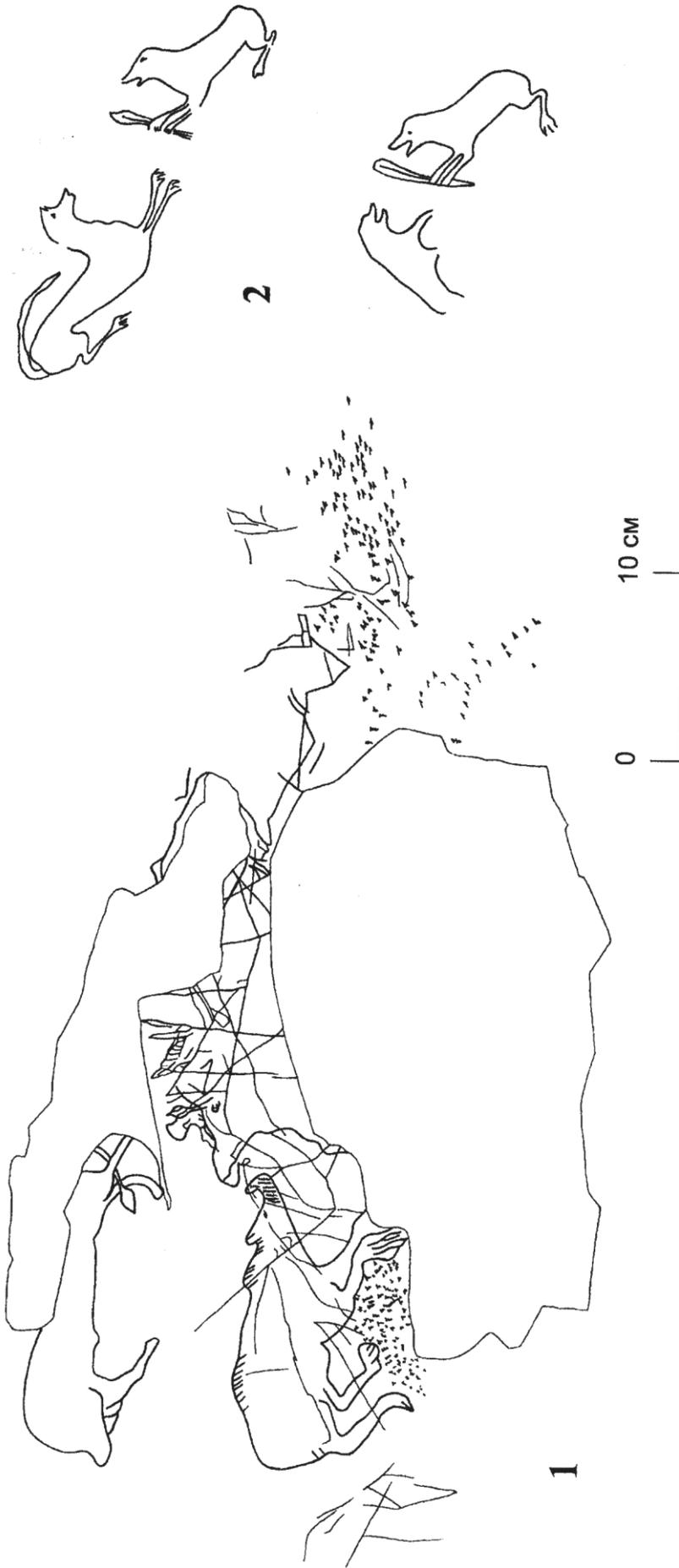

Рис.4

19. Потапов Л.П. Разложение родового строя у племен Северного Алтая // Известия ГАИМК. – М.-Л., 1935. – Вып.128. – 121 с.
20. Савинов Д.Г. Восточные мотивы в изображениях шилловских пластин (к истории формирования древнетюркской изобразительной традиции) // Первобытная археология. Человек и искусство. Сборник научных трудов, посвященный 70-летию со дня рождения Я.А.Шера. – Новосибирск, 2002. – С.182-187.
21. Советова О.С. Петроглифы горы Тепсей // Древнее искусство Азии. Петроглифы. – Кемерово, 1995. – С.33-54.
22. Советова О.С. Образ хищника на скалах Енисея // Первобытная археология. Человек и искусство. Сборник научных трудов, посвященный 70-летию со дня рождения Я.А.Шера. – Новосибирск, 2002. – С.69-75.
23. Советова О.С., Миклашевич Е.А. Хронологические и стилистические особенности Среднеенисейских петроглифов (по итогам работы Петроглифического отряда Южно-сибирской археологической экспедиции Кем ГУ) // Археология, этнография и музейное дело. – Кемерово, 1999. – С.47-74.
24. Соёнов В.И. Петроглифы Горного Алтая гунно-сарматского времени // Древности Алтая. Известия лаборатории археологии. – Горно-Алтайск, 2003. – №10. – С.100-107.
25. Appelgren-Kivalo H. Alt-Altäische Kunstdenkmaeler. – Helsingfors, 1931.
26. Blednova N., Francfort H.-P., Legtchilo N. et al. Repertoire des petroglyphes D'Asie Centrale, Fascicule N2: Sibirie du Sud 2: Tepsej I-III, Ust'Tuba I-VI (Russie, Khakassie). – Paris, 1995.
27. Brinker H., Goepper R. Kunstshaetze aus China. – Zurich, 1980. – 370 p.
28. Hsio-Yen Shin. I-nan and related tombs // Artibus Asiae. – 1959. – Vol.XXII, №4. – P.277-312.
29. James J.M. Some rules of composition for figural art during the Han dynasty and the emergence of landscape // Oriental Art. – Autumn 1987. – Vol.XXXIII, №3. – P.261-267.
30. Wall paintings of the Sixteen kingdoms tomb at Jiuquan. – Pekin, 1989. (In chinese).

Список иллюстраций к статье С.В. Панковой

Рис.1. Скальный останец и плоскость с гравировками.

Рис.2. Плоскость с гравировками из Тепсейского лога.

Рис.3. 1 – Изображения быков с горы Куртуяк; 2 – фрагмент стенной росписи из Dingjiazha (по: Wall paintings of the Sixteen kingdoms tomb at Jiuquan, p.3); 3 – «конные лопаты» из Афганистана (по: Вавилов Н.И., Букинич Д.Д., 1929); 4 – выравнительная доска *мала* из Афганистана (по: Вавилов Н.И., Букинич Д.Д., 1929); 5 – беззубая борона *лао*, Китай (по: Бичурин Н.Я., 1844).

Рис.4. 1 – гравировка с горы Озерная; 2 – изображения медведей на Сулекской писанице (по: Н.Appelgren-Kivalo, 1931).

Киреев С.М., Чевалков С.Ю.
(г.Горно-Алтайск)

ПОГРЕБЕНИЕ МАЙМИНСКОЙ КУЛЬТУРЫ НА МОГИЛЬНИКЕ МАЙМА-VII

В 1993 г. в бассейне нижнего течения рек Бии и Катунь была выделена культура гунно-сарматского времени, хронологически отнесенная к I в. до н.э. – IV в. н.э., названная майминской по базовому памятнику – поселению Майма-I, давшему наиболее значительные материалы (Абдулганеев М.Т., 1993, с. 3-5). В конце 70-х – середине 90-х г.г. XX в. на данном памятнике проводились неоднократные исследования и сборы подъемного материала (Абдулганеев М.Т. 1992, с. 52-53; Киреев С.М., 1986, с. 165-191)¹. К кругу памятни-

¹ Подавляющее большинство материалов сборов и раскопок М.Т. Абдулганеева, С.М. Киреева, А.С. Суразакова хранятся в фондах Национального музея Республики Алтай им. А.В. Анохина. Инв. № Арх 10540.

ков майминской культуры отнесены городища Курлап, Сайлап, Черемшанка, Усть-Иша-3б, поселения Ушлеп-5, Солонцы-2 (Скопинцева Г.В., 1993, с. 62-71; Киреев С.М., 1991, с. 84-89; 1995, с. 135-139; Кунгуров А.Л., Горбунов В.В., 1993, с. 99-107; Абдулганеев М.Т., 1997, с. 73-77).

Как видно из вышеперечисленной краткой сводки, майминская культура выделена и охарактеризована лишь по поселенческим материалам. В литературе, посвященной данной проблеме указано только одно возможное погребение майминской культуры на поселении Ушлеп-5, отнесенное к первой половине I тыс. н.э. Погребенный, предположительно, был уложен на спине с вытянутыми руками, головой на север. При нем обнаружено два железных ярусных наконечника стрелы (Кунгуров А.Л., Горбунов В.В., 1993, с. 99, 101). Поэтому достаточно интересными представляются материалы кургана 87 могильника Майма-VII, расположенного в 3 км к северу от поселения Майма-I на высокой древней катунской террасе и насчитывающего около 150 курганов и других археологических объектов. На протяжении ряда лет в 1980-90-х гг. на памятнике проводились раскопки погребений хронологически охватывающих период с конца VII в. до н.э. по II в. н.э.

Особняком среди них выделяется курган 87, раскопанный в 1986 г., находившийся на северо-востоке окраине могильника, вплотную примыкая к пашне. Насыпь кургана земляная округлая в плане, диаметром 6,5х6,5 м, высотой 0,4 м, в центре западина. Под насыпью на глубине 0,75 м на краю могилы встречено три зуба лошади (рис. 1). Могильное пятно овальной формы размерами 1,5х1,9 м длинной осью ориентировано по линии СЗ-ЮВ. Бровка кургана доведена до дна могилы, что позволило достаточно хорошо проследить профиль погребения и грабительский ход. С глубины 1,24 м началось сужение ямы ко дну до 0,75 м. На глубине 1,85 м находился разрушенный костяк человека, наибольшее количество костей (череп, лопатки, ребра, позвонки) отмечено в центральной и восточной части могилы. Судя по всему, погребенный был ориентирован головой на запад-северо-запад (рис. 2). На черепе найдено небольшая серебряная бляшка с двумя отверстиями для нашивания (рис. 3 – 4), внутри которой находился небольшой кусочек ткани. Около черепа обнаружена железная восьмеркообразная пряжка с подвижным язычком (рис. 3 – 2). У западной стенки могилы находились кости барана и железный однолезвийный нож 15 см (рис. 3 – 1). На ноже сохранились остатки деревянных ножен или рукояти, рядом истлевшие кусочки дерева. В восточном углу найдена сильно коррозированная пряжка подобная первой (рис. 3 – 3). Находки майминской керамики также известны из отдельных пунктов региона: Пильно, Мост-Иша, Комарово, в верхнем течении р. Чумыш и пр.²

Под костями по всей яме проходила прослойка коричневого гумуса мощностью от 2-3 см до 5 см, очевидно, от погребального ложа. Глубина могильной ямы 1,88 м от наивысшей точки кургана.

Аналогии материалам из погребения 87 достаточно широко представлены в памятниках гунно-сарматского времени юга Сибири. Ножи с кольцевым навершием но без выделенной рукояти встречаются в комплексах конца I тыс. до н.э. в Горном Алтае, Минусинской котловине, Восточном Казахстане, Забайкалье, Верхнем Приобье и даже в Северном Китае (Могильников В.А., Суразаков А.С., 1980, рис. 5-7; 7-8,9; Вадецкая Э.Б., 1986, с. 88, 137; Сорокин С.С., 1966, рис. 13-1, 10; 16-7,8; Давыдова А.В., 1985, рис. VIII-1,3,4; рис. XII-11; Троицкая Т.Н., Бородовский А.П., Завитухина М.П., рис. 4-11,12, табл. XXXIII-9,10; Кисилев С.В., 1949, табл. XLV-10,11; Киреев С.М., 1994, с. 42). «И твердо датируются II в. до н.э. – I в. н.э.» (Кызласов Л.Р., 1979, с. 110). Железные ножи с кольцом и выделенной рукоятью более редки и, очевидно, хронологически являются более поздними. Так, практически аналогичный нож найден Л.Р. Кызласовым в могиле 1 кургана 1 могильника Кара-Даш (Кызласов Л.Р., 1979, рис. 72-1), отнесенного им к II в. до н.э. – II в. н.э. Близкий по форме и оформлению железный нож обнаружен в могильнике Тамбар и датируется I в. до н.э. (Мартынов А.И., 1979, табл. 4-12, с. 41). Еще один нож из Тувы размером около 23 см с выделенной рукоятью, но уже иным оформлением кольца происходит из кургана 1 с трупопожжением могильника Шурмак-Тей, датируется III – V вв. н.э., по мнению Л.Р. Кызласова является, очевидно, моделью кинжала (Кызласов Л.Р., 1979, рис. 81-1, с. 114).

² Материалы хранятся в фондах Национального музея Республики Алтай им. А.В. Анохина. Инв. № Арх 8870/15-18.

Железные безщитковые восьмеркообразные пряжки с подвижным язычком наиболее близки пряжкам из кургана 12 могильников Булан-Кобы IV (Мамадаков Ю.Т., 1985, рис. 4,1), Тыткескень 6 (Кирюшин Ю.Ф., Абдулганеев М.Т., Неверов С.В., 1992, рис. 3-6) датированными концом I тыс. до н.э. – первыми веками I тыс. н.э. Подобные пряжки встречаются в материалах Иволгинского городища (Давыдов А.В., 1985, рис. XII-7,10), в Минусе (Вадецкая Э.Б., 1986, табл. VIII-5), Туве (Кызласов Л.Р., 1979, с. 111), где они также относятся к II в. до н.э. – II в. н.э.

Восьмеркообразные пряжки, но со щитками найдены в погребениях могильников Горного Алтая Верх-Уймон и Чендек (Соёнов В.И., Эбель А.В., 1992, рис. 14-7, 34-5), Балыктыюль (Сорокин С.С., 1977, с. 26), Бике I (Кубарев В.Д., Киреев С.М., Черемисин Д.В., 1990, рис. 31-3). В целом по комплексу вещей они датируются в пределах первой половины I тыс. н.э. В.Н. Добжанский вытянутые восьмеркообразные пряжки со щитками из Минусы, Монголии и Кореи относит к рубежу III-IV – первой половине VI вв. н.э. (Добжанский В.Н., 1990, с. 26). Поэтому представляется, что восьмеркообразные пряжки со щитками являются более поздним явлением, чем безщитковые.

Таким образом, курган 87 могильника Майма-VII по достаточно хорошо датированным вещам (ножу и пряжкам) может быть хронологически определен I в. до н.э. – II в. н.э. и отнесен к первому этапу существования майминской культуры. Свидетельством достаточно ранней датировки кургана 87 в пределах гунно-сарматского времени являются конструкция надмогильного сооружения (курганная насыпь), устройство, размеры и глубина могильной ямы, а также ориентация погребенного. В течение середины 80-х гг. XX в. – начале 2002 г на могильнике Майма-VII раскопано 47 курганов, грунтовых могил и других объектов. По данным многолетних наблюдений представляется, что формирование памятника происходило от западной его части (конец VII – середина V вв. до н.э.). Далее, по хронологии следует курган наиболее исследованной группы южной части могильника (середина V в. – III в. до н.э.). В последующее время могильник расширялся к северу, так, в южной части центра (III в. до н.э.) встречены материалы, демонстрирующие замену подавляющего большинства бронзовых изделий железными. К заключительному этапу формирования могильника Майма-VII относится северная группа погребений, которую предварительно можно отнести к I в. до н.э. – началу I тыс. н.э. Наблюдается, особенно в центральной части могильника явная тенденция в устройстве надмогильных сооружений к переходу от каменных к каменно-земляным и далее – земляным насыпям. В ходе полевых исследований раскопано 12 курганов с земляными и каменно-земляными насыпями, из них в северо-восточной части 4 земляных кургана, большинство из которых разграблено. И лишь в ряде из них, в том числе кургане 87 обнаружены датирующие артефакты. Следовательно, внешние признаки погребального обряда кургана 87 сохраняют большинство основных элементов быстрианской культуры: земляная насыпь позднего типа, глубокая яма, ориентировка погребенного на запад или с небольшим отклонением при наличии вещевого комплекса гунно-сарматской эпохи.

Также представляет интерес выступ в южной части могильной ямы, который в быстрианской культуре предназначался для сопроводительного захоронения лошади (в пазырыке выступ располагался у северной стенки могилы). Правда следует отметить, что в быстрианской культуре погребение лошади достаточно редкое явление, так на могильнике Майма-VII лошадь встречена лишь в двух курганах, а на расположенном к северу некрополе середины VI-V вв. до н.э. Майма-XIX из семи курганов в шести зафиксированы лошадиные костяки. Очевидно, что сохранение выступа является пережитком более раннего времени. В этой связи обращает на себя внимание наличие зубов лошади под насыпью кургана на краю могильной ямы. Возможно, на приступке были уложены какие-либо атрибуты, символизирующие коня: шкура, чучело, куски мяса.

Для дальнейшего накопления базы данных по погребальным комплексам майминской культуры весьма перспективным является исследование северо-восточной части могильника Майма-VII, как уже отмечалось ранее, возможно, к майминской культуре можно будет отнести ряд курганов северо-западной группы этого же могильника, где в погребениях, совершенных по быстрианскому обряду, обнаружены нетипичные для скифского времени удила и железные черешковые трехлопастные наконечники стрел (Киреев С.М., 1995, с. 138).

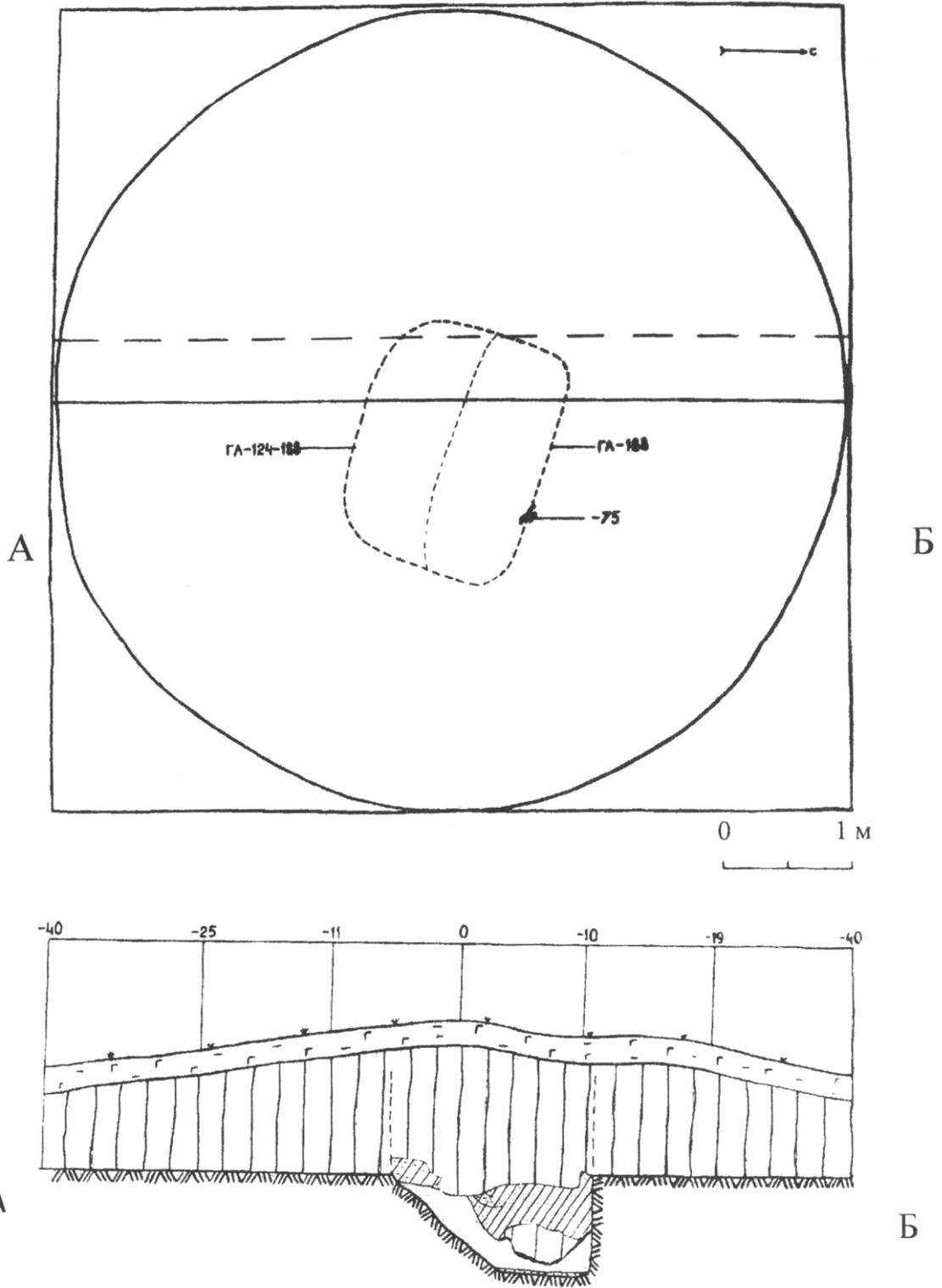

Рис.1

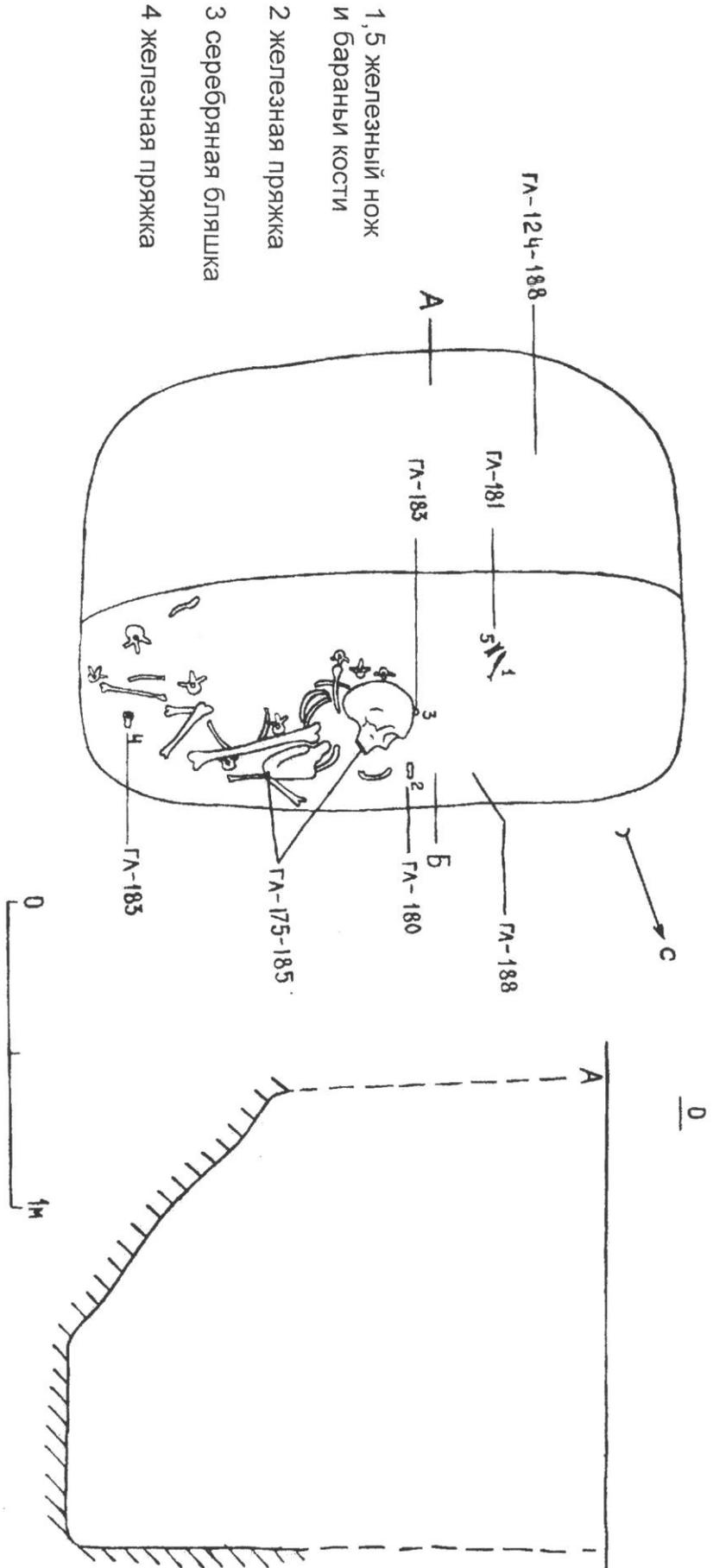

Рис. 2

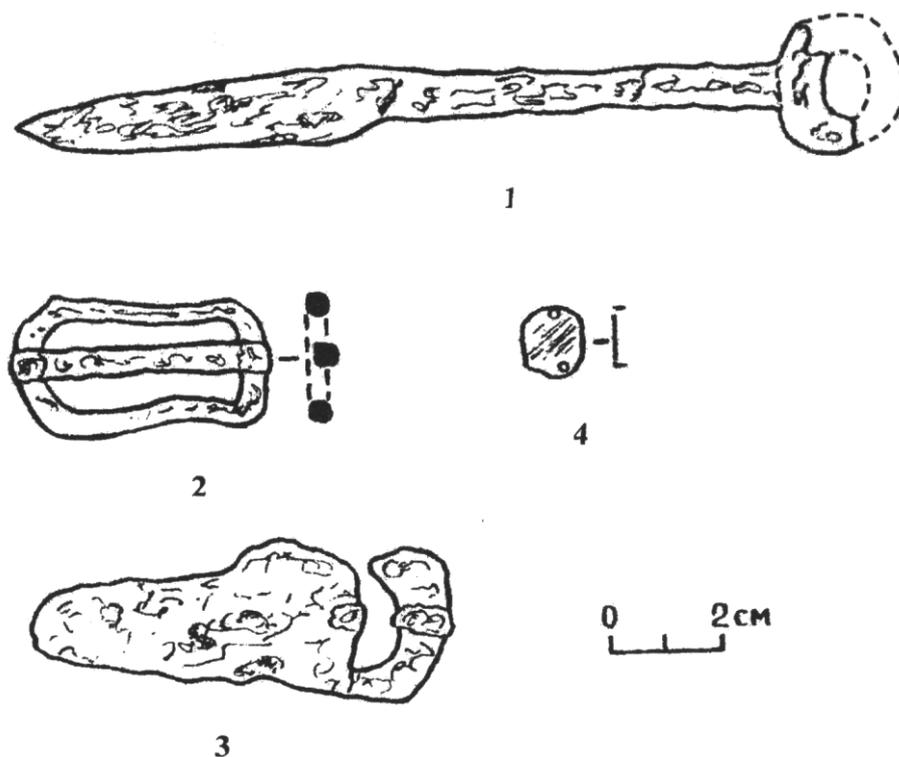

Рис.3

Литература

1. Абдулганеев М.Т. Раскопки у Маймы и Енисейского // Проблема сохранения, изучения и использования памятников археологии. (Материалы конференции). – Горно-Алтайск, 1992. – С. 52-53.
2. Абдулганеев М.Т. Майминская культура (Предварительные итоги и перспективы изучения) // Культурно-генетические процессы в Западной Сибири. – Томск, 1993. – С.3-5.
3. Абдулганеев М.Т. Разведочные работы в предгорьях Алтая // Сохранение и изучение культурного наследия Алтая. – Барнаул, 1997. – С. 73-77.
4. Вадецкая Э.Б. Археологические памятники в степях среднего Енисея. – М., 1986. – 179 с.
5. Давыдова А.В. Иволгинский комплекс (городище и могильник) – памятник хунну в Забайкалье. – Л., 1985. – 111 с.
6. Добжанский В.Н. Наборные пояса кочевников Азии. – Новосибирск, 1990. – 162 с.
7. Завитухина М.П. Курганы у с. Быстрянка в Алтайском крае // АСГЭ. – 1966. – Вып.8. – С. 61-76.
8. Киреев С.М. Поселение Майма I в предгорьях Алтая // Материалы по археологии Горного Алтая. – Горно-Алтайск, 1986. – С. 165-191.
9. Киреев С.М. Поселение Черемшанка // Охрана и использование археологических памятников Алтая. – Барнаул, 1991. – С. 84-89.
10. Киреев С.М. Спасательные работы на могильнике Майма IV // Проблемы изучения культурно-исторического наследия Алтая. – Горно-Алтайск, 1994. – С. 39-43.
11. Киреев С.М. Новое обследование городища Черемшанка // Алтай и тюркомонгольский мир. – Горно-Алтайск, 1995. – С. 135-139.
12. Кирюшин Ю.Ф., Абдулганеев М.Т., Неверов С.В. Аварийные раскопки на Нижней Катунь // Проблемы сохранения, использования и изучения памятников археологии Горного Алтая. – Горно-Алтайск, 1992. – С. 26-29.
13. Кисилев С.В. Древняя история Южной Сибири. – М., 1951. – 642 с.

14. Кубарев В.Д., Киреев С.М., Черемисин Д.В. Курганы урочища Бике. – Новосибирск, 1990. – С. 43-95.
15. Кунгуров А.Л., Горбунов В.В. Средневековое поселение Ушлеп-5 // Культура древних народов Южной Сибири. – Барнаул, 1993. – С. 99-107.
16. Кызласов Л.Р. Древняя Тува (от палеолита до IX в.). – М., 1979. – 207 с.
17. Мамадаков Ю.Т. Новые материалы гунно-сарматского времени в Горном Алтае // Алтай в эпоху камня и раннего металла. – Барнаул, 1985. – С. 173-191.
18. Мартынов А.И. Лесостепная тагарская культура. – Новосибирск, 1979. – 207 с.
19. Могильников В.А., Суразаков А.С. Археологические исследования в долинах рек Боротал и Алагаил // Сборник археологии. – М., 1980. – № 2. – С. 180-191.
20. Скопинцева Г.В. Новые памятники первой половины I тыс. н.э. в предгорьях Алтая по материалам Сайлапского и Курлапского городищ // Культура древних народов Южной Сибири. – Барнаул, 1993. – С. 62-67.
21. Соёнов В.И., Эбель А.В. Курганы гунно-сарматской эпохи на Верхней Катуні. – Горно-Алтайск, 1992. – 68 с.
22. Сорокин С.С. Памятники эпохи ранних кочевников в верховьях Бухтармы. – АСГЭ. – 1966. – Вып. 8.
23. Сорокин С.С. Погребения эпохи Великого переселения народов в районе Пазырыка. – АСГЭ. – 1977. – Вып. 18.
24. Троицкая Т.Н., Бородовский А.П. Большереченская культура лесостепного Приобья. – Новосибирск, 1994. – 184 с.

Список иллюстраций к статье Киреева С.М. и Чевалкова С.Ю.

Рис.1. План и разрез кургана 87. Могильник Майма-VII.

Рис.2. План и разрез погребения кургана 87. Могильник Майма-VII.

Рис.3. Инвентарь из кургана 87. Могильник Майма-VII.

Кызласов И.Л.
(г.Москва)

РУНИЧЕСКАЯ НАДПИСЬ НА ЖАЛГЫЗ-ТЁБЕ (Новые данные по рунологии и исторической географии Алтая)

Надпись, более тысячелетия назад вырезанная на одном из скальных обнажений горы, одиноко стоящей в Чуйской степи (и потому ныне именуемой Жалгыз-Тёбе, что по-казахски означает «Одинокий холм»¹), была мне показана археологом В.А. Кочевым в 1994 г. Затем она повторно изучалась мною (вновь совместно с Виктором Александровичем) летом 2003 г. во время поездки, организованной Л.Н. Тыбыковой и Институтом алтаистики Республики Алтай.

Надпись обнаружил в 1980 г. археолог В.Д. Кубарев. Он тогда же привлек к ее изучению языковеда В.М. Надеяева, обследовавшего подлинник и сразу издавшего его схематичную автографию, прочтение и перевод (1981, с. 69-72; 1984, с. 88-92)². Поскольку па-

¹ В русских текстах название горы пишется различно, но всегда передает казахское наименование: Жалгыс-Тобе, Жалгыс-Тепе, Жалгыз тюбе; на картах – Джалгизтобе. Между тем, казахи Чуйской степи лишь восприняли алтайское название этой горы – Жан ыс-Төбө (с тем же значением, справка В.И. Соёнова), которое по-русски должно бы передаваться как Дъангыс- или Янгыс-Тёбе.

² Текст был издан как «Первая надпись», поскольку второй числили тонкие резы, обнаруженные на противоположном склоне горы (Надеяев В.М., 1981, с. 70, 72). По публикации они были учтены мною в сводной палеографической работе (Кызласов И.Л., 1994, табл. XXIV). Позднее отыскать сами резы на месте не удалось, но с изучением подлинных граффити Алтая изданная прорись

II. l¹ t² i/ī j² n² t² ŋ² j¹ u/o k l² dī

Транскрипция

I. t(a)ly(ī)č q(a)b(ī)šdī : j(e)n(i)t(i)ŋ jükl(ä)dīm : t(e)ŋl(i)g b(e)r(i)ŋ {ä}

II. (e)liti j(e)n(i)t(i)ŋ jükl(ä)dī

Перевод

(I) Палки-прижимы соединились. Облегчайте (то, что) я навьючил. Равноценное выплачивайте. (II) Унося (~ уводя), облегчайте (то, что) он нагрузил.

Разбор

I, 1-4. В словаре Махмуда Кашгарского отмечено отглагольное существительное talyuč, обозначающее палки, крепящие вьюк на спине животного (ДТС, с. 528). Сравнивая его с однокоренным словом talyuq «клин для топорища» (ДТС, с. 528), можно заключить, что в древности существовал глагол *tal- со смыслом «прижимать, клинить». Первое слово разбираемой надписи – также его производное, аффикс которого, исходя из рунической орфографии, может быть прочитан и как -yač, и как -yīč. В любом случае перед нами существительное со значением инструмента: «прижим, давилка, стяжка». Слово talyač ~ talyīč не зафиксировано «Древнетюркским словарем» и, насколько мне известно, впервые встречено в рунической надписи. Судя по следующему глаголу, речь здесь идет о двух палках, составлявших нехитрый прибор для увязывания навьюченной поклажи, следовательно, наше слово служит лишь фонетической разновидностью термина talyuč.

I, 5-8. Глагол qabiš- «объединяться, соединяться» известен не только по орхонским (ДТС, с. 399), но и по енисейским наскальным надписям (Городовая стена, Е 144) (Кызласов И.Л., 1994, с. 191, 192, рис. 25; 2001, с. 249). В нашем случае глагол стоит в прошедшем времени, в 3-м лице (-dī).

I, 9, 19. Дважды своеобразной словоразделительной отметкой из трех (а не двух, как обычно) вертикально размещенных точек в надписи обособлены краткие законченные фразы.

I, 10-13. Повелительное наклонение 2-го лица множественного числа (-ŋ) или форма вежливости от глагола jenič- «облегчать» (ДТС, с. 256).

I, 14-18. Перед нами глагол jüklä- «навьючивать, нагружать» (ДТС, с. 295) в прошедшем времени 1 лица единственного числа (-dīm).

I, 20-23. Прилагательное обладания на -lig от существительного teŋ «мера, количество», известного по енисейской эпитафии Очуры (Е 26) (ДТС, с. 551). Форма teŋlig «имеющий меру» (ДТС, с. 552), насколько известно, не встречалась пока в памятниках рунического письма. Надо думать, что в нашей надписи прилагательное субстантивировано и, соответственно, может быть переведено как «вымеренное, установленный вес, норма» и т.п.

I, 24-26. Употребленный здесь в повелительном наклонении 2 лица множественного числа (-ŋ) глагол beg- «давать, даровать; платить» (ДТС, с. 95), в енисейских надписях применен для обозначения выплаты дани драгоценными изделиями (сосуд из Копёнского чаатаса, Е 81) и жертвоприношения духу – хозяину местности (Узун оба II) (Кызласов И.Л., 1987, с. 22, 24, 25, рис. 3), т.е. разного рода подношений. С иным смыслом слово использовано в глагольных сочетаниях четырех енисейских эпитафий (Е 28, Е 30, Е 48, Е 92) (Малов С.Е., 1952, с. 54, 58, 59, 94-96, 104; Кормушин И.В., 1997, с. 54-56, 80, 81, 94-96, 158, 285).

I, 27. Последний знак не имеет фонетического значения, его роль здесь – указание на окончание фразы, строки. Такое использование этой руны весьма характерно для алтайского варианта енисейской письменности (Кызласов И.Л., 2002, с. 120, 150; 2003, с. 71, 101). Нет сомнения в том, что первично знак √a/ä в конечной позиции имел звуковое значение. Об этом свидетельствует его применение только после рун для согласных звуков. Подобная ситуация прослеживается и в нашей надписи: вторая строка камнеписного текста лишена такой конечной отметки, поскольку она завершается открытым слогом. Стоит обратить внимание и на то, что конечное назначение знака не сопровождается в изучаемой надписи его обычным для Алтая применением в качестве внутрискладной словоразделительной отметки.

II, 1-3. Глагол eit- «нести, тащить, вести» образует деепричастие относительного времени сопровождения на -i. Согласно руническому правописанию, здесь в равной мере

могли быть записаны и две другие разновидности этого слова – elät- и elit-, в том же значении (ДТС, с. 169, 171). Вариант перевода зависит от не вполне ясного контекста надписи: об уводимом караване или уносимом грузе в ней идет речь.

II, 4-7. См. примечание I, 10-13.

II, 8-12. См. примечание I, 14-18. Здесь 3 лицо единственного числа прошедшего времени (-di).

Палеография и орфография надписи Жалгыз-Тёбе просто удивительные.

Палеография

По вертикальности строк, направленных снизу вверх, надпись следует отнести к енисейским. Для енисейского алфавита характерен облик рун Ψn^2 (I, 11; II, 5) и $\Upsilon \eta^2$ (I, 13, 21, 25; II, 7). Знак Ψm с дугой справа (I, 18) указывает на алтайский извод енисейского письма. О том же свидетельствуют вид буквы $\mathcal{X} b^2$, лишенной верхних отводков (I, 24), и использование руны $\Upsilon a/\ddot{a}$ в качестве конечной отметки (I, 27) – единственный случай применения этой буквы в надписи.

Однако некоторые знаки, примененные в надписи, не имеют отношения к известным руническим алфавитам азиатской группы, а сближают текст с южноенисейским руническим письмом иного, евроазиатского, корня. Таковы прогнутые в левой части руны I, 14; II, 8, напоминающие бобовидные фигуры, и словоразделы в виде трех точек (I, 9, 19), встреченные, соответственно, шесть раз в четырех и трижды в двух южноенисейских надписях Тувы (Кызласов И.Л., 1994, табл. XV, 18, 30).

Руно-трезубец Υ (I, 7) также, вероятно, не следует относить ни к орхонскому, ни к енисейскому алфавиту, поскольку она лишь внешне подобна орхоно-енисейской букве $\Upsilon i\check{c}$ и имеет здесь иное звуковое значение (š). Обсуждаемый знак до сих пор не обнаружен в памятниках южноенисейского письма, но известен в родственных ему донской и кубанской рунических азбуках (Кызласов И.Л., 1994, с. 91).

Быть может, индивидуальная почерковая особенность писавшего проявилась в перевернутом вверх ногами знаке $\mathcal{D} b^1$ (I, 6). В целом, среди надписей Горного Алтая изучаемая надпись находит наибольшее подобие в наскальных написаниях Мендур-Соккона, особенно в строке Мендур-Соккон I (Кызласов И.Л., 1994, табл. XXIV).

Нет пока данных для алфавитного определения прямых крестов + (I, 8; II, 12), отличающих нашу надпись⁶. Важнейшая палеографическая самобытность текста заключается в фонетическом значении этой руны, передающей слог di^7 . Слоговая природа (наиболее наглядно проступающая в окончании строки II) указывает на архаичность этого знака.

Неслучайно единственный эпиграфический памятник, сохранивший букву для слога $dä/ed$ (Бай-Булун II, Е 49, Тува), выявляет для нас руно в виде крест в круге \otimes (Кызласов И.Л., 1994, с. 120, табл. XXXI, 7, XXXIII, Б, 1, 2). Добавив сюда в качестве третьего сравнительного компонента общеизвестный орхоно-енисейский знак для $\mathcal{X} d^2$ (косой крест), можем думать, что именно крест некогда служил в проторуническом письме графической основой для нескольких слоговых знаков, передававших сочетание согласного d с мягкими гласными. Три известных нам ныне разновидности рун этого ряда позволяют реконструировать и три связанных с ними мягкорядных гласных звука – *ä, *i и *e(? или губной?). Нет никаких оснований предполагать, что создание буквы $\mathcal{X} d^2$ шло путем графического упрощения знака $\otimes d\check{a}/ed$ (за счет лишения его окружности). Думать так не позволяет использование обоих разновидностей рун в упомянутой надписи Е 49 (ср.: $\Psi \Upsilon \Upsilon \Psi \ddot{o}l(\ddot{u})rd(i)m$ «я умер» – строка 3).

Совершенно загадочный, до сих пор не встречавшийся знак – руна I, 16. Благодаря параллелизму построения камнеписного текста (ср.: I, 10-18 и II, 4-12), вполне очевидно, что он передавал сочетание двух мягкорядных согласных $\Upsilon \Psi kl^8$. Облик знака (одинаково воспринятый всеми исследователями подлинника), как и вполне различимый порядок его начертания, не позволяют полагать, что здесь произошло слияние двух близко вырезанных букв. Не допускают они и мысли о намеренном составлении из двух самостоятельных рун общего начертания-лигатуры. Анализируемый случай вновь подтверждает давнее за-

⁶ Подобный знак встречен в енисейской надписи Ялбак-Таш XII (Кызласов И.Л., 2002, с. 92-95, рис. 18; 2003, с. 41-45, рис. 15).

⁷ К определению рядности звуков, передававшихся этим знаком, см. разбор орфографии надписи.

⁸ К определению рядности звуков, передававшихся этим знаком, см. разбор орфографии надписи.

ключение: идея лигатур вообще чужда азиатским руническим письменам (Кызласов И.Л., 1994, с. 126). Остается, пожалуй, думать, что новая для нас руна принадлежит к специальным и архаичным знакам, передававшим стечение двух согласных. Четыре подобных знака известны по орхонским и енисейским надписям: **Mlt/ld**, **Ont/nd**, **ʒnj**, **ʒnč**. Вероятно, некогда ряд таких знаков в алфавите был длиннее (Кызласов И.Л., 1994, табл. XXXVII).

Таким образом, палеографический анализ надписи Жалгыз-Тёбе позволяет полагать, что в ней сохранились весьма древние рунические знаки **di** и **kl**, до сих пор не известные нам про прочим письменным памятникам и восходящие еще к эпохе слогового проторунического письма (Кызласов И.Л., 1994, с.124-140), но вышедшие из массового употребления к началу VIII в.

По сложившимся палеографическим представлениям (пока весьма приблизительным), существование в изучаемой надписи алтайского извода енисейской письменности пережитков орхонских начертаний (I, 24) относит ее к концу VIII – началу IX в.

Орфография

В этой небольшой надписи неоднократно меняются орфографические принципы. По началу проявляется так называемая псевдоруническая орфография (Кызласов И.Л., 1996, с. 126-130; 1997, с. 177-184; 1999, с. 98-106): вместо правильного применения букв для твердорядных согласных использованы руны для мягкорядных. Так написано первое слово **talıč** (**ʌ ʙ ʏ ʏ** $t^{12}gč$ вместо **ʌ ʏ ʏ ʏ** $t^{11}gč$) (I, 1-4) и аффикс у последующего глагола **qabaš-** (+ **-di** вместо **ʏ ʏ** **-di**) (I, 8). Но в дальнейшем несколько раз встречается противоположное нарушение классического правописания: вместо ожидаемых мягкорядных вырезаны знаки для твердорядных звуков. Так начертано начало третьего слова стк. I **jüklädīm** (**ʏ ʏ** j^1u- вместо **ʏ ʏ** $j^2ü-$) (I, 14, 15), часть первого и третьего слов стк. II – **elti** (**ʏ ʏ ʏ** $l^{12}i$ вместо **ʏ ʏ ʏ** $l^{22}i$) и **jüklädi** (+ **ʏ ʏ ʏ ʏ** $j^1uk^{212}di$ вместо + **ʏ ʏ ʏ ʏ** $j^2ük^{212}di$) (II, 1, 8, 9). Нельзя не заметить, что в двух случаях из трех отклонение от норм допущено в написании одного и того же слова, а использование знаков I, 14 и II, 8, воспринимаемых как **Dj¹** (вместо ожидаемых **ʏj²**), происходит в то время, когда в надписи им прямо (и дважды) предшествует иное слово, начинающееся с того же согласного (**jenitiŋ**) и вырезанное верно (через руны для **ʏj²** и последующие мягкорядные знаки).

Не стану останавливаться на уже не оправдавшей себя в рунологии оценке нарушений правильной орфографии как свидетельств неграмотности писавших (Кызласов И.Л., 1996; 1997; 1999). Объяснить наблюдаемую на этот раз картину, исходя из орфографии единственной надписи, невозможно. То, что кажется случайным по столь ограниченным данным, на деле может быть частью не заметной сегодня особой системы. Так, если примем, что правописание нарушено в отношении единственного гласного, точнее, губного звука (**ʏ** в написании заменено на **ʏu** – I, 15, II, 9), то сможем выделить ту же особенность в ряде надписей Мендур-Соккона (Сейдакматов К., 1964, рис. 1; ср.: Кызласов И.Л., 2004, с. 125), а затем и в пока не изданной строке из Ыстүгү-Сары-Кобы на р. Кара-Коле.

В рассматриваемом случае особо примечательно, что нарушение рунических норм присуще писцу, знавшему не свойственные енисейскому письму знаки (как архаичные, так, вероятно, и привнесенные).

В таких орфографических условиях непросто определить точное звуковое значение двух впервые встреченных в рунической эпиграфике письменных знаков. Оба они принадлежат к древнему пережиточному разряду двузвучных рун. Определяющей позицией, по моему мнению, является написание последнего слова стк. II (8-12).

Прямой крест **+** продолжает здесь цепь мягкорядных рун, в мягкорядном аффиксе того же глагола он встречен и в первой строке (I, 17, 18). Следовательно, правдоподобно думать, что и в окончании твердорядного глагола он сохраняет свою мягкорядную природу. Догадка подкрепляется наблюдениями общего порядка: самостоятельность написания аффиксов в отношении рядности корней слов была замечена еще в эпоху дешифровки азиатских рун. Объяснялось это явление различно – от фонетической независимости аффиксов (Мелиоранский П.М., 1899, с. 51, 52) до сближения звучания гласных в них (Кононов А.Н., 1980, § 60), наиболее осторожно – как графические особенности текстов (Малов С.Е., 1951, с. 43, 44, 71).

То же слово стк. II раскрывает и фонетическое значение загадочной руны I, 16 первой строки, дублируя ее двумя буквами **ʏ ʏ k²¹²**. Предпочтительность такого определения оче-

видна, хотя размещение знака вслед за твердорядными буквами > D (I, 14, 15) оставляет до другого, несомненного по написанию, случая возможность расшифровки руны и как qI¹ (ср. твердорядное применение руны Mlt/lđ). Вполне вероятно использование нового для нас знака и с гласными обоих разрядов (как знаков для Ǫnt/nd, ʒ nč и ʒ nj).

Изучаемая надпись дает ярчайший пример того, как мало мы еще знаем историю рунических письменностей Азии, и какое неопределимое значение для науки имеет каждая эпиграфическая находка.

Исторические выводы

Если не предполагать иносказания, надпись производит впечатление караванной напутственной записи: животные навьючены, остается тронуться в путь да распродавать товары (облегчая тюки) за достойную оплату. Автор текста, судя по грамматической форме глагола в первой строке, – хозяин отправляемого груза. Исходя из молитвенного назначения наскальных писаний как таковых, можно думать, что и на этот раз камень сохранил для нас былое обращение к богу, взывающее об успехе непростого и дальнего предприятия (не в этом ли разгадка 3-го лица глагола, данного в стк. II и вежливой повелительной формы глаголов на –ŋ в стк. I?). Нелишне вспомнить здесь, что манихейская религия, с которой связано большинство, если не все, енисейские рунические надписи Саяно-Алтая, одобряла торговлю.

Надпись свидетельствует, что в Чуйской степи, быть может, близ холма Жалгыз-Тёбе, в раннем средневековье существовало поселение, в котором формировались торговые караваны. Эта постоянная купеческая станция закономерно располагалась на древнем Чуйском тракте, связывающем Центральную Азию со степным Приобьем. Трудно полагать, что в высокогорных местах существовало налаженное производство дорогих товаров для дальних стран. Следует думать, что поселение было крупной перевалочной базой транзитной торговли. Как ни суди, рунический текст не оставляет сомнения в том, что близ современного Кош-Агача в эпоху рунического письма обосновались крупные собственники товаров, самостоятельно снаряжавшие купеческие караваны. Выходит, в верховьях Чуи существовал неизвестный нам город.

Так небольшая руническая надпись становится источником по исторической географии Горного Алтая эпохи раннего средневековья. Подобную роль наскальных надписей уже довелось понять, исследуя те из них, которые указали на размещение монастырских общин того же времени (Кызласов И.Л., 2004).

Сегодня известна вторая станция на торговой Чуйской дороге – мысовое городище в устье Большого Яломана, судя по панцирному устройству поперечной стены, укрепленное не позднее VIII в. Поскольку день пути каравана определялся девятью часами верблюжьего хода и в зависимости от рельефа местности составлял от 25 до 36 км (4-6 фарсахов по 6 км) (Гордлевский В.А., 1960, с. 148; Кумекоев Б.Е., 1972, с. 81), заключаем, что горная дорога между Яломаном и Кош-Агачем (около 180 км) забирала не менее 7 переходов. На постоянно действующих торговых трассах, каковой от века и был Чуйский тракт, на дистанциях дня пути создавались стационарные пункты (qonaq, qonaŋ), обеспечивавшие отдых и ночевку. Ориентируясь на старую Чуйскую дорогу, можно попытаться установить пять недостающих постоянных мест караванных ночевков, и подвергнуть их полевому обследованию.

Археологии Горного Алтая, как и всего Саяно-Алтайского нагорья, следует привыкнуть к тому, что существовавшие на наших землях в раннем средневековье поселения, монастыри и караванные станции не имеют ныне на поверхности никаких внешних признаков. И в соответствии с этим строить свою дальнейшую поисковую и исследовательскую работу, направленную на осознание подлинной культуры предков.

Литература

1. Гордлевский А.В. Государство Сельджукидов Малой Азии // Избранные сочинения. Т. I. Исторические работы. – М., 1960. – С. 31-218.
2. ДТС – Древнетюркский словарь. Редакторы: В.М. Наделяев, Д.М. Насилов, Э.Р. Тенишев, А.М. Щербак. – Л., 1969. – 676 с.
3. Кононов А.Н. Грамматика языка тюркских рунических памятников VII-IX вв. – Л., 1980. – 255 с.

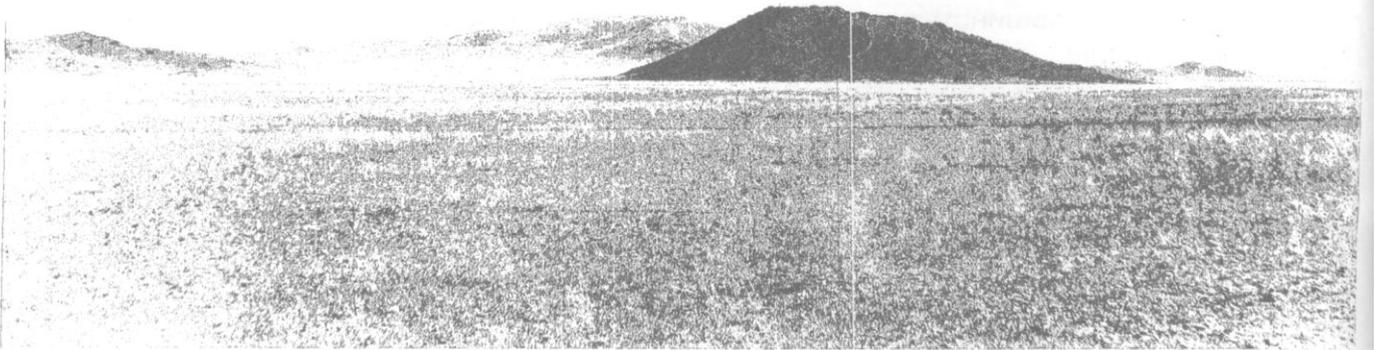

Рис.1

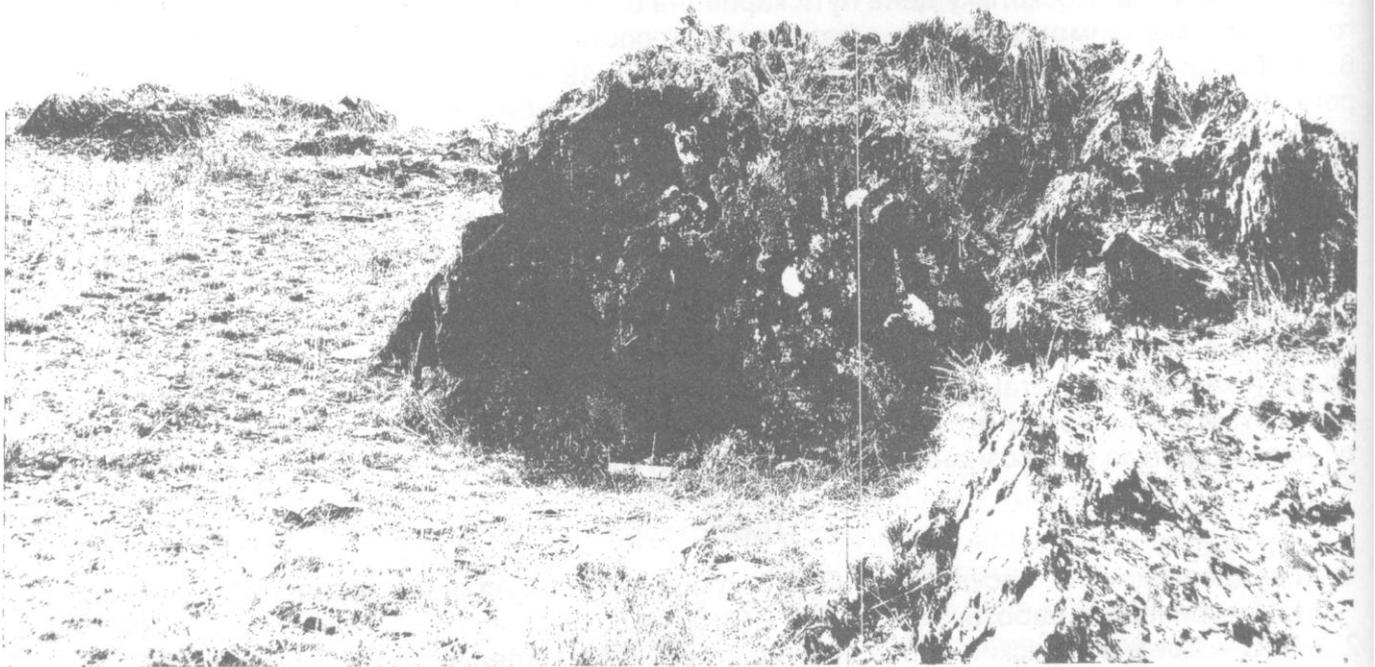

Рис.2

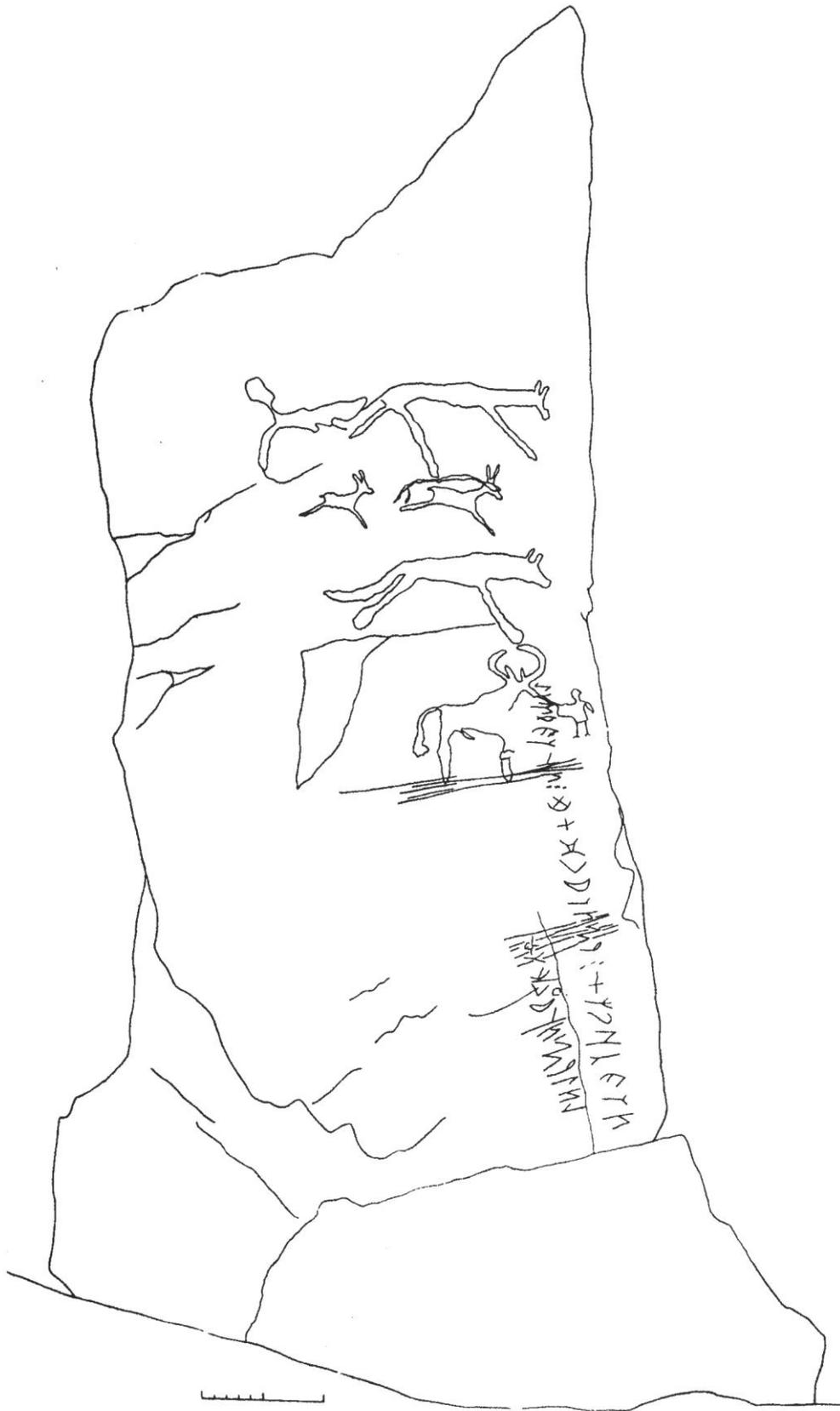

Рис.3

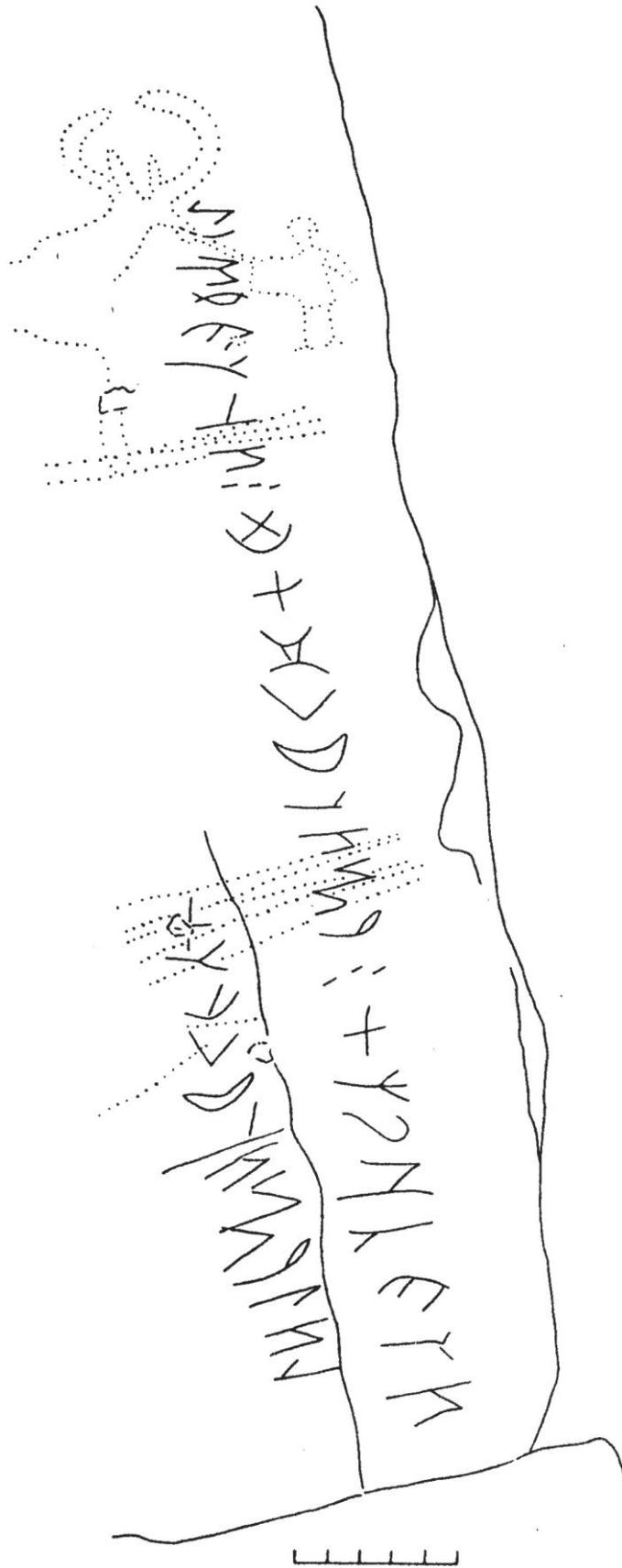

Рис.4

4. Кормушин И.В. Тюркские енисейские эпитафии. Тексты и исследования. – М., 1997. – 303 с.
5. Кубарев В.Д., Маточкин Е.П. Петроглифы Алтая. – Новосибирск, 1992. – 123 с.
6. Кумеков Б.Е. Государство кимаков IX-X вв. по арабским источникам. – Алма-Ата, 1972. – 156 с.
7. Кызласов И.Л. Земледельческое жертвоприношение древнехакасской общины. Новый рунический памятник на Среднем Енисее // Советская тюркология.–Баку, 1987.–№1.–С.21-32.
8. Кызласов И.Л. Рунические письменности евразийских степей. – М., 1994. – 327 с.
9. Кызласов И.Л. Три типа древнетюркской рунической орфографии // 90 лет Н.А. Баскакову. – М., 1996. – С. 124-136.
10. Кызласов И.Л. Разновидности древнетюркской рунической орфографии. Отражение манихейской письменной культуры в памятниках енисейского и орхонского письма // Acta Orientalia Academiae Scientiarum Hungaricae. – Budapest, 1997. – t. L, fasc. 1-3. – С. 163-184.
11. Кызласов И.Л. Орфографические признаки манихейских рунических надписей // Вопросы тюркской филологии. – М., 1999. – Вып. IV. – С. 85-111.
12. Кызласов И.Л. Смена мировоззрения в Южной Сибири в раннем средневековье (Идеи единобожия в енисейских надписях) // Древние цивилизации Евразии. История и культура. – М., 2001. – С. 243-270.
13. Кызласов И.Л. Памятники рунической письменности Горного Алтая. – Горно-Алтайск, 2002. – 162 с.
14. Кызласов И.Л. Новости тюркской рунологии. Вып. I. Енисейские надписи на горе Ялбак-Таш (Горный Алтай). – М., 2003. – 109 с.
15. Кызласов И.Л. Манихейские монастыри на Горном Алтае // Древности Востока. Сборник к 80-летию профессора Л.Р. Кызласова. – М., 2004. – С. 111-129.
16. Малов С.Е. Памятники древнетюркской письменности. – М.-Л., 1951. – 451 с.
17. Малов С.Е. Енисейская письменность тюрков. Тексты и переводы. – М.-Л., 1952.–116 с.
18. Мелиоранский П.М. Памятник в честь Кюль-Тегина // Записки Восточного отделения Русского археологического общества. – СПб., 1899. – Т. XII. – Вып. II-III. – С. 1-144.
19. Надеяев В.М. Древнетюркские надписи Горного Алтая // Известия СО АН СССР. Серия обществ. наук. – Новосибирск, 1981. – № 11. – Вып. 3. – С. 65-81.
20. Надеяев В.М. Древнетюркские надписи Горного Алтая // Алтайский язык на современном этапе его развития. – Горно-Алтайск, 1984. – С. 81-103.
21. Окладникова Е.А. Петроглифы горы Жалгыз-Тёпе // Полевые исследования Института этнографии. 1982. – М., 1986. – С. 183-190.
22. Сейдакматов К. Древнетюркские надписи на Горном Алтае // Материалы по общей тюркологии и дунгановедению. – Фрунзе, 1964. – С. 95-101.

Список иллюстраций к статье И.Л. Кызласова

- Рис.1. Гора Жалгыз-Тёбе, Вид с север-северо-запада. На вершине слева – триангуляционный знак.
- Рис.2. Гора Жалгыз-Тёбе. Общий вид скальной плоскости с рисунками и надписью.
- Рис.3. Общий вид плоскости с надписью. Прорисовка автора.
- Рис.4. Руническая надпись на горе Жалгыз-Тёбе. Прорисовка автора.

Кубарев Г.В.
(г.Новосибирск)

РАННЕСРЕДНЕВЕКОВЫЕ ГРАФФИТИ ЧУЙСКОЙ СТЕПИ

Введение

Наскальные рисунки Чуйской степи в разные годы изучались А.П. Окладниковым, Е.А. Окладниковой, В.Д. Кубаревым, В.Н. Елиным, Д.В. Черемисиным и другими исследователями. Значительное число публикаций посвящено петроглифам этого района Алтая (см., например, сводку литературы: Кубарев В.Д., Маточкин Е.П., 1992). Обследование уже хорошо известных петроглифических комплексов практически каждый год ведет к открытию все новых наскальных изображений. Не стал исключением и полевой сезон 2003 года.

Чуйский отряд Североазиатской комплексной экспедиции ИАЭТ СО РАН летом 2003 года проводил археологические работы на территории Кош-Агачского района Республики Алтай. Основной целью исследования являлось обнаружение новых местонахождений петроглифов, а также обследование и обработка наскальных изображений на уже известных и частично опубликованных местонахождениях.

Работы велись на петроглифических комплексах Ирбисту, Жалгыз-Тобе, Курмантау и Кургак. Предварительное сообщение о проведенных исследованиях уже было опубликовано (Кубарев Г.В., 2003), цель же данной статьи – ввести в научный оборот все обработанные в прошедший полевой сезон раннесредневековые граффити в ряде пунктов наскального искусства Чуйской степи.

Описание рисунков

Основные наскальные изображения компактного местонахождения петроглифов Курмантау были опубликованы (Кубарев В.Д., 2000). На вершине горной гряды этого местонахождения нами была скопирована сцена граффити (рис. 1, 1). Она выполнена на горизонтальной скальной поверхности и включает в себя достаточно большую (длиной порядка 28 см) фигуру верблюда, позади которой выгравирована незаконченная фигура животного. Изображение верблюда выполнено очень реалистично – воспроизведены шерсть, глаза, ноздри. Вероятно, он показан в движении. Резы сильно патинизированы и видны только при боковом освещении. Примерно в 10 м на запад от этой скальной поверхности были обнаружены вырезанные изображения одной и той же тамги (рис. 1, 2,3). Последняя представляет собой сложенные вершинами друг к другу треугольнички, от которых в центре отходит отросток. Одна из тамг (рис. 1, 2) вырезана одной линией, другая (рис. 1, 3) – многочисленными резами.

На хорошо известном в Чуйской степи петроглифическом комплексе Жалгыз-Тобе также были проведены работы по обнаружению и копированию наскальных рисунков. В частности, была обработана небольшая группа граффити, компактно расположенная и находящаяся на южном склоне горы. Все граффити сильно патинизированы и видны только при боковом освещении. Они вырезаны на коричневых скальных плоскостях. Рисунки были нами условно пронумерованы.

1. Фигура оленя, выполненная достаточно схематично (рис. 1, 4).

2. Сцена охоты на оленя, в которой два всадника, вооруженные луками, загоняют животное (рис. 2, 1). Фигуры животных и людей предельно схематичны – незаконченным контуром показаны ноги и головы лошадей, рога оленя. Грива и хвост лошадей изображены короткими отдельными резами. Таким же образом показаны и волосы одного из всадников. Несмотря на предельную схематичность изображения у всадников различимы луки специфической формы, а наконечники стрел имеют ромбическую форму.

3. Следующая сцена представляет собой палимпсест (рис. 2, 2). На сцену загонной охоты налегает, позднее вырезанное и значительно большее по размерам изображение козла. Сцена изображает охоту, в которой два всадника с луками загоняют козла на двух лучников. Все фигуры выполнены в таком же, предельно схематичном стиле, что и предыдущая сцена. Обращает на себя внимание, очень небольшой размер изображений (человеческие фигуры составляют в среднем 2,5 см). Охотники имеют такие же сложносоставные луки и ромбические, треугольные (?) наконечники стрел, что и в предыдущей сцене.

4. Сцена охоты всадника на козла (рис. 3, 1). Миниатюрные изображения выполнены в той же схематичной манере. Козел выгравирован «тамгаобразно».

5. Сцена загонной охоты на козла, в которой всадник загоняет животное на лучника (рис. 3, 2). Изображения миниатюрны и выполнены в схематичной манере. Охотники снабжены сложносоставными луками, а их стрелы имеют ромбические наконечники. Всадник изображен скачущим по тропе (?).

6. Сцена охоты лучника на козла (рис. 3, 3). Изображения миниатюрны и выполнены в схематичной манере. Охотник имеет сложносоставной лук, а стрела - ромбический наконечник.

7. Изображение стремительно бегущих козлов (рис. 3, 4).

8. Реалистично выполненная сцена охоты двух всадников на архаров (рис. 4). Все фигуры изображены в стремительном беге. Возможно, что третья фигура животного является собакой. Изображения всадников достаточно детализированы. У них показаны сложносоставные

ставные луки и подвешенные к поясу мягкие чехлы-налучья в форме полумесяца. Всадники сидят в седлах с выпрямленными вперед ногами – как будто упираясь ими в стремяна. У коней показаны гривы, узда и повод. Линии ног большинства животных остались умышленно незаконченными.

Следующая сцена граффити (рис. 5) была скопирована в урочище Кургак, в котором ранее нами была обнаружена другая сцена граффити и руническая надпись (Кубарев Г.В., Кубарев В.Д., 2001). На ней представлена сцена боя двух пар лучников (рис. 5). Они изображены довольно схематично. Все воины за исключением одной фигуры, которая осталась незаконченной, одеты в панцирные доспехи. Панцири изображены как заштрихованный прямоугольник или квадрат, опускающийся до середины бедра. На голове только одного воина (верхний слева), возможно, имеется шлем, остальные двое без боевых наголовий. У двух верхних фигур показаны, подвешенные почти горизонтально, длинные колчаны. Луки воинов сложносоставные. Позади одного из лучников (верхний справа) изображено воткнутое в землю знамя-штандарт. Два верхних лучника уже ранены вражескими стрелами: один – в корпус, другой – в ногу.

Аналогии и датировка изображений

Для датировки описанных граффити попробуем рассмотреть их стилистические особенности, реалии, которые на них представлены, а также датированные аналогии из других местонахождений. Ряд изображений из Курмантау (рис. 1, 1) и Жалгыз-Тобе (рис. 1, 4; рис. 3, 4) по аналогиям и достаточно высокой реалистичности должен относиться к древнетюркской эпохе. Следует отметить, что изображения верблюдов не так часто встречаются среди раннесредневековых граффити. Тамги обнаруженные и скопированные нами (рис. 1, 2,3) также принадлежат к древнетюркской эпохе. Об этом свидетельствуют варианты таких же тамг, зафиксированных в сцене древнетюркских граффити на местонахождении петроглифов Чаганка – на крупе лошади (Черемисин Д.В., 2001, рис. 3). Варианты такой же тамги известны в Монголии: в местности Бага-Ойгор (Кубарев Г.В., Цэвээндорж Д., 1999, рис. 6, 2), на памятнике Шивет-Улан (Войтов В.Е., 1996, рис. 55). Примечательно, что основа тамги одинакова, различаются они только отростками.

Особенно следует остановиться на серии изображений, найденных и скопированных на горе Жалгыз-Тобе. Эти сцены, включающие миниатюрные изображения животных и людей, выполнены в условной, предельно схематичной манере (рис. 2; рис. 3, 1-3).^{*} Зачастую конечности и даже туловище человека и некоторых животных изображались не контуром, а одной линией. У человеческих фигур отсутствуют черты лица и, в лучшем случае, черточками показаны распущенные и достаточно длинные волосы. По нашему мнению, эти граффити должны быть отнесены к хуннскому или т.н. гунно-сарматскому периоду. В пользу этого заключения можно высказать следующие аргументы:

1. Несмотря на всю схематичность изображений, у лучников различимы сложносоставные луки совершенно специфической формы, а также наконечники стрел ромбических очертаний (рис. 2; рис. 3, 1-3). Последние, как известно, встречаются в материалах погребений гунно-сарматского времени на Алтае (см, например: Бобров В.В., Васютин А.С., Васютин С.А., 2003, рис. 27, 5,7,10).

2. Представляемые сцены граффити стилистически чрезвычайно близки таким же схематичным гравировкам на накладках на лук из погребений гунно-сарматского и предтюркского времени, исследованных на Алтае (Бобров В.В., Васютин А.С., Васютин С.А., 2003, рис. 14, 7,10; Тишкин А.А., Горбунов В.В., 2003, рис. 1, 25) и в Туве (Стамбульник Э.У., 1979, рис. 2).

3. В пользу отнесения этих сцен к гунно-сарматскому периоду свидетельствует, встреченный, пожалуй, впервые факт палимпсеста гравированных рисунков: на подобные миниатюрные и схематичные изображения налегает позднее выполненная и большая по размерам фигура козла (рис. 2, 2). Стилистически она четко определяется как древнетюркская.

В литературе, посвященной раннесредневековым граффити, уже предпринимались попытки вычленивать хуннский или гунно-сарматский пласт (Окладникова Е.А., 1988, с. 148;

^{*} Одна из приводимых здесь сцен (рис. 3, 3) очень мелко и без масштаба была опубликована ранее Елиным В.Н. и Тамимовым А.М. (1992, с. 77). Авторы совершенно справедливо отнесли ее к гунно-сарматскому времени.

Елин В.Н., Тамимов А.М., 1992, с. 78; Соёнов В.И., 2003). И если выделение петроглифов гунно-сарматского периода Алтая в свете таштыкских аналогий (Соёнов В.И., 2003, с.100-101) имеет право на существование, то попытка обоснования стилистических особенностей и датировки первой половины I тыс. н.э. части наскальных рисунков из Кара-Оюка (Чаганки) (Окладникова Е.А., 1988, рис. 3) представляется недостаточно убедительным. В той же мере они могут относиться и к древнетюркской эпохе и реалии, которые на них воспроизведены, не противоречат этому. Необходимо отметить, что публикуемые в данной статье сцены гунно-сарматского периода стилистически резко отличаются от собственно таштыкских и близким им по стилю петроглифов Алтая (Соёнов В.И., 2003, рис. 1-4).

Датировка еще одной сцены граффити (рис. 4) древнетюркским периодом не вызывает никаких сомнений. Об этом свидетельствуют как стилистические особенности (реалистичность и динамизм сцены, незаконченность линии ног животных), так и реалии, которые здесь представлены (мягкие налучья в виде полумесяца). К примеру, подобные налучья часто изображались у всадников в согдийской настенной живописи. Значительно сложнее датировать следующую композицию – сцену боя из Кургака (рис. 5). По таким деталям как короткие панцири и висящие почти горизонтально колчаны эту сцену боя можно лишь предположительно отнести к гунно-сарматскому времени. Во всяком случае, именно такие, подвешенные горизонтально колчаны, изображены у таштыкских воинов (Вадецкая, 1999, рис. 60, 6,8). Близкая по композиции сцена, в которой также участвуют две пары лучников, известна в петроглифах Ешкиольмес, в Казахстане (Марьяшев А.Н., Рогожинский А.Е., 1991, рис. 57). Также как и в сцене из Кургака эти две пары лучников обстреливают друг друга, а один из них знаменосец.

Заключение

Публикуемые в данной статье раннесредневековые граффити Чуйской степи призваны пополнить их источниковый фонд. Они включают в себя высокореалистичные и наполненные динамизмом гравировки древнетюркского периода. Выделение граффити хуннского или гунно-сарматского времени из общего массива петроглифов продолжает оставаться одной из наиболее актуальных задач и как представляется, нам удалось доказать принадлежность небольшой серии изображений из Жалгыз-Тобе к этому периоду. Стилистические особенности этой группы изображений позволят в будущем с большей уверенностью датировать те или иные наскальные рисунки гунно-сарматским временем.

Литература

1. Бобров В.В., Васютин А.С., Васютин С.А. Восточный Алтай в эпоху великого переселения народов (III-VII века). – Новосибирск, 2003. – 223 с.
2. Вадецкая Э.Б. Таштыкская эпоха в древней истории Сибири. – СПб., 1999. – 440 с.
3. Войтов В.Е. Древнетюркский пантеон и модель мироздания в культово-поминальных памятниках Монголии VI-VIII вв. – М., 1996. – 152 с.
4. Елин В.Н., Тамимов А.М. Граффити Жалгыз-Тобе // Проблемы сохранения, использования и изучения памятников археологии. – Горно-Алтайск, 1992. – С. 77-78.
5. Кубарев В.Д. Петроглифы Курман-Тау // Древности Алтая. Известия лаборатории археологии № 5. – Горно-Алтайск, 2000. – С. 15-21.
6. Кубарев В.Д., Маточкин Е.П. Петроглифы Алтая. – Новосибирск, 1992. – 123 с.
7. Кубарев Г.В. Исследования в Чуйской степи (Юго-восточный Алтай) // Проблемы археологии, этнографии, антропологии Сибири и сопредельных территорий. – Новосибирск, 2003. – Т. IX. – Часть I. – С. 384-388.
8. Кубарев Г.В., Кубарев В.Д. Руническая надпись из Кургака (Юго-Восточный Алтай) // Проблемы археологии, этнографии, антропологии Сибири и сопредельных территорий. – Новосибирск, 2001. – Т. VII. – С. 341-342.
9. Кубарев Г.В., Цэвээндорж Д. Раннесредневековые петроглифы Монгольского Алтая // Памятники культуры древних тюрков в Южной Сибири и Центральной Азии. – Новосибирск, 1999 – С. 157-169.
10. Марьяшев А.Н., Рогожинский А.Е. Наскальные изображения в горах Ешкиольмес. – Алма-Ата, 1991. – 48 с., 60 рис.
11. Окладникова Е.А. Граффити Кара-Оюка, Восточный Алтай (характеристика изобразительных особенностей и хронология) // Материальная и духовная культура народов Сибири. Сб. МАЭ. – Л., 1988. – Вып. XLII. – С. 140-158.

Рис.1

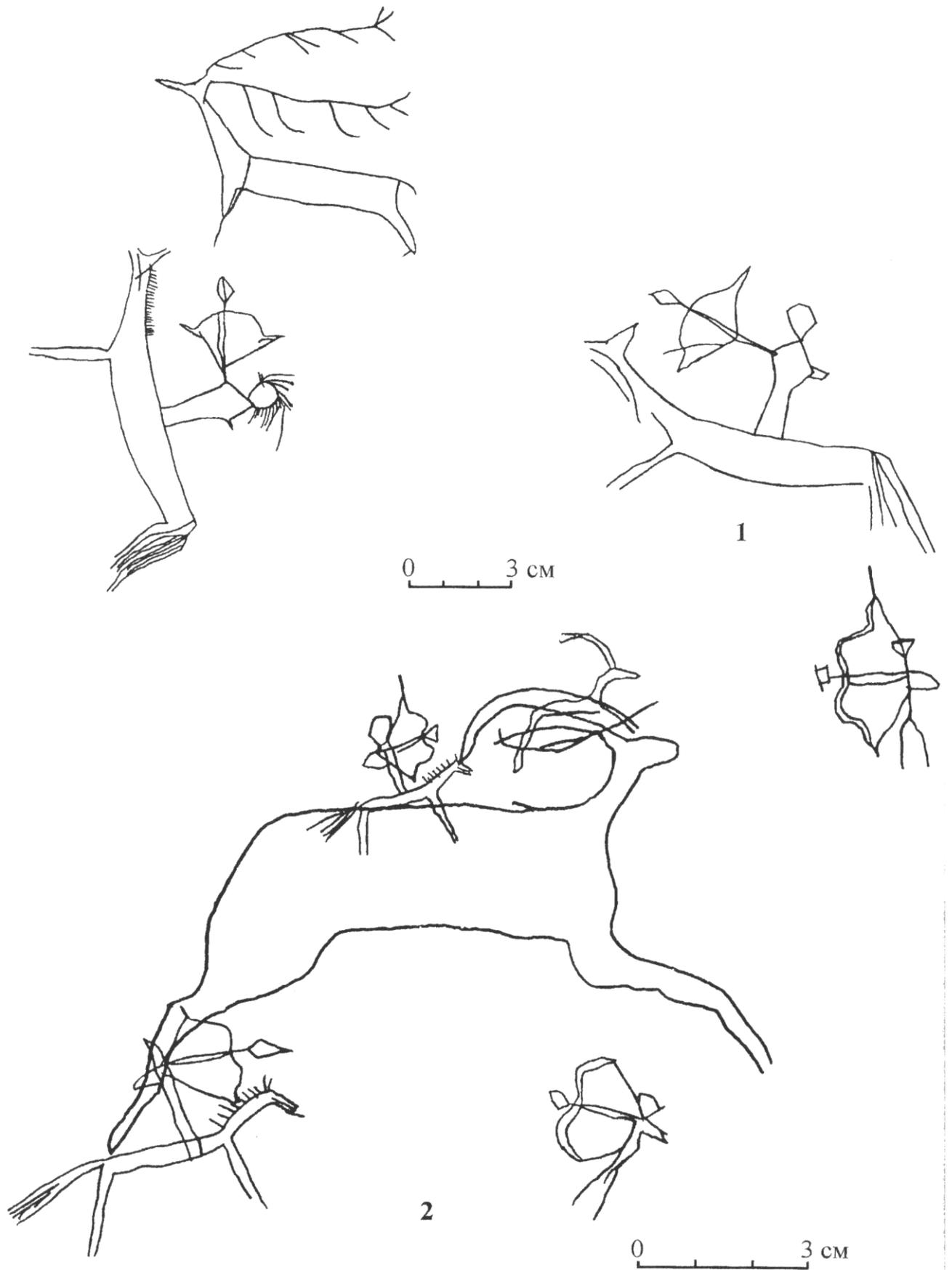

Рис.2

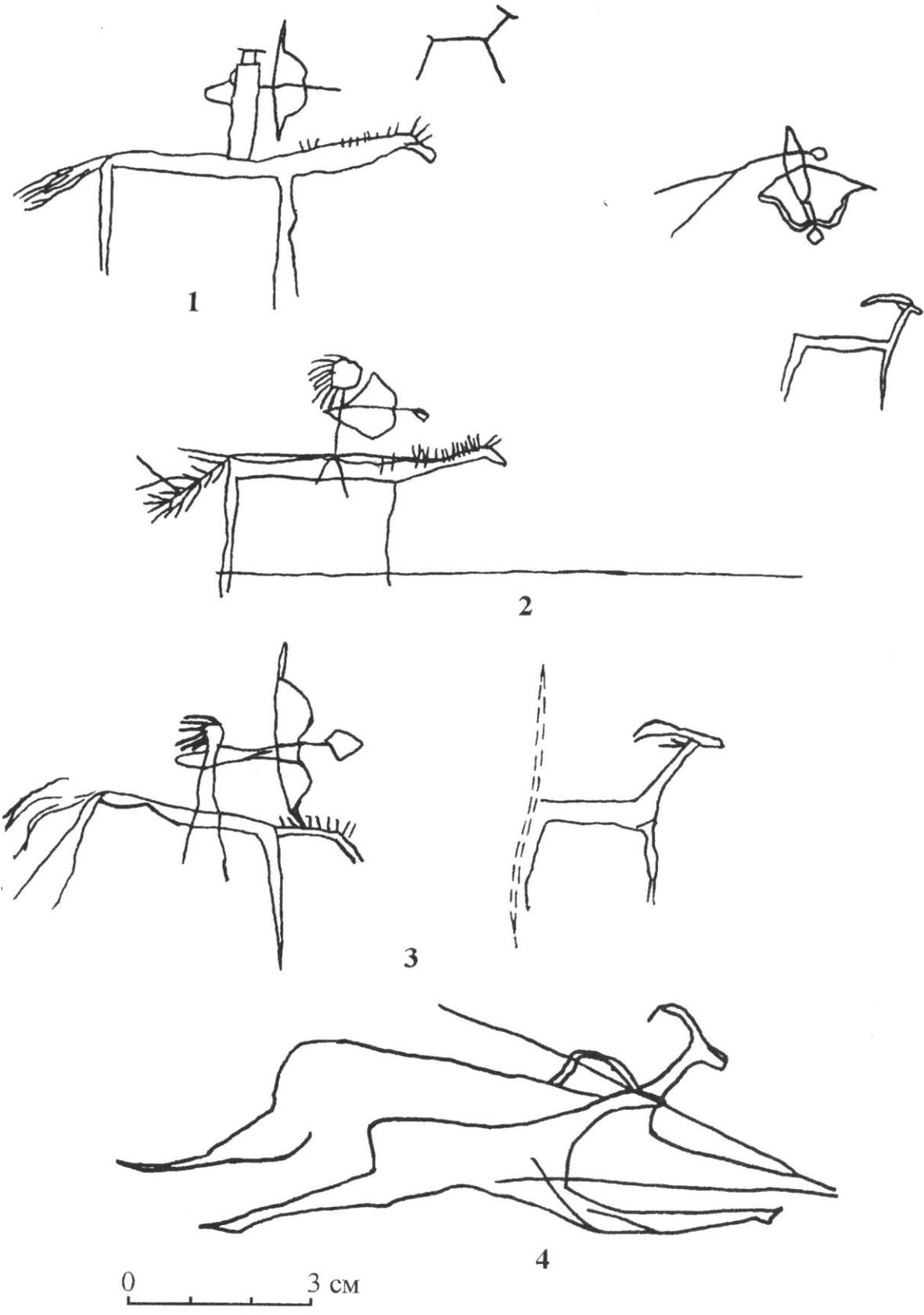

Рис.3

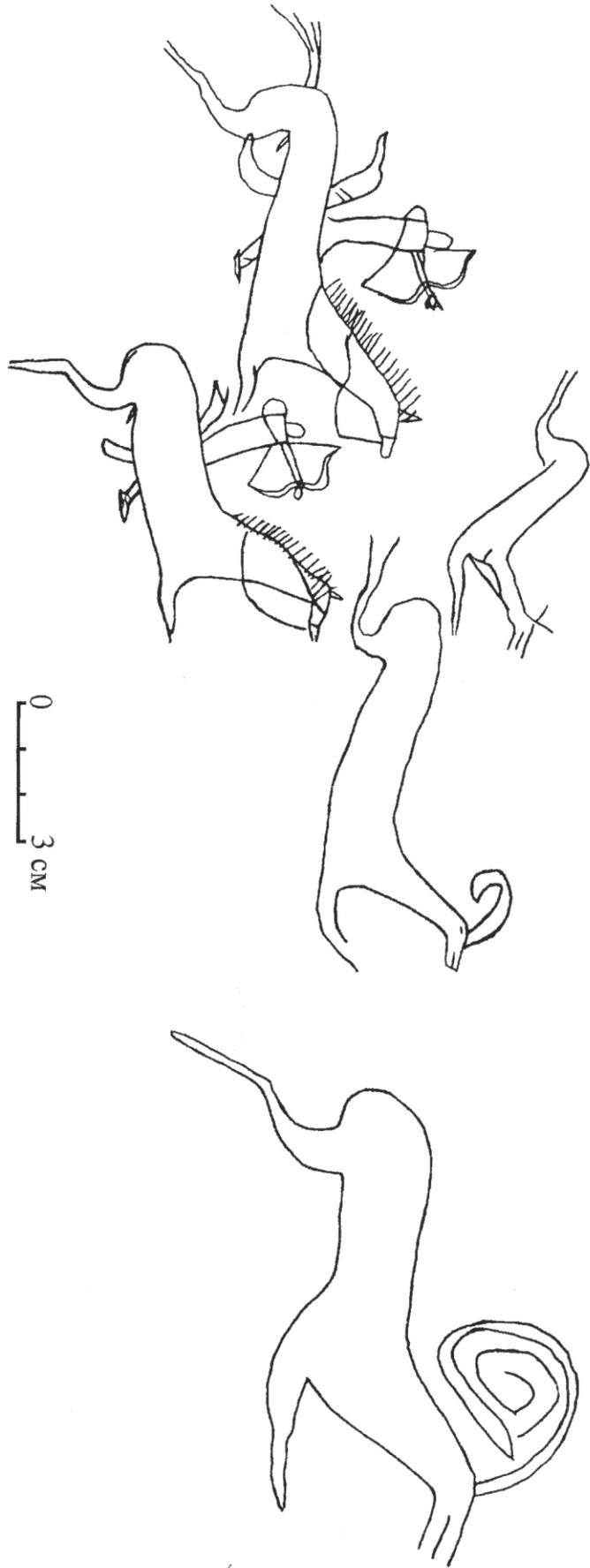

FIG. 4

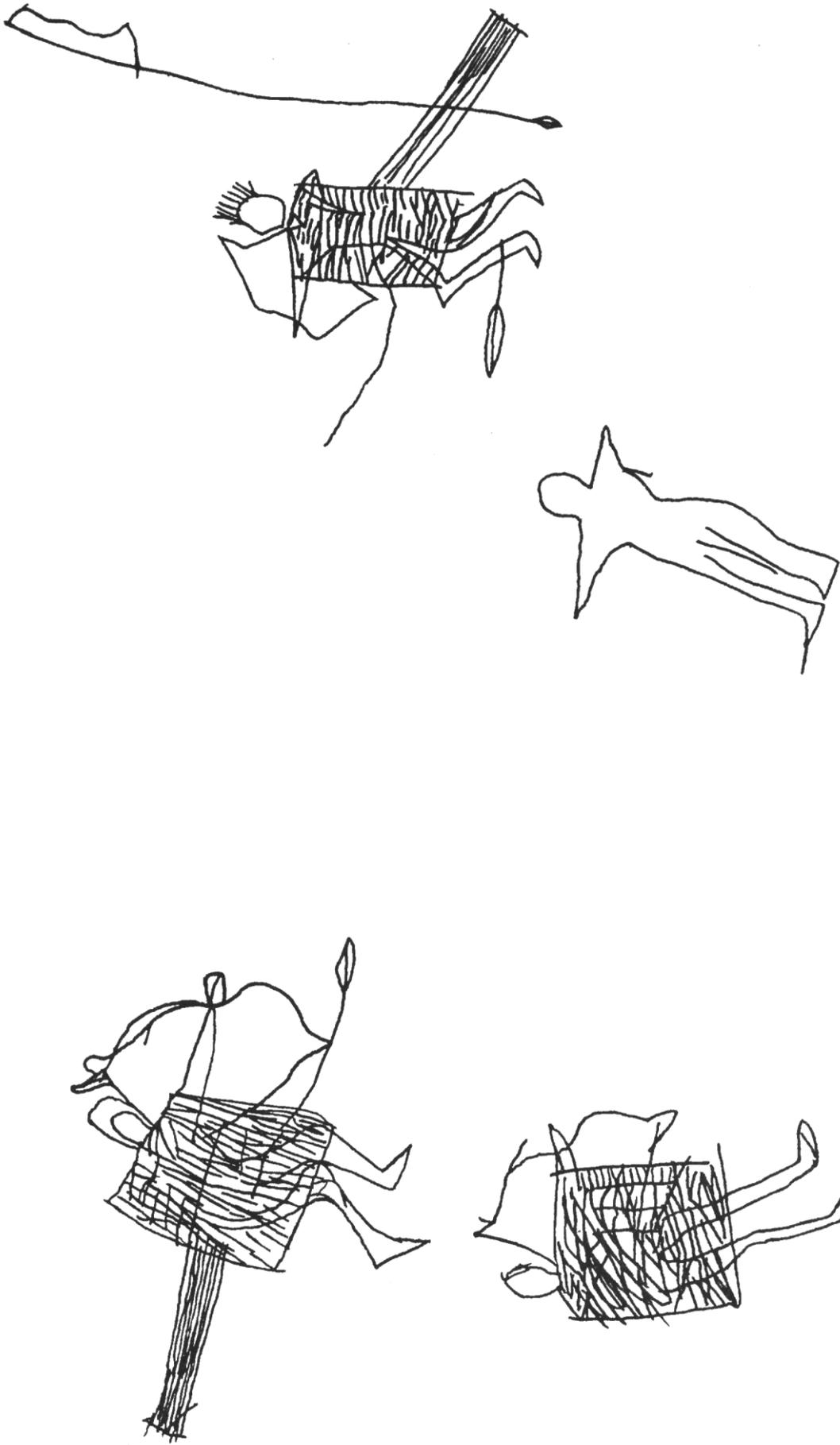

Рис.5

12. Соёнов В.И. Петроглифы Горного Алтая гунно-сарматского времени // Древности Алтая. – Горно-Алтайск, 2003. – №10. – С.100-107.
13. Стамбульник Э.У. Новые памятники изобразительного искусства послескифского времени из Центральной Тувы // Тезисы докладов Всесоюзной археологической конференции «Проблемы Скифо-Сибирского культурно-исторического единства». – Кемерово, 1979. – С. 145-147.
14. Тишкин А.А., Горбунов В.В. Исследования погребально-поминальных памятников кочевников в Центральном Алтае // Проблемы археологии, этнографии, антропологии Сибири и сопредельных территорий. – Новосибирск, 2003. – Т. IX. – Часть I. – С. 488-493.
15. Черемисин Д.В. Исследование петроглифов на юге Горного Алтая в 2001 году. Наскальные изображения Чаганки // Проблемы археологии, этнографии, антропологии Сибири и сопредельных территорий. – Новосибирск, 2001. – Т. VII. – С. 480-484.

Список иллюстраций к статье Кубарева Г.В.

- Рис.1. Граффити Курмантау (1-3) и Жалгыз-Тобе (4).
 Рис.2. Граффити Жалгыз-Тобе.
 Рис.3. Граффити Жалгыз-Тобе.
 Рис.4. Граффити Жалгыз-Тобе.
 Рис.5. Граффити Кургака.

Кызласов И.Л.
(г.Москва)

ДОПОЛНИТЕЛЬНЫЕ ИССЛЕДОВАНИЯ РУНИЧЕСКИХ НАДПИСЕЙ ГОРЫ ЯЛБАК-ТАШ. СТРОКА XVII

В сводном издании енисейских надписей, начертанных на чуйской скале Ялбак-Таш, были обнародованы даже камнеписные строки, прочесть которые тогда не удалось (Кызласов И.Л., 2002; 2003). Дополнительные исследования вскоре позволили понять одну из этих граффити (Кызласов И.Л., 2004). Ныне удалось завершить разработку другой надписи.

Вертикальная строка, получившая номер XVII, размещена в нижней левой части плоскости III и на всех изданных прорисовках представлена следующим набором рунических знаков: $\nabla \text{M} 19 \nabla \text{A} \text{E} 9 \approx$ (Кызласов И.Л., 2002, рис. 24, 25; 2003, рис. 21, 22). Совершенно очевидно, что словоразделительные отметки ∇ обозначают здесь границы двух слов (или, что менее вероятно, двух кратких словосочетаний). Однако, несмотря на это орфографическое обстоятельство, существенно помогающее прочтению, предшествующие попытки показали, что в представленном виде текст понять не может. Изучение подлинника при полевых работах 1994, 2001 и 2003 гг. убедили в точности восприятия надписи, ее графического (рис.1) и фотографического воспроизведения. Оставалось отыскать ошибку в истолковании знаков.

Две буквы текста трактовались мною одинаково (как $9j^2$), а начертаны были различно – вторая и шестая руны. Возможность прочтения второго знака как перевернутой буквы b^1 (именно так она выглядит, например, в надписи на Жалгыз-Тёбе) не дает результата. Успех приходит, если допустить, что неверно понята шестая руна. Основанием служит одна из палеографических особенностей алтайского извода енисейского письма – написание руны y^k отличается в нем дугообразностью обоих верхних отводков (Кызласов И.Л., 1994 а, табл. XXIV, 7). На практике это иногда приводит к тому, что отводки близко сходятся левыми концами (Кызласов И.Л., 2001, рис. 9, 4-й знак). Приняв, что перед нами такое начертание, при котором короткий просвет меж верхними отводками не различим на скале

или вовсе отсутствует из-за особенностей почерка писавшего, получаем следующее прочтение надписи.

Транслитерация: t¹j²gč{a}kpr¹{a}

Транскрипция: t(a)jy(a)č q(a)p(a)r

Перевод: «Оступающих (на пути праведном) ловят (бесы)».

Разбор

1-4. Понимание отглагольного образования, в основе которого лежит корень taj- “поскользнуться, упасть” (ДТС, с. 527), зависит от восприятия аффикса –yač. В нашем случае уместно связать его не с обычным обозначением инструмента (ДТС, с. 661), а с более редким использованием – указанием на признак, свойство лица совершать действие, отмеченное глагольной основой (Кононов А.Н., 1980, § 99, с. 86).

5, 9. В обоих случаях руны ᳚ имеют в надписи только словоразделительное назначение и не читаются.

6-8. Причастие настоящего и общего времени на -ag от глагола qar- “хватать, захватывать; похищать, красть; одолевать, нападать (о болезни и злом духе)” (ДТС, с. 420). Речь идет о том, что происходит обычно. Кто захватывает оступившихся в лаконичной надписи прямо не говорится. Как и всякое религиозное высказывание, этот краткий текст требует комментирования. Исходя из манихейских представлений, следует, как мне думается, дать следующее его истолкование: “(Живую душу) оступающих (на пути праведном) (немедленно) захватывают (бесы Мрака)».

К ранее опубликованным палеографическим наблюдениям добавлю, что новое понимание руны шестой уточняет алфавитное определение надписи – перед нами алтайский вариант енисейского письма. О том же свидетельствуют и орфографические особенности текста: разграничительное использование рун ᳚ и применение псевдорунического правописания.

Существование особой орфографической манеры рунического письма, систематически применявшей вместо твердоярдных мягкорядные знаки (и названной псевдоруническим правописанием), было замечено на памятниках Алтая 10 лет назад (Кызласов И.Л., 1994 б). Число известных памятников, написанных таким образом, с тех пор росло (Кызласов И.Л. 1996; 1997; 1999). Примечательно, что анализируемая надпись Ялбак-Таш XVII, целиком выполненная в псевдорунической орфографии, использует необходимые буквы для твердоярдных лишь по разу – для первого и последнего знаков текста.

Очень похоже, что в этом проступает еще одна закономерность псевдорунического правописания. При записи твердоярдного слова в ней применяется только первая твердоярдная руна, которая служит ключом к прочтению остальных знаков. Именно так начертаны слова еще в трех памятниках – в эпитафии Боро-Бургазы I и наскальных надписях Ялбак-Таш XXIII, Бичикту-Бом II/1, а также аффикс в строке Ялбак-Таш XX.

Надпись XVII позволяет заключить, что ее автором жизнь человеческая уподоблялась пути. Примечателен термин tajyač “оступающие, падающие”, впервые встречаемый в этой надписи. Трудно представить его бытовое образование или употребление. Вероятно, перед нами специальный религиозный термин, возникший для отражения образа, обычно в духовных притчах и проповедях. Это понятие составляет определенную пару слову aзиq “заблудший, сбившийся с пути”, встреченному в алтайской надписи Ялбак-Таш XXIV (Кызласов И.Л., 2004) и наскальном тексте Лисичья I в Хакасии (Кызласов И.Л., 1998, с. 142, 145; 2001, с. 245, 246, 253, 254). Представление о вере как о праведном пути, а о безверии как беспутном блуждании, ныне, как видим, дополняется взглядом на характер продвижения по этому пути. Оступиться оступиться, поскользнуться или упасть на нем означало нарушить правильный ход бытия, отклониться от духовной истины.

Вдумываясь в содержание религиозных наскальных текстов, обнаруживаем в них как общеманихейские доктринальные черты, так и определенное своеобразие северного, сибирского манихейства тюркских народов. Манихейская идеология знает три вида разнонаправленных путей: нисходящие в геену или восходящие к истине, а также “смешанные”. Таких дорог пятнадцать – три первых, четыре вторых и восемь третьих. По одним спешают грешники, по другим праведники (Кефалайя, 97, стк. 13; гл. 90; с. 481). Множественность духовных путей знают и тюркоязычные манихейские тексты: в покаянной молитве “Хуастуанифт” идет речь о “ядовитом” (ayuluу) и “сворачивающем” (yуyуli) пути (jol) (стк. 116-117), праведная стезя предполагается (Дмитриева Л.В., 1963; Малов С.Е., 1950, с.

117, 121, стк. 55, 56). Однако енисейские рунические надписи противопоставляют этой множественности единственную дорогу жизни и выбор не разнонаправленных путей, а единственно верной. В поисках ее можно плутать, а, выйдя на нее, оступаться и падать, но движение здесь идет в одном направлении. Судя по енисейским эпитафиям, представление о прожитой жизни как о пройденной дороге было свойственно еще доманихейской поре южносибирской истории. Так, фразу $\Rightarrow \text{ЗЗ} \wedge \text{Э} : \Rightarrow \text{Г} \text{М} \Rightarrow \wedge \text{Х}$ eš(i)m (u)gim : azišdīm “ (вместе) с моими товарищами и моими сыновьями (или: юными соратниками) я потерял дорогу (жизни и ушел без возврата)” встречаем в стк. 5 чикской надгробной стелы Уюк-Аржан (Е 2, Тува) (Кызласов И.Л., 1998 б, с. 70, 71, рис. 3).

Согласно публикуемой надписи, оступившуюся живую душу в момент духовного ослабления немедленно ловила нечистая сила – ситуация в полной мере отражающая манихейскую доктрину непрерывной борьбы Истины и Лжи за обладание разлитыми по Вселенной частицами Света. В западном манихействе существовали образы ловцов душ человеческих и душ мира: четырех добрых – со стороны Света, и четырех злых – со стороны Мрака. Однако все они действуют, опутывая души сетями, т.е. уподобляются рыбакам на море (Кефалайа, гл. 5; 203, стк. 31 – 204, стк. 19). Захват души на пути, вероятно, также собственный образ, отличающий северное манихейство.

Литература

1. Дмитриева Л.С. Хуастуанифт (Введение, текст, перевод) // Тюркологические исследования. – М.-Л., 1963 – С. 214-232.
2. ДТС – Древнетюркский словарь. Редакторы: В.М. Наделяев, Д.М. Насилов, Э.Р. Тенишев, А.М. Щербак. – Л., 1969. – 676 с.
3. Кефалайа ("Главы"). Коптский манихейский трактат. Перевод, исследование, комментарий, глоссарий и указатель Е.Б. Смагиной. – М., 1998. – 512 с.
4. Кононов А.Н. Грамматика языка тюркских рунических памятников VII-IX вв. – Л., 1980. – 255 с.
5. Кызласов И.Л. Рунические письменности евразийских степей. – М., 1994 а. – 327 с.
6. Кызласов И.Л. Горноалтайские рунические надписи на стелах // Археологические и фольклорные источники по истории Алтая. – Горно-Алтайск, 1994 б. – С. 81-94.
7. Кызласов И.Л. Три типа древнетюркской рунической орфографии // 90 лет Н.А. Баскакову. – М., 1996. – С. 124-136.
8. Кызласов И.Л. Разновидности древнетюркской рунической орфографии. Отражение манихейской письменной культуры в памятниках енисейского и орхонского письма // Acta Orientalia Academiae Scientiarum Hungaricae. – Budapest, 1997. – t. L, fasc. 1-3. – С. 163-184.
9. Кызласов И.Л. Две древнехакасские надписи на горе Лисичьей // Ежегодник Института саяно-алтайской тюркологии. – Абакан, 1998 а. – Вып. II. – С.140-149.
10. Кызласов И.Л. Материалы к ранней истории тюрков. III. Древнейшие свидетельства о письменности // Российская археология, 1998. – № 2. – С. 68-84.
11. Кызласов И.Л. Орфографические признаки манихейских рунических надписей // Вопросы тюркской филологии. – М., 1999. – Вып. IV. – С. 85-111.
12. Кызласов И.Л. Смена мировоззрения в Южной Сибири в раннем средневековье (Идеи единобожия в енисейских надписях) // Древние цивилизации Евразии. История и культура. – М., 2001. – С. 243-270.
13. Кызласов И.Л. Памятники рунической письменности Горного Алтая. – Горно-Алтайск, 2002. – 162 с.
14. Кызласов И.Л. Новости тюркской рунологии. Вып. I. Енисейские надписи на горе Ялбак-Таш (Горный Алтай). – М., 2003. – 109 с.
15. Кызласов И.Л. Дополнительные исследования рунических надписей горы Ялбак-Таш. Строка XXIV // Древности Алтая. – Горно-Алтайск, 2004. – № 12. – С. 133-138.

Подпись иллюстрации к статье Кызласова И.Л.

Рис.1. Прорисовка строки XVII. Гора Ялбак-Таш.

Рис.1

Еркинова Р.М, Кубарев Г.В.
(г.Горно-Алтайск, г.Новосибирск)

ГРАФФИТИ БИЧИКТУ-БОМА
(Из творческого наследия Г.И.Чорос-Гуркина)

Введение

Памятник наскального искусства Бичикту-Бом расположен в Центральном Алтае, близ одноименного села, на левом берегу р. Каракол. Весь южный склон горы представляет собой скальные выходы сланцевой породы, образующие крупные уступы размерами от 0,5 до 3-4 м. Цвет плит серо-зеленый, иногда коричневый. Камень ломкий, расслаивающийся. Поверхности ровные и идеальны для нанесения именно гравировок, большинство из которых вырезано на вертикальных поверхностях. На местонахождении имеются петроглифы эпохи бронзы и скифского времени, однако в основной своей части рисунки выполнены в технике граффити и относятся к эпохе средневековья и этнографической современности. Насчитывается порядка 800 отдельных изображений и композиций. О наличии здесь рисунков и надписей всегда было хорошо известно местному населению, о чем и свидетельствует название этого места – Бичикту-Бом (*скала с писаницами*). Первые исследователи побывали на этом, находящемся вблизи от тракта местонахождении, в конце XIX - начале XX века.

В числе первых, посетивших этот пункт наскального искусства и зарисовавшим некоторые композиции и отдельные фигуры, был алтайский художник Г.И. Чорос-Гуркин. С его деятельностью связана определенная веха в изучении наскального искусства Алтая. Художник совершал длительные поездки по Алтаю, собирая сведения о быте и верованиях алтайцев. Однако его интересовали и наскальные рисунки, большое число которых было им зарисовано. Так, в 1902-1903 гг. Г.И. Чорос-Гуркин совершил специальную поездку по Катунь с целью обнаружения новых писаниц. В настоящее время рисунки Г.И. Чорос-Гуркина с зарисовками алтайских петроглифов хранятся в различных собраниях: Республиканский музей (г. Горно-Алтайск), Кунсткамера (г. Санкт-Петербург), Картинная галерея (г. Барнаул). Эти зарисовки имеют большую ценность, т.к. часть наскальных рисунков к сегодняшнему дню не сохранилась.

Как известно, художник сыграл большую роль в становлении Республиканского музея и картинной галереи Ойротии, тесно сотрудничал с музеем – выполнял заказы и собирал этнографические данные (Еркинова Р.М., 1995, с. 10). Именно художественный материал Г.И. Чорос-Гуркина составил основу картинной галереи. В конце 1920-х – начале 1930-х гг. собирательская деятельность музея заметно активизировалась, и им было организовано несколько экспедиций на Алтай. Так, летом 1930 г. состоялась Алтайская этнографическая экспедиция «Общества изучения Сибири и ее производительных сил», в которой кроме этнографов и сотрудников музея принял участие и Г.И. Чорос-Гуркин. В его рабочем дневнике от 28 июля 1930 г. записано: «... мы экспедиция ОИС едем собирать этнографический материал для Ойротского музея». В Эликманарском, Шебалинском, Онгудайском, Улаганском и Турачакском аймаках Г.И. Чорос-Гуркиным было сделано большое количество уникальных рисунков, на которых зарисованы предметы быта, культа, национальный костюм алтайцев. Сегодня эти рисунки составляют золотой фонд Республиканского музея. Однако художником было также зарисовано несколько сцен и отдельных изображений на памятнике наскального искусства Бичикту-Бом (рис. 1-3; рис. 4, 1,2). Эти рисунки выполнены им 22-29 августа 1930 г. И хотя зарисовки наскальных изображений Бичикту-Бома, сделанные Г.И. Чорос-Гуркиным, немногочисленны (рис. 1-3; рис. 4, 1,2), они в настоящее время в силу значительного разрушения памятника представляют собой большой интерес*.

* Представляемые наскальные изображения зарисованы Г.И. Чорос-Гуркиным с натуры с сохранением пропорций, однако, по-видимому, без соблюдения их точных размеров. Тем не менее, о точности зарисовок художника свидетельствует воспроизведение одной из фигур (рис. 4, 2), оригинал которой нам удалось обнаружить на этом местонахождении петроглифов. Можно предполагать, что эта группа изображений происходит с нижних ярусов скальных выходов Бичикту-Бома. Одна из сцен, зарисованных Г.И. Чорос-Гуркиным (рис. 1, 1), уже публиковалось ранее (Маадайт-

В 1950-60-х гг. на местонахождении побывали исследователи, кратко его описавшие и зарисовавшие несколько гравированных изображений (Минорский А.И., 1951, рис. 55,56; Сперанский А.Л., 1974, рис.2,3). Эти граффити были справедливо отнесены к эпохе раннего средневековья (Евтюхова Л.А., 1951, с. 189; Сперанский Л.А., 1974, с. 171). В дальнейшем, крупномасштабные работы по копированию наскальных изображений на Бичикту-Боме проводились в 1960-х годах Алтайским отрядом археологической экспедиции отдела гуманитарных исследований СО АН СССР, возглавлявшейся академиком А.П. Окладниковым, и позднее, в 1980-х годах экспедицией КемГУ под руководством А.И. Мартынова (Кубарев В.Д., Маточкин Е.П., 1992, с.4,11,20). Однако, к сожалению монографической публикации рисунков этого местонахождения не последовало и к настоящему времени, по данному памятнику опубликованы лишь отдельные статьи и сообщения предварительного характера (Мартынов А.И., 1984; Мартынов А.И., 1985; Кубарев В.Д., Маточкин Е.П., 1992, с.59, рис.55; Martynov A.I., 1993; Мартынов А.И., 1995; Кубарев Г.В., 2003 и др.). Между тем, в результате, прежде всего антропогенного воздействия (близости этого петроглифического комплекса к Чуйскому тракту и непосредственной близости наскальных рисунков к грунтовой дороге) и естественной ломкости сланцевой породы памятник продолжает разрушаться.

Описание рисунков

1. Первую композицию, воспроизведенную Г.И. Чорос-Гуркиным, представляет собой сцена охоты на оленя (рис. 1, 1). В этой динамичной сцене изображен скачущий за оленем всадник. Он, как будто, привстал на стремях, натянул тетиву лука и готов спустить стрелу. Лук всадника М-образной формы, стрела с ярусным (?) наконечником и, возможно, со свистунком. Обращают на себя внимание такие детали, как распущенные волосы всадника, заткнутые за пояс стрелы, чепрак на лошади. У человека показаны черты лица: нос, глаза, брови. Шерсть оленя изображена в виде нескольких параллельных линий, иногда прерывистых. В непосредственной близости от всадника выгравирована превышающая его в несколько раз гигантская стрела. Своим наконечником, имеющим ромбическую форму, она направлена вниз. На ней линиями показано оперение.

2. Изображение шаманского бубна (рис. 1, 2), в качестве *ázi* которого, выгравирована стрела. Она изображена, по-видимому, наконечником вниз и имеет свистунок и оперение.

3. Сцена охоты на оленя (рис. 2, 1). Лучник натянул тетиву и готовится спустить стрелу в оленя. У человека показаны черты лица. Фигуры оленя и лучника выполнены в несколько схематичной, геометризованной манере, а линии их ног не закончены.

4. Фигуры диких козлов (рис. 2, 2), один из которых изображен в движении – стремительном беге, либо прыжке. Выполнены в различном стиле: один – линией по всему контуру тела, второй – «тамгаобразно». Линии ног первого не закончены.

5. Антропоморфная фигура (рис. 2, 3), у которой отсутствуют какие-либо конечности. В её подтреугольном теле показаны внутренние органы (?). На такой же подтреугольной голове изображены черты лица, причем, брови и нос в характерной древнетюркской иконографии – единой линией.

6. Изображение лежащего оленя – с подогнутыми под себя ногами (рис. 3, 1). Он имеет ветвистые рога и непропорционально удлиненное тело, заштрихованное многочисленными вертикальными линиями.

7. Изображение лежащего оленя – с подогнутыми под себя ногами (рис. 3, 2). Выполнено значительно реалистичней предыдущей фигуры. Его тело заштриховано в клеточку.

8. Изображение бегущего оленя (рис. 3, 3), наиболее реалистичного из всех, здесь представляемых. Особенности этой фигуры является воспроизведение длинной шерсти на шее животного, а также незаконченность ног.

9. Наиболее уникальная композиция из данной серии изображений, на которой выгравированы фигуры мужчины-кочевника и его коня (рис. 4, 1). Мужчина изображен анфас. У него очерчен подбородок и показаны черты лица, а также торчащие уши. В правой руке мужчина держит небольшой сосуд на поддоне, а левая, очевидно, заткнута за пояс. Привлекают внимание детали одежды кочевника. Его головной убор похож на шляпу с небольшими полями, а сам он одет в кафтан, имеющий небольшие отвороты-лацканы и

окантовку по бокам и подолу из другой, орнаментированной ткани. Кафтан перехвачен поясом, украшенным прямоугольными бляхами. На правом боку к поясу мужчины подвешена сумочка-кресало и, вероятно, кочедык, на левом – оружие (?). Ноги персонажа «рентгеновски» показаны сквозь полу кафтана.

Невдалеке и несколько позади мужчины изображен его конь, который, по-видимому, привязан. Рисунок последнего также детализирован. Воспроизведены хвост, грива, уши и челка коня, а его шерсть показана отдельными короткими линиями. Из снаряжения коня различимы: повод, чепрак, седло с высокими луками и, возможно, стремя (рис. 1, 4). Ноги коня подобно многим уже описанным изображениям остались незаконченными.

10. Антропоморфное существо (рис. 4, 2), на голове которого единой линией показаны нос и брови. Отдельными расходящимися линиями вырезаны ноги. Здесь же три параллельные, пересекающие тело поперек, линии. В верхней части воспроизведены руки (?), чуть ниже их – поперечная линия с четырьмя «подвесками» с каждой стороны.

11. В данную публикацию нами также включен фрагмент композиции из Бичикту-Бома, находящейся в экспозиции Бийского Краеведческого Музея им. В.В. Бианки (рис. 4, 3).^{*} На плитке размером 30 x 20 см четкими, глубокими прорезными линиями вырезано изображение охотника, стреляющего из лука (рис. 4, 3). На охотнике приталенный кафтан, имеющий декоративные детали-вставки по бокам, а также в нижней его части. Кафтан опоясан, а на левом боку подвешена сумочка. За пояс заткнуто три стрелы. Тетива натянута охотником «от уха», различимо окончание лука, имеющего, по-видимому, М-образную форму. Лучник стреляет в какое-то парнокопытное животное – оленя, либо дикого козла или барана, от которого сохранилось лишь изображение передних ног.

Аналогии, датировка и интерпретация изображений

Представляемые в данной работе изображения содержат ряд реалий, благодаря которым возможна их хронологическая и культурная атрибуция. Этому способствуют и яркие стилистические особенности, известные по уже опубликованным и датированным наскальным рисункам.

Первую и наиболее известную композицию, зарисованную Г.И. Чорос-Гуркиным, представляет собой сцена охоты всадника на оленя (рис. 1, 1). Из деталей представляющих наибольший интерес следует отметить воспроизведение, по-видимому, ярусного наконечника стрелы всадника, а также изображение непропорционально большой по отношению к основной сцене, стрелы. На последней показаны оперение, вырез для тетивы и наконечник ромбических очертаний (рис. 1, 1). Изображение подобных, огромных стрел является далеко не первым случаем в наскальных раннесредневековых граффити Алтая. Ярким примером этому могут служить сцены из другого, широко известного петроглифического пункта - Калбак-Таша (Kubarev V.D., Jacobson E., 1996, fig. 31, fig. 414). Обращает на себя внимание тот факт, что изображения непропорционально больших стрел сопровождают, как правило, сцены охоты. Вполне возможно, что эти изображения имеют отношение к т.н. охотничьей магии и были призваны обеспечить удачную охоту. Такие реалии этой сцены как возможный ярусный наконечник стрелы всадника, а также наконечник ромбических очертаний большой стрелы позволяют отнести ее к гунно-сарматскому периоду. Именно подобные наконечники стрел (ярусные – трехлопастные, ромбические – как плоские, так и трехлопастные) известны в погребениях гунно-сарматского времени (Бобров В.В., Васютин А.С., Васютин С.А., 2003, рис. 27, 5,7,10). Интересно, что в сцене охоты из Калбак-Таша, отнесенной В.И. Соёновым к гунно-сарматскому периоду (2003, рис. 3, 2), также имеется изображение непропорционально большой стрелы.

Следующую, наиболее многочисленную группу рисунков образуют граффити древнетюркского времени. К ним относится сцена с охотой на оленя (рис. 2, 1) и изображения двух козлов (рис. 1, 2). Об их принадлежности к указанному хронологическому периоду может свидетельствовать такой стилистический прием как незавершенность линии ног у изображенных фигур. С таким же приемом выполнено очень реалистичное изображение оленя, у которого воспроизведена даже длинная шерсть на шее (рис. 3, 3). Подобные изображения оленей известны и в других петроглифических памятниках, содержащих

^{*} Авторы статьи благодарят В.В. Орлова - директора Бийского Краеведческого Музея им. В.В. Бианки за любезно предоставленную возможность скопировать изображение, а также опубликовать его.

древнетюркские граффити: Калбак-Таше (Kubarev V.D., Jacobson E., 1996, fig. 384), Кургаке (Кубарев Г.В., Кубарев В.Д., 2001, с. 342), Чаганке (Черемисин Д.В., 2001, рис. 5) и др. Гравировки лежащих оленей, тело которых заштриховано параллельными или пересекающимися линиями (рис. 3, 1,2), также характерны для древнетюркской эпохи и находят многочисленные аналогии в алтайских петроглифах. Не исключено, что прообразом древнетюркскому оленю с удлинённым телом (рис. 3, 1) послужили олени т.н. монголо-забайкальского типа эпохи поздней бронзы – раннего железа, которые широко представлены в наскальном искусстве Алтая.

Наибольшее внимания заслуживает, уже описанная нами, композиция, изображающая древнего тюрка со своим конем (рис. 4, 1). Подобного рода сцена по степени детализации является единичной для раннесредневековых граффити всего Саяно-Алтайского региона. Её уникальность заключается в воспроизведении основных, по сути иконографических черт, представленных на многочисленных древнетюркских изваяниях, а также в изображении предметов, хорошо известных по раскопкам древнетюркских курганов. Черты лица и изображение небольшого сосуда-кружки в правой руке на уровне груди, а левой – на поясе или на рукояти оружия, удивительно напоминает иконографические черты и каноническую позу древнетюркских изваяний. Характерная манера воспроизведения черт лица уже было отмечена для одной из раннесредневековых гравировок Монгольского Алтая (Кубарев Г.В., Цэвээндорж Д., 1999, рис. 1, 1). Наиболее близкой аналогией рассматриваемой композиции выступает изображение древнего тюрка, также держащего в правой руке небольшой сосуд-кружку (Потанин Г.Н., 1881, с. 67-68, рис. 37). Оно происходит с каменной стелы, найденной на правом берегу р. Богдын-гол в Монгольском Алтае. На этой гравировке, в отличие от сцены из Бичикту-Бома, представлен древний тюрк, сидящий на небольшом коврике. Серебряные сосудики с поддоном и ручкой, наборные пояса, украшенные прямоугольными бляхами, кочедык и сумочка-кресало широко представлены в материалах древнетюркских погребений Саяно-Алтая. Пожалуй, впервые, по реалиям, представленным на сцене раннесредневековых граффити (сосуду с поддоном и ручкой и наборному поясу, включающему прямоугольные бляхи), становится возможным сузить её наиболее вероятную датировку до VII-VIII вв. – времени наибольшего распространения и популярности подобных вещей.

Необходимо отметить также воспроизведение одежды древнего тюрка. Его кафтан относится к варианту кафтана с отворотами-лацканами (Кубарев Г.В., 2000, с. 81, 85). Причем, орнаментированную ткань отделан не только его подол, но и бока (вероятно, на боках сделаны вставки из орнаментированной ткани). Кафтан с такой же отделкой запечатлен и на фигуре лучника в сцене охоты из Бичикту-Бома (рис. 4, 3), а также на всаднике в граффити Кара-Оюка из Юго-Восточного Алтая (Окладникова Е.А., 1988, рис. 4, 1). Вполне возможно, что такая отделка кафтана была локальной особенностью костюма древних тюрков, проживавших на территории Алтая. Во всяком случае, изображений кафтанов с подобной отделкой за пределами Алтая нам не известно. Вероятно, изображения, приводимые в качестве аналогий рассматриваемой сцене, также должны относиться к тому же хронологическому отрезку – VII-VIII вв. На голове древнего тюрка воспроизведён не совсем обычный для этой эпохи головной убор, напоминающий шляпу с небольшими полями. Этот головной убор хоть и редко, но изображался на других древнетюркских граффити – в местности Туэкта (находится в непосредственной близости к Бичикту-Бому) (Martynov A.I., Miklashevich E.A., 1995, fig. 3) и Кургак (Кубарев Г.В., Кубарев В.Д., 2001, с. 342).

Следующие, рассматриваемые нами, изображения (рис. 1, 2; рис. 2, 3; рис. 4, 2) в одинаковой мере могут относиться как к древнетюркской эпохе, так и к этнографической современности. В изображении шаманского бубна (рис. 1, 2) привлекает, прежде всего, *әзи*, выполненное в виде стрелы. Это воспроизведение стрелы весьма показательное и полностью согласуется с символикой и одной из трактовок шаманского бубна как лука, посредством которого пускались стрелы во враждебных духов. Как известно, наиболее характерным изображением на шаманском бубне является *әзи*, нарисованное в виде схематичной антропоморфной фигуры. На месте его рук рисовалась поперечная линия – *кириж* (т.е. тетива лука), а отходившие от нее вниз черточки назывались *конура* (стрелы) (Анохин А.В., 1994, с. 53-54; Иванов С.В., 1955, с. 245). Наличие тетивы и стрел позволяет предполагать, что шаман-предок представлялся первоначально как охотник, вооруженный луком. В дальнейшем его стрелы рассматривались как грозное оружие против враждебных духов

- көрмөсө (Иванов С.В., 1955, с. 245). С этими же представлениями были связаны миниатюрные луки со стрелами, которые часто пришивались к шаманскому костюму (Анохин А.В., 1994, с. 41).

Среди представляемых рисунков есть и изображение собственно *ази* в виде антропоморфной фигуры (рис. 4, 2). Кроме уже описанных частей, из которых состоит *ази*, необходимо отметить изображение радуги или «Млечного пути» - *солоны* (Иванов С.В., 1955, с. 245). Она состоит из трех параллельных дугообразных полос, примыкающих с боков. Примечательным и неслучайным кажется то, что изображение носа и бровей *ази* в виде одной линии аналогично трактовке черт лица древнетюркских каменных изваяний. Ещё одна антропоморфная фигура (рис. 2, 3) достаточно сложна для интерпретации. Как уже отмечалось, воспроизведение её носа и бровей также близко к древнетюркской иконографии. В целом, изображение шаманских бубнов и шаманской символики в наскальных гравировках представляет собой определенный интерес в изучении алтайского шаманизма. Вероятней всего подобные гравировки должны относиться к этнографической современности. Этнографические граффити, в том числе с изображениями шаманов и шаманских бубнов, известны на петроглифическом комплексе Кара-Оюк (Окладникова Е.А., 1988, рис. 5). Вместе с тем, полностью не исключается датировка шаманской символики из Бичикту-Бома древнетюркским периодом. Во всяком случае, именно к эпохе раннего средневековья А.И. Мартынов отнес изображения шаманов с бубнами из того же самого местонахождения петроглифов Бичикту-Бом (1985, рис. 3, рис. 6).

Заключение

Публикуемые в этой статье зарисовки Г.И. Чорос-Гуркина гравировок Бичикту-Бома, несмотря на то, что они сделаны с натуры и без соблюдения масштаба, представляют собой большую научную ценность. В особенности это относится к уникальной сцене, изображающей древнего тюрка со своим конем (рис. 4, 1). Практически все представленные изображения датируются эпохой раннего средневековья. Эти рисунки лишней раз подтверждают уникальность петроглифического комплекса Бичикту-Бом, как источника по истории эпохи раннего средневековья Алтая.

Литература

16. Анохин А.В. Материалы по шаманству у алтайцев. – Горно-Алтайск, 1994. – 152 с.
17. Бобров В.В., Васютин А.С., Васютин С.А. Восточный Алтай в эпоху великого переселения народов (III-VII века). – Новосибирск, 2003. – 223 с.
18. Евтюхова Л.А. К вопросу о писаницах Алтая // КСИИМК, 1951. – Вып. XXXVI. – С. 189-190.
19. Еркинова Р.М. О первом этапе в становлении Республиканского Музея // Кан Алтай, 1995. – №3. – С. 8-14.
20. Иванов С.В. К вопросу о значении изображений на старинных предметах культа у народов Саяно-Алтайского нагорья // Сб. МАЭ. – М.-Л., 1955. – Вып. XVI. – С. 165-264.
21. Кубарев В.Д., Маточкин Е.П. Петроглифы Алтая. – Новосибирск, 1992. – 123 с.
22. Кубарев Г.В. Халат древних тюрков Центральной Азии по изобразительным материалам // Археология, этнография и антропология Евразии. – Новосибирск, 2000. – №3. – С. 81-88.
23. Кубарев Г.В. Жанровая сцена из Бичикту-Бома // Степи Евразии в древности и средневековье. Материалы Международной научной конференции, посвященной 100-летию со дня рождения М.П. Грязнова. – СПб., 2003. – Книга II. – С. 242-246.
24. Кубарев Г.В., Цэвээндорж Д. Раннесредневековые петроглифы Монгольского Алтая // Памятники культуры древних тюрков в Южной Сибири и Центральной Азии. – Новосибирск, 1999 – С. 157-169.
25. Кубарев Г.В., Кубарев В.Д. Руническая надпись из Кургака (Юго-Восточный Алтай) // Проблемы археологии, этнографии, антропологии Сибири и сопредельных территорий. – Новосибирск, 2001. – Т. VII. – С. 341-342.
26. Маадай-Кара. Алтайский героический эпос. – М., 1973. – 474 с.
27. Мартынов А.И. Исследование петроглифов в долине Каракола // АО 1982 года. – М., 1984. – С. 218.

Рис.1

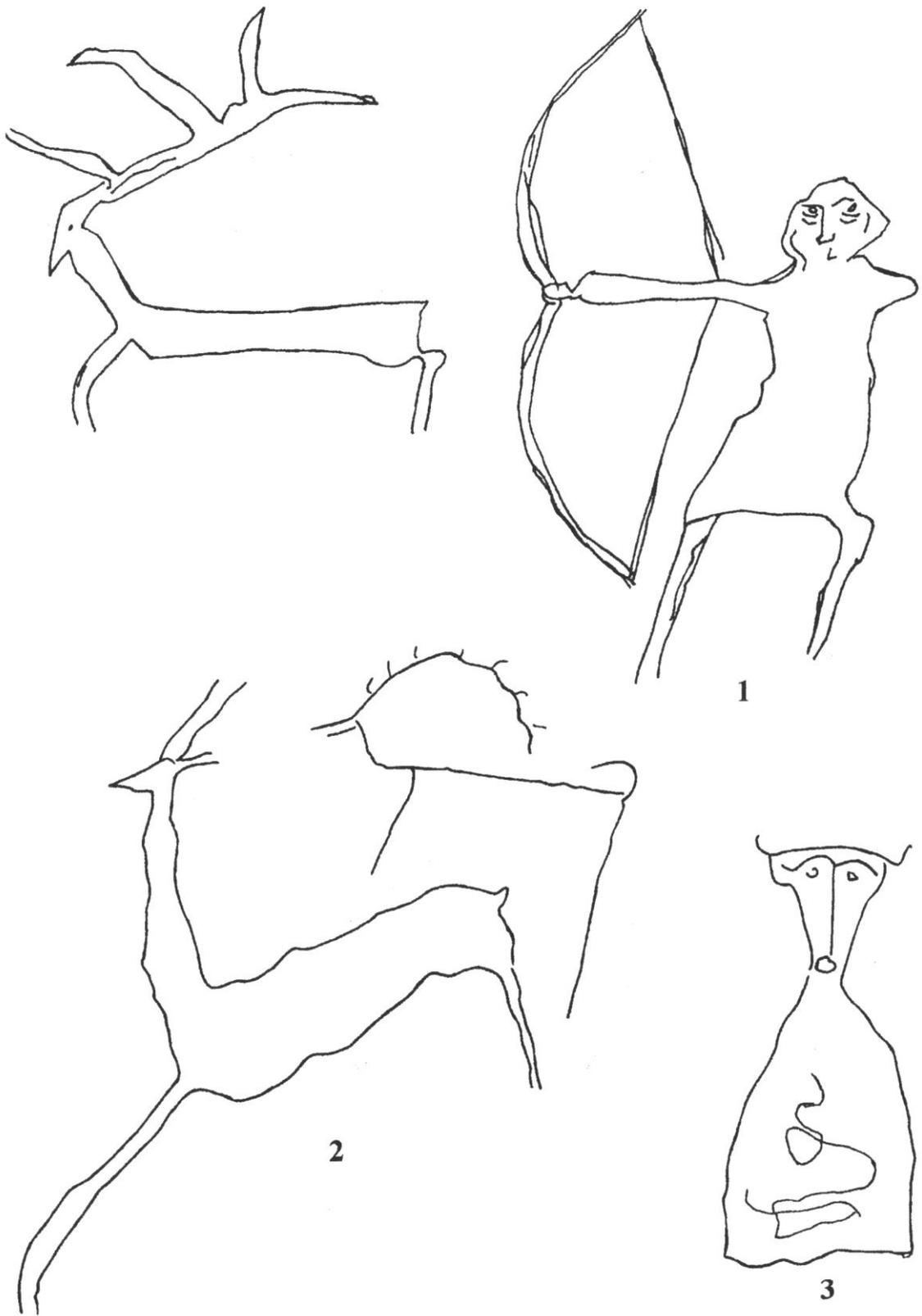

Рис.2

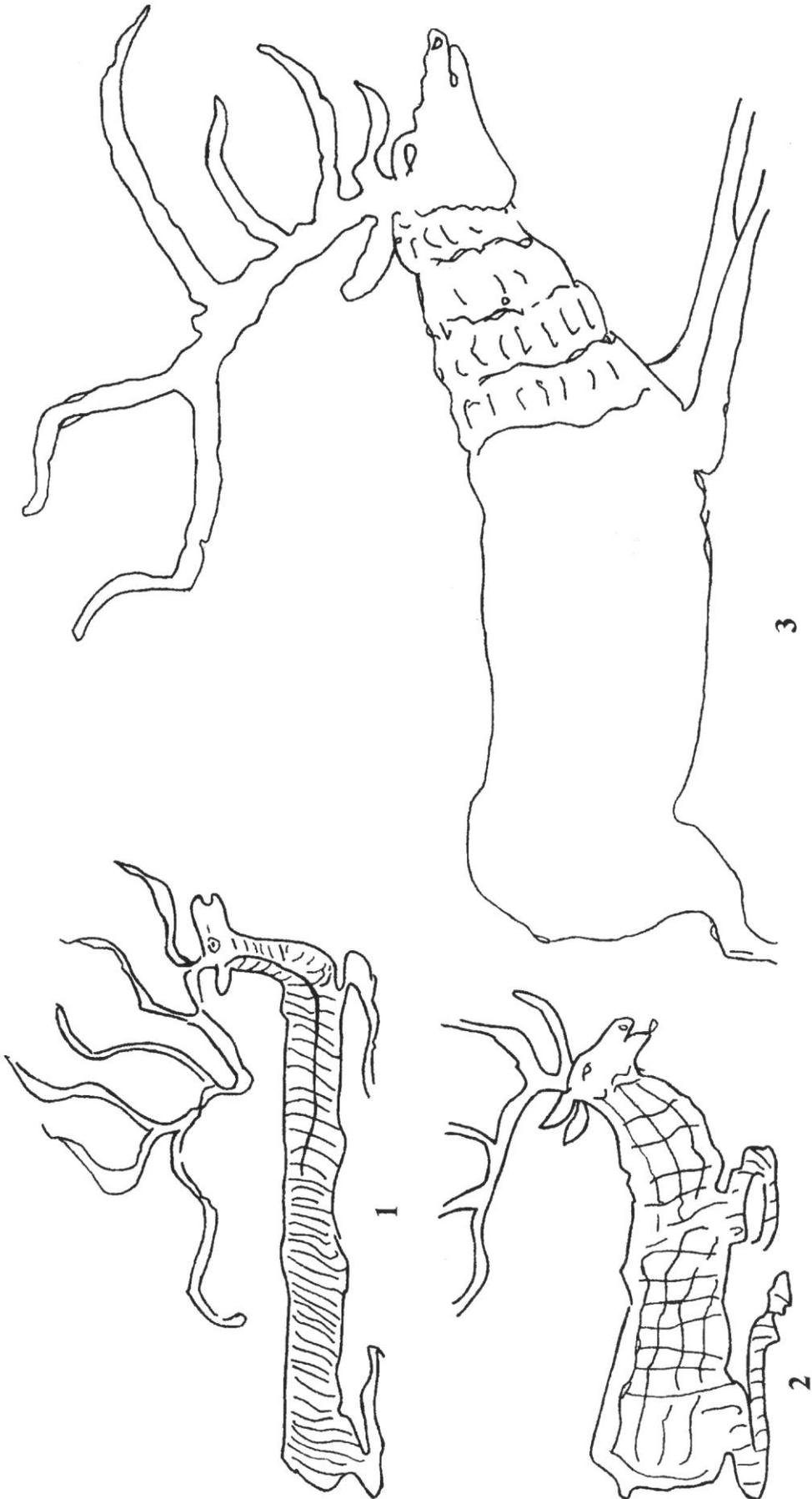

Рис.3

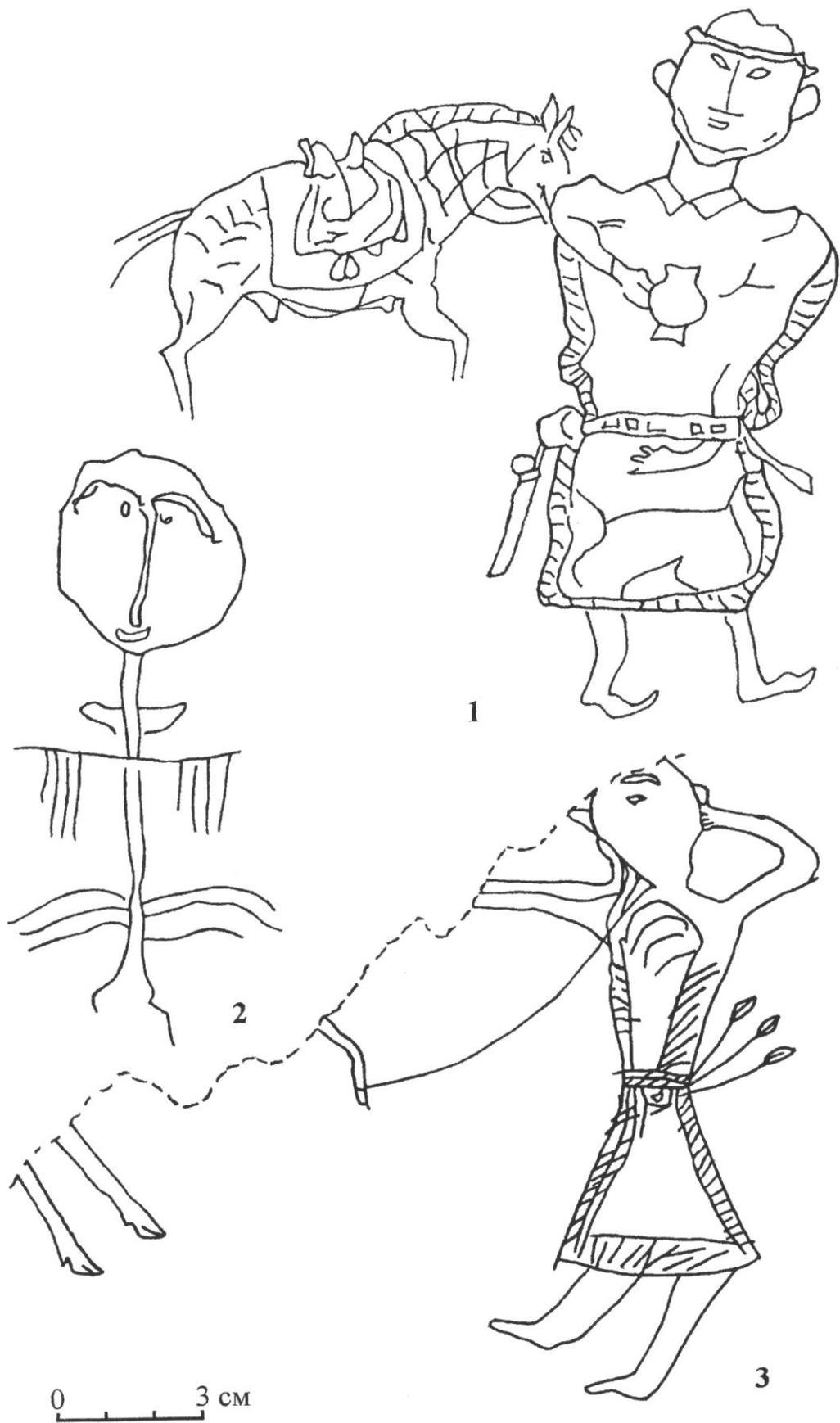

Рис.4

28. Мартынов А.И. О древних изображениях Каракола // Археология Южной Сибири. – Кемерово, 1985. – С. 80-87.
29. Мартынов А.И. Средневековые сцены охоты на плитах Бичикту-Бом // Военное дело и средневековая археология Центральной Азии. – Кемерово, 1995. – С. 178-185.
30. Минорский А.И. Древние наскальные рисунки Горного Алтая // КСИИМК, 1951. – Вып. XXXVI. – С. 184-188.
31. Окладникова Е.А. Граффити Кара-Оюка, Восточный Алтай (характеристика изобразительных особенностей и хронология) // Материальная и духовная культура народов Сибири. Сб. МАЭ. – Л., 1988. – Вып. XLII. – С. 140-158.
32. Потанин Г.Н. Очерки Северо-Западной Монголии. – СПб., 1881. – Вып. II. – 90 с.
33. Соёнов В.И. Петроглифы Горного Алтая гунно-сарматского времени // Древности Алтая. – Горно-Алтайск, 2003. – №10. – С.100-107.
34. Сперанский А.Л. Новые находки наскальных рисунков в Горном Алтае // Бронзовый и железный век Сибири. Древняя Сибирь. – Новосибирск, 1974. – Вып. 4. – С. 167-173.
35. Черемисин Д.В. Исследование наскальных изображений долины реки Чаганка (Алтай) в 2001 г. // Вестник САИПИ. – Кемерово, 2001. – Вып. 4. – С. 12-16.
36. Kubarev V.D., Jacobson E. Sibérie du sud 3: Kalbak-Tash I (République de L'Altai). Répertoire des pétroglyphes d'Asie Centrale. – Paris, 1996. – T.V.3. – 45 p., Pl. 15, Fig. 662.
37. Martynov A.I. Rock drawings on the Bichiktu-Bom hill // I.N.O.R.A. 1993. – №4. – 20-24 pp.
38. Martynov A.I., Miklashevich E.A. The Tuekta petroglyphs in the Gorny Altai // I.N.O.R.A. 1995. – №10. – 15-17 pp.

Список иллюстраций к статье Еркиновой Р.М. и Кубарева Г.В.

- Рис.1. Граффити Бичикту-Бома. Рисунки Г.И. Чорос-Гуркина, 1930 г.
 Рис.2. Граффити Бичикту-Бома. Рисунки Г.И. Чорос-Гуркина, 1930 г.
 Рис.3. Граффити Бичикту-Бома. Рисунки Г.И. Чорос-Гуркина, 1930 г.
 Рис.4. Граффити Бичикту-Бома. 1,2 – рисунки Г.И. Чорос-Гуркина, 1930 г. 3 – Бийский Краеведческий Музей им. В.В. Бианки, прорисовка Г.В. Кубарева.

Кызласов Л.Р.
(г.Москва)

МИРОВОЗЗРЕНИЕ СИБИРСКИХ ТАТАР В XVI В. (Погребение Ермака)

Для постановки и разрешения задачи, обозначенной в названии настоящей работы, большой интерес представляют подробности, связанные с погребальной церемонией, произведенной сибирскими татарами над останками погибшего в последнем своем бою, прославленного в истории России атамана Ермака. Проясняются и причины, по которым никому не подчинявшаяся до той поры казачья вольница, действовавшая в 1580-1581 гг. на р. Урале, а позже на Волге, внезапно приняла решение о дальнем и трудном походе вверх по Каме и Приуралью, через скалистый Уральский хребет в долину Иртыша.

1. Ермак – преемник Тайбугидов

За последние годы, проанализировав некоторые документы и поставив их в единую цепь событий борьбы татарских династий Шейбанидов и Тайбугидов за Сибирский юрт бывшего Джучидского улуса, происходившей в конце XV – XVI вв., историки пришли к новым оценкам хода завоевания сибирских земель Россией в конце XVI столетия. Стоит привести основные заключения, прямо касающиеся нашей темы.

«Вторжение казачьего отряда Ермака оказалось неприятной неожиданностью для Кучум-хана. Военные поражения (обусловленные, прежде всего, нежеланием местных угров и татар сражаться за Шейбанидов) привели к падению Искера (сентябрь 1582) и установ-

лению Ермаком контроля над прежними владениями Тайбугидов. Необходимо отметить, что на первых порах Ермак рассматривал себя не как русского наместника, а как нового бека Искера (в таком качестве его признали представители ряда местных княжеств, как тюркских, так и угорских). Однако положение Ермака как бека Искера было еще более непрочным, чем положение Кучум-хана. Фактически взятие Искера привело к распаду Сибирского ханства на отдельные феодальные владения, существовавшие независимо от Искера. В этих условиях Ермак принял решение обратиться за помощью к русскому правительству». До него это уже неоднократно делали тайбугидские князья, особенно на протяжении 1555-1557 гг. (Нестеров А.Г., 2003).

Из приведенных данных проистекают два вывода. Во-первых, приход в Сибирь казацкой вольницы под командой атамана Ермака есть эпизод многосторонней борьбы и первоначально преследовал своей целью разгром мусульманских войск, приведенных из Средней Азии шейбанидским царевичем Кучумом. Именно Кучум выглядел в Западной Сибири захватчиком: в 1563 г. взял с боем столицу Искер, убил правивших там сибирских князей братьев Ядгара и Бек-Пулада и подчинил земли местной тюркско-угорской династии Тайбугидов. Во-вторых, принудив к бегству Кучума, Ермак считал вправе объявить себя приемником тайбугидской власти, и, как свидетельствует летопись, местные тюркские и угорские княжества признали этот акт законным.

Правомочность борьбы Ермака за власть в Сибирском юрте, которая существовала в глазах местного населения, подтверждается и особым отношением сибирских татар к его телу после гибели. И, переходя к рассмотрению этого, отметим здесь, что во время поминок Ермака сибирские татары, согласно записи С.У. Ремезова, "... учиниша жрение по своему извычаю" и со слезами пеняли душе Ермака: "аще ли жива тя (увидели – Л.К.), то учинили бы тя себе царя, и се видим тя мертва...".

2. Ермак – святой у сибирских татар

Основные подробности о выдаче людям водами Иртыша останков утонувшего при устье Вагая в ночь с 5 на 6 августа 1585 г. атамана Ермака, обрядовые этапы его захоронения не только описаны в «Ремезовской летописи», но и сопровождаются рисунками самого ее автора – Семена Ульяновича Ремезова¹² (Краткая сибирская летопись, 1880; Сибирские летописи, 1907).

Оказалось, что труп героя всплыл на 13-й день и был принесен течением реки «под Епаньчинские юрты к берегу». «Татарину жь Янышу, Бегишеву внуку, ловящу рыбу и наживляющу перемет, и виде у брега шатающуюсь человеческие ноги, и накинув петлею переметною за ноги, извлече на берег, и виде одеяна пансыри, и разумев не просту бытии...», собрал местных жителей. Сбежавшиеся сибирские татары по двум панцирям – московским царским подаркам – определили труп Ермака. Реакция местных жителей оказалась неожиданной для их русских современников: сибирские татары восприняли мертвого Ермака как собственного святого и обошлись с его останками по древним местным обрядам, не имевшим ничего общего ни с христианскими, ни с мусульманскими обычаями.

То, как описал и нарисовал дальнейшие события С.У. Ремезов в своей летописи, сам он, будучи православным, расценил как вмешательство христианского бога, чудесами вразумлявшего сибирских язычников, А.П. Окладников (1981, с. 30), в соответствии со знаниями своего времени, считал, что происходящее «воспринималось ими через призму шаманистического мировоззрения», ныне же все это можно расценить как свидетельство сохранения в конце XVI в. аборигенным населением Сибирского ханства древней манихейской монотеистической религии.

Что же происходило на старинном Бегишевском кладбище во второй половине августа 1585 года? (ср.: Миллер Г.Ф., 1937, с. 264). Прав был А.П. Окладников, когда писал: «Ермак стал объектом туземного культа (какого точно – автор тогда не знал – Л.К.) как дух самого высокого ранга. Ремезов писал о нем в своей летописи: "И тако чуден и страшен, егда глаголати им и в повестех между собою без слез не пробудут". "Именем Ермака и доднесь божатся и кленутся". Ремезов прямо говорит: "Нарекоша его богом и погребоша по своему закону"» (Окладников А.П., 1981, с. 37).

¹ Текст исследован академиком А.П. Окладниковым (1981, с. 27-37); см. также: (Гольденберг Л.А., 1965).

Сибирский летописец добавлял, что «татара смертной завет положиша, что про него русакам не вещати» (Окладников А.П., 1981, с. 35) и позже, во время С.У. Ремезова, «с плачем» вспоминали Ермака, как своего народного героя, в своих беседах и песнях. «Так было и два века спустя, – писал А.П. Окладников, опираясь на данные Н.А. Миненко, обнаружившей, что как русские, так и сибиряки-аборигены в XVIII – первой половине XIX вв. собирались на общие праздники и пели песни друг друга, – в песнях этих упоминался и Ермак. Притом татары «плачут, а русские хохочут» (Окладников А.П., 1981, с. 28, 29). Причины этого горя аборигенной Сибири по Ермаку, как и изначальной духовной близости коренных и пришлых жителей станут нам понятны в дальнейшем.

По «Ремезовской летописи», присутствующие на Бегишевском кладбище прежде всего убедились, что это действительно сам Ермак, ибо убитый воин был одет в те два богатых панциря, что прислал в дар Ермаку русский царь Иван Васильевич Великий, прозванный Грозным (умер 15 марта 1584 г.). Затем, согласно рассказу, им явились иные доказательства святости погибшего.

1. Мертвое тело Ермака источает кровь, как живое. Когда Кайдаул-мурза стал снимать с тела панцири, «тогда поиде кровь изо рта и из носа, что из жива человека. Зря жь Кайдаул, понеже стар, течение крови живой не замерло, и разумев, что человек божий, и положиша его нага на лабаз».

После этого сообщили во все окрестные селения о неслыханном чуде: «да снидутся видети нетленного Ермака, точащего кровь живу ... И лежаше на лабазе 6 недель ноября по 1 день, донеже от конец приидоша Кучюм² с мурзами и [угорские – Л.К.] кондинские и обдаринские князи и унзоша стрелы своя, и кровь его течаше, яко из живаго».

Подобные воззрения о чудесном далеко не всеобщие. Корни их принадлежат к мифологической традиции Ближнего Востока. О сибирских татарах в нашем случае, уместно сказать словами В.А. Гордлевского (1960. С. 128, 129), произнесенными по сходному поводу: «Так сохранилось у них старое переднеазиатское верование в волшебную силу учителя». Этим переднеазиатским верованием в Западной Сибири было манихейство (Кызласов Л.Р., 1998; 2001) (см.: Фиалков Д.Н., 1965, с. 282).

А.П. Окладников справедливо замечает: «у летописца нет ни слова о желании татар отомстить Ермаку стрельбой в него», и как археолог-сибиряк правильно указывает на местную природу описанного культового действия. Стрелы у аборигенов Сибири являлись «высоко ценимыми жертвенными дарами... духам и другим сверхъестественным существам».

2. Птицы не смеют садиться на нагое тело Ермака и не клюют его. Хотя тело «и положиша нага на лабаз», «птицы же облеташе, не смеяше же прикоснуться ему» – пишет Ремезов. В глазах туземцев, – вновь справедливо замечает А.П. Окладников, – поведение птиц было опять же связано со сверхъестественной силой покойного». Ведь ритуальный расчет, как увидим, был на то, что нагое тело Ермака окажется расклевано хищными птицами.

3. Ермак являлся татарам в видениях и снах и требовал свершения полного обряда его погребения. Так, он, якобы, явился во сне самому татарскому «царю» Сейдяку (сыну убитого в Искере Кучумом тайбугидского князя Бек-Пулада) – известному в то время деятельному местному вельможе и претенденту на тайбугидский престол.

4. Ермак был похоронен под «кудрявою сосной» на Бегишевском кладбище, т.е. под деревом особого культового облика.

5. Огненный столп (свеча) над могилой Ермака. По легенде над могилой Ермака по ночам пылала огромная свеча или даже стоял огненный столп: «Беже видица басурманам и доднесь во вселенские субботы огненной столп до небеси, а по простым – свеща велия горяща над главою» – сообщает С.У. Ремезов, который в этом знамении видел божье произволение: «се же бог своих проявляет». Однако вновь прав А.П. Окладников, отметивший, что, поскольку огненный столп или свеча видится только татарам, а «русским же не кажется», то перед нами элемент не русского и не церковного, а местного мировоззрения (Окладников А.П., 1981, с. 32).

6. Одеяния, доспехи и оружие Ермака были переданы в святилище и разделены между знатью: «И пансыри его разделиша надвое, един отдаша в приклад Белогорскому шайтану, и той князь Алачь взял, той бо во всех городах славен; второй отдаше Чайдаулу

² В свете дальнейших событий участие Кучума в этих действиях выглядит привнесением С.У. Ремезова.

мурзе Закайдаме его. Кафтан же взят Сейдяк царь, пояс же и с саблею Даша Караче». Бе бо от Ермакова тела и от платья чудотворение: болезненным исцеление, родителям и младенцем на отгнание недугов, на войне и в промыслах удача» (Окладников А.П., 1981, с. 34).

Нельзя не отметить, что вера в Ермакову святость распространилась на восток до калмыцких владений. Так, Аблай-тайша в Урге, добивался панциря Ермака и поведал тобольскому посольству не только о деталях гибели и погребения героя, но и собственную историю: «Егда же я был мал и утробю болен, и даша мне з земли с могилы его пить, здрав явихся доньне. Егда же земли, с могилы взятой, еду с нею на войну, побиваю; егда же нет земли, тощ возвращаюсь; и того ради просив пансырей у государя, да пойду на Казачью Орду» (Окладников А.П., 1981, с. 35). Ныне мы знаем, что татар Сибири с джунгарами объединяли не некие общие «степные традиции», а восходящие к раннему средневековью мировоззренческие, манихейские, основы (Кызласов Л.Р., 1998, с. 9, 29).

Г.Ф. Миллер увидел у С.У. Ремезова желание причислить Ермака к лику православных святых, подобное намерение заподозрил А.П. Окладников у первого сибирского архиепископа Киприана, но анализ привел пытливого историка к иному заключению, полностью разделяемого нами: «Однако и Ремезова и Киприана опередили сибирские татары, по-своему канонизировавшие атамана, победителя Кучумова царства. Они сделали то, что не смогли сделать русские» (Окладников А.П., 1981, с. 36).

3. Погребальный обряд Ермака

В свое время А.П. Окладников верно пояснил, что воздушные погребения на помостах и на деревьях были широко распространены (особенно в отношении убитых молниями, т.е. «призванных богом на небо досрочно» и всегда одетых в белые (небесные) ткани. Но исследователь не знал тогда, что воздушные погребения распространились по сибирским просторам в результате манихейского религиозного запрета хоронить мертвецов в землю, дабы не осквернять ее святость презренной грешной плотью, остающейся после смерти человека. Для сибирских манихеев были обычны помосты меж сучьев деревьев, помосты-арангасы на четырех столбах, укладывание обнаженных трупов на наклонные плоскости и в расщелины скальных вершин. Все они являлись своеобразными супурганями для расклеивания телесной плоти хищными птицами и поедания ее зверьками и для отправления человеческих душ вверх, в небесные просторы. Подтверждения сказанному находим уже в источниках раннего средневековья.

Через интересующие нас регионы весной и летом 922 г. прошел маршрут мусульманского посольства, отправленного из далекого Багдада халифом всех арабов Джафаром ал-Муктадиром-биллахом к царю волжских булгар. Целью экспедиции было насаждение ислама в северо-западных районах расселения тюркоязычных народов. Дальновидный политик и владыка мусульман надеялся создать форпост для продвижения мусульманской религии в Восточную Европу (Ковалевский А.П., 1956).

В сочинении секретаря посольства Ахмеда Ибн-Фадлана рассказано, что в землю тюрк-огузов экспедиция вступила 20 марта 922 г. И сразу же арабский миссионер обнаружил у местных жителей проявления монотеизма. Говоря «Господь наш», огузы имели ввиду не Аллаха. Поднимая голову к небу, они возглашали: «Бир тенгри!». А это по-тюркски «[клянусь] богом единым!», так как «бир» по-тюркски «один», а «тенгри» на языке тюрк – «бог» (Ковалевский А.П., 1956, с. 126).

Учитывая соотнесенность смертной казни с формами погребального обряда, нам следует обратить внимание и на другое. Наш автор добавляет, что огузы «не знают блуда». Но если они обнаруживают между собой прелюбодея, то казнят его, разрывая на две половины. «Они сужают промежуток между ветвями двух деревьев, потом привязывают его к веткам и отпускают оба дерева, и наказуемый при выпрямлении их разрывается». Останки казненного оставались тлеть на деревьях. Эта черта соответствует манихейскому обряду воздушных погребений³. На кладбищах огузов XI-XIV вв. археологами обнаружены не только крестовые в плане склепы и ямы с боковыми подбоями, но и высеченные на каменных надгробиях равноконечные манихейские кресты (Поляков С.П., 1973, табл. 9, 11, 14, 22, рис. 13-15)⁴.

³ «Земные деревья (связывались) с жилищами небесных архонтов» (Кефалайа, 1998, с. 420).

⁴ Определение крестов наше.

По мнению переводчика и автора исследования записок Ибн-Фадлана «в стране огузов посольство потерпело полную дипломатическую неудачу...». Далее караван экспедиции переплавился через р. Урал и попал в земли «враждебно настроенных башкиров», которые, по мнению Ибн-Фадлана, «худшие из тюрков ... более других посягающие на убийство». Тем не менее, он сообщал: «Одни из башкир считали, что миром управляет верховный бог в согласии с двенадцатью богами, ведавшими отдельными явлениями природы». Это заявление точно совпадает с догматами манихейской религии⁵. Башкиры до современности сохранили манихейское (персидское) имя своего верховного бога (Кудай), весенний праздник воскресающей природы, соответствующий манихейскому церковному празднику Бёма. Для башкир характерны «массово распространенные фольклорные сюжеты о захоронениях трупов и костей (умерших) на деревьях, на возвышенных местах, на поверхности земли и над землей». Этнографы отметили, что «несмотря на тысячелетний период проповеди среди них ислама, башкирами была освоена только внешняя обрядовая сторона этого учения, без существенных перемен в их древнем мировоззрении и верованиях» (Руденко С.И., 1955, с. 315-327; Кузеев Р.Г., 1974, с. 270-271; Мажитов Н.А., 1985). Башкиры даже поныне сохранили молитву-заклинание священной для всех манихеев богини Земли (Открытая книга Башкортостана, 1995, с. 54).

Итак, только через 70 дней после отъезда из Джурджании (Хорезм) посольство халифа прибыло к царю булгар, который уже склонялся к исламизации своего народа и окружающих его финно-угорских племен. Значительное влияние на булгар оказывали жители уже мусульманизированного Хорезма. Но, как указывает А.П. Ковалевский (1956, с. 32-36), «среди суваз (тюркоязычных предков чувашей – Л.К.) и болгарских племен против принятия ислама действовала целая партия», основная масса отказалась принять ислам и стала переходить на запад на правый берег Волги. Весной 923 г. посольство вернулось в Багдад – «Ничего из задуманных планов не было выполнено ... для политики халифата результаты равнялись нулю».

Обычаи и обряды булгар, описанные Ибн-Фадланом, свидетельствуют о том, что весь их народ продолжал сохранять верность своей манихейской религии. Например, подобно огузам, булгары жестоко казнили лиц обоего пола: забивали четыре столба в землю привязывали в растяжку руки и ноги, а затем тело рассекалось топором от затылка до бедер. Такой же казнью карали воров. После казни каждую часть разрубленного туловища вешали на дерево.

Так же казнили за намеренное убийство человека. А за нечаянное убийство виновного укладывали в деревянный ящик, клали с ним внутрь три лепешки и кружку с водой и забивали ящик гвоздями. Ящик затем подвешивался к треноге, составленной из бревен, связанных сверху, и так оставляли его, «пока не износит его время и не развеют его ветры». Описан еще один необычный обряд жертвоприношения: «если они увидят человека, обладающего подвижностью и знанием вещей, они говорят: “Этот более всего достоин служить нашему господу”. Итак, они берут его, кладут ему на шею веревку и вешают его на дерево, пока он не распадется на куски». Для подобных жертв нередко использовали иностранцев. Описан случай, когда булгары на корабле выбрали синдийца и, обсудив между собою, решили: «Этот человек превосходит для служения нашему господу, так отправим же его к нему»... Они вывели его в лес, наложили на шею веревку, привязали к вершине высокого дерева и отправились дальше» (Ковалевский А.П., 1956, с. 137-138)⁶.

Вполне справедливо Р.Г. Фахрутдинов в свое время обратил внимание историков-медиевистов на «отживание старых и складывание новых форм идеологии... в этнографии “домонгольских булгар” и огузов, описанных Ибн-Фадланом» (1984, с. 78-80).

В настоящее время наше обращение к арабскому первоисточнику начала X в. наглядно показало, что тюркоязычные народы Восточной Европы, расселенные меридионально от границ Средней Азии через Поволжье и Приуралье по левому берегу р. Камы, задолго

⁵ «Двенадцать великих богатых богов – здесь... двенадцать первоначальных эонов Света» (Кефалайа, 1998, с. 298, прим. 25. 15-19).

⁶ Как уже указывалось, манихейское вероучение утверждало, что земные деревья напрямую связаны с жилищами небесных архонтов. Не случайно, останки казненных преступников «отправлялись» с помощью земных деревьев в ведение именно небесных архонтов. Ср. также летописное сообщение о племени вятичей, которые хоронили умерших «на столпе, на путях».

до запоздалой мусульманской пропаганды были обращены в свое вероисповедание упорно устремленными на запад и север манихейскими миссионерами.

Учитывая приведенные данные, мы понимаем мировоззренческие причины того, почему мертвое тело Ермака было освобождено от панцирей и одежд и голым уложено на помосте. Перед нами позднее проявление манихейского обряда, рассчитанного на то, что кости скелета полностью очистятся от брэнной плоти.

Вокруг округлой могильной насыпи, под «кудрявой» сосной, художник-летописец, хорошо знакомый с деталями погребения и всей обрядовой процедурой татарских манихеев его времени, изобразил даже оградку из часто забитых в землю столбиков и поперечных стенок (рис. 1). На том же рисунке, на переднем плане, происходит разделка туши жертвенного быка; большой котел на костре готов к варке поминальной пищи (возле него стоит повар-татарин, помешивающий варево большой деревянной ложкой). А выше на поляне среди леса полукругом, по четверо, сидят мужчины, поднятием рук изображено их волнение и, очевидно, поминальные причитания и возгласы. На подносе ближайшей группы поминающих лежит уже очищенный ножами череп быка (Окладников А.П., 1981, рис. 1).

Отметим, что на рисунках С.У. Ремезова нет изображения женщин. Существенно вспомнить, что по манихейскому канону женщинам запрещено было присутствовать на общественных обращениях к Богу-создателю.

Характерен рисунок 2: справа – могила Ермака, каждый вертикальный столбик которой завершается языком пламени. А «кудрявая сосна» над курганом объята рвущимся к небу огромным столпом огня⁷. Это явление также прямо вызвано манихейскими воззрениями, утверждавшими: «Ясное, свет и горнее – все это с богом; смутное, мрак и долнее – с материей» (Сидоров А.И., 1980, с. 46). По канонам манихейства «человек был сотворен силами мрака и как силы света, обманув силы мрака, вдохнули в него частицу божественного духа» (Сидоров А.И., 1980, с. 51), то над могилой манихея на Бегишевском кладбище по вечерам «горела малая свеча Света». Над могилой же Ермака ночами стоял «огненный столп до небес» – такова была божественная сила его души.

Разбирая детали этого рисунка можно вновь убедиться в точности воспроизведения С.У. Ремезовым местных реалий. Слева от леса, где изображена могила, на оголенном взгорье, возвышаются типичные для Западной Сибири два двухэтажных здания с выступающими вперед пределами (Окладников А.П., 1981, рис. 2). Описания именно таких зданий встречаем у этнографов: «У старинных татарских домов имелось большое высокое открытое крыльцо, на которое входили по лестнице или по бревну с зарубками. До последнего времени сохранились двухэтажные старинные дома. Нижний этаж в этих домах служил зимним помещением, верхний – летним» (Хромова В.В., 1956, с. 480). Людские лица изображены Ремезовым лишь в окнах вторых этажей, тем самым, ясно, что изображенные события происходят до зимнего переселения татар (по тексту это начало ноября).

Характерна и весьма значима для изучаемой нами темы реакция мусульманских духовников на погребальные действия сибирских татар. Описанный рисунок 2 относится и к следующим словам Ремезова: «Се же виде абызы (от араб. *абиза* «священнослужитель», у поволжских татар *абыз* «просвещенный, грамотный» – Л.К.) и мурзы, что закон их (мусульманский! – Л.К.) осквернен и престаает чудотворение, запретиша всем от мала и до велика не поминать имя Ермакова, да затлится честь и слава и могила ево не явлена будет» (Окладников А.П., 1981, с. 32-33, рис. 2). Следовательно, после похорон Ермака всполошились приехавшие из Средней Азии вместе с Кучумом мусульманские муллы-проповедники, которые в это время вели борьбу за искоренение привычной для тюрок старой манихейской веры X-XIV вв. (Кызласов Л.Р., 2003).

И вот посредине рисунка на переднем плане изображена островерхая раскрытая палатка. В ней сидят на особых креслицах три бородатых мужа. Если все татары изображены в круглых шапках, то эта троица – с тюрбанами на головах. Вероятно, это и есть мусульманские судьи (кади), вершащие расправу над татарами, учинившими над Ермаком

⁷ В этом можно заподозрить и дериват обряда трупосожжения. На рисунке С.У. Ремезова на земляную насыпь двое татар забрасывают широкими деревянными лопатами нечто сыпучее (не пережженный ли прах святого героя?). У теленгитов Алтая в XIX в. умерших также сжигали на костре, косточки ссыпали в войлочный мешок, подвешивали его на лиственницу и оставляли (Тошкова Е.М., 1978, с. 130).

манихейских обряд погребения. Под ногами у судей ползет побитый ими старец, а над головой второго уже возвысил длань свою один из законников. Справа – у палатки – стоит высокий страж, а слева толпится свыше десятка местных татар, судя по жестам, живо участвующих в разбирательстве.

Итак, независимые друг от друга источники, касающиеся разных сфер общественной жизни, в равной мере проявляют особое отношение сибирских татар к Ермаку – как в момент захвата им власти в Искере, так и посмертно: в виде поклонения телу и свершения с ним специфических погребальных обрядов. Следует помнить, что и в том, и в другом случае поступки местного населения оказались враждебны предыдущему правителю Сибирского юрта шейбаниду Кучуму.

4. Кем же был Ермак?

Едва ли подобное могло случиться, будь Ермак славянином, а тем паче, русским. Невольно возникает предположение, что Ермак был знатным уроженцем Сибирского тайбугидского государства и юношей попал на р. Урал или на Волгу (был угнан ордынцами в неволю?), где в поисках свободы оказался в извечно интернациональной среде казацкой вольницы. Несомненно, прав детально исследовавший сибирскую экспедицию Ермака Р.Г. Скрынников, утверждая, что «прозвища казаков» (с которыми атаман, после 20-летних скитаний, оказался в Сибири) «указывали на их самое различное этническое происхождение» (Скрынников Р.Г., 1986. С. 188) (ср.: Щербанов Н.М., 1983. С. 116-124; Успенев Г.И., 1986, с. 124-130).

Заслуживает внимания появившаяся в литературе точка зрения, что имя Ермака было тюркским, а сам он, скорее всего, был ногайцем. «В любом случае, – пишут авторы этого предположения, – взятие Сибири было совершено в значительной степени тюркскими руками, и, как мы полагаем, сам Ермак наглядное тому подтверждение. Роль служилых “татар” или ордынцев и ранее была заметна в истории Московской Руси» (Зуев Ю., Кадырбаев А., 2000, с. 56, 57).

Необходимо учесть и то, что среди волжских казаков Ермак был известен своим прозвищем Токмак (Скрынников Р.Г., 1986, с. 188-189). Прозвище это так же, как и имя боевого атамана, имеет несомненное тюркское происхождение. По данным этимологического словаря Э.В. Севортяна, слово *ермак* (*ermäk*) существует, например, в узбекском языке, где означает «забава, развлечение, утеха, шутка». (Севортян Э.В., 1974. С. 300)⁸. Слово *токмак*, по данным большинства тюркских словарей, означает «колотушка». В древнетюркском словаре отмечен глагол *токы-* «бить», а *-мак* есть аффикс, присоединяемый к корню слова и широко употребляемый в тюркоязычных текстах XIV в. (Древнетюркский словарь, 1969, с. 576; Наджип Э.Н., 1979)⁹.

Единственный словесный портрет Ермака создан все тем же С.У. Ремезовым: «Егда же приемше протчие казаки во граде весть [о гибели атамана – Л.К.], горко плакашеса об нём, бо бе велми мужьствен и разумен, и человекен, и зрачен, и всякой мудрости доволен, плосколиц, черн брадою и власы прикудряв, возраст средней, и плоск, плечист» (Окладников А.П., 1981, с. 29). Нет сомнения, что эта характеристика вполне соответствует сибирско-татарскому смягченно-монголоидному типу внешности, а отнюдь не славяно-русскому¹⁰. Названные летописцем особенности передает и портрет Ермака, исполненный неизвестным живописцем начала XVII в. (рис. 3).

Таким образом, есть основания считать Ермака тюрком, но не ногаем, а прирожденным сибирским татаринном, происходившим, по-видимому, из знатной манихейской среды аборигенного западносибирского государства Тайбугидов, объединившего в 1495 г. местные татарские улусы и угорские княжества. Из последних выделялось Кодское, возглавлявшееся в то время князем Алачём – родоначальником будущих русских князей Алачевых (Кызласов Л.П., 1992, с. 54; Трепавлов В.В., 2002, с. 12-17)¹¹.

⁸ На с. 301 автор отметил «афф. *мак*, в его древнем значении».

⁹ Ср. в киргизском: *токмокто* «бить дубиной, дубасить» (Юдахин К.К., 1966, с. 743).

¹⁰ Ср. мнение антрополога: «Округлые высокие орбиты, довольно большой процент средневыступающих или даже плоских носов не встречается у европеоидных рас и скорее указывает на монголоидное происхождение этого типа» (Дебец Г.Ф., 1932, с. 30) (ср.: Миллер Г.Ф. 1937, с. 263).

¹¹ Последующая прорусская ориентация привела воинов Кодского княжества к активному участию их в русском завоевании народов Сибири (Кызласов Л.П., 1992, с. 46-59).

В свете изложенного, не случаен и приводившийся факт сакрализации «наследства» Ермака и его раздел между знатными людьми бывшего государства Тайбугидов, из числа угров и коренных сибирских татар.

Тайбугидская знать и ее подданные, как выявила Ремезовская летопись, проявили особую любовь и сострадание к погибшему герою-атаману, разгромившему наголову пришедшие в Сибирь из Бухары мусульманские войска шейбанидского царевича Кучума бен Муртаза. Следует еще раз сказать: именно Кучум, захватив в 1563 г. с помощью узбекских и ногайских войск город Сибирь (Искер), ставший столицей тайбугидов еще около 1495 г., убил их владетельных князей Ядгара и Бек-Пулада, подавил сопротивление сибирско-татарской и хантыйско-мансийской знати, завоевал угорские племена по Иртышу и Конде, скотоводов-тюрок в Барабинской степи и объявил себя ханом сибирским и тюменским (Трепавлов В.В., 2002, с. 14).

Вот тогда-то и начали свирепствовать мусульманские миссионеры (муфтии и муллы), стараясь истребить воздействие предшествующей старотюркской веры. Что же это была за сибирская домусульманская вера? Избранный для анализа сюжет «Сибирской летописи» позволяет наметить ряд ее характерных признаков.

5. Манихейское наследие Западной Сибири

Ярко описанный и отображенный в подробных рисунках С.У. Ремезовым погребальный обряд, совершенный татарами, является не только свидетельством особого отношения аборигенов Сибири к Ермаку, но и убедительным свидетельством давнего и длительного существования и в Западной Сибири манихейской религии. Именно она была той единственной мировой монотеистической религией, которая в IX–XIV вв. объединяла все тюркоязычные народы Евразии и многих их соседей. Как известно к XI–XII вв. проповедники вероучения Мани действовали на просторах Евроазиатского материка от Атлантического океана до Тихого (Луконин В.Г., 1969; Кызласов Л.Р., 1998).

География распространения сибирского манихейства, которую мы выводим благодаря показаниям мусульманского миссионера 922 г., позволяет заключить, что манихейская пропаганда по долинам Тобола и Иртыша, текущих на север, достигла угорских племен сибирского Зауралья еще в IX–X вв. Неудивительно, что тюркоязычные сибирские татары оставались манихеями и в эпоху Ермака в конце XVI в.

В Западной Сибири манихейство исповедовалось сибирскими татарами не только в XVI в., но и много позднее. Так, Д.Г. Мессершмидт, в 1721 г. обследовавший барабинских татар, в путевом дневнике записал: «О боге барабинцы говорили, что существует один бог – “Brok-Kutai”, который находится на небе...». Кроме того, барабинцы почитали солнце, луну, огонь, приносили жертвы. При болезни или смерти сородича забивали скотину, ставили перед жилищем священный белый полотняный флаг на копье; вдова обращалась к богу: «Kutaim», т.е. «О, боже мой!». Примечательно, что барабинцы сохранили обычай, отмеченный Ибн-Фадланом у болгар еще в 922 г.: «они обязательно водружают у двери его (умершего – Л.К.) юрты знамя.. Когда же свершатся два года, они снимут знамя» (Ковалевский А.П., 1956, с. 140). Вероятно, это был общеманихейский обычай.

Другой ученый – И.П. Фальк – посетивший в 1771–1772 гг. североалтайских телеутов, записал: «Телеуты верят в доброго и могущественного бога (Кудай) и в более слабого, враждебного ему чёрта» (Титова З.Д., 1976, с. 131, 136, 137; Фальк И.П., 1995, с. 40–42) (ср.: Дмитриева Л.В., 1981, с. 19). Принесенное манихейскими миссионерами с далекого юга персидское имя единого бога, адаптированное сибирскими народами как *худай* или *кудай* продолжает сохраняться у них и сегодня, в том числе на западе Сибирской земли. Мусульмане призваны следовать постулату ислама «Нет бога, кроме Аллаха», но среди сибирских татар до сих пор употребляются средневековые термины *Тенгри* «Небо» и *Худай* «Бог». При этом известно, что последнее имя происходит «от персидск. Худай – бог» (Валеев Ф.Т., 1978, с. 115).

Словарь А. Йоки отмечает, что у сибирских татар в тобольском диалекте сохранился термин *худā* «бог»; в тюменском диалекте – то же самое, даже у вогул (манси) «бог» имел форму *kotai* – адаптированную ими из языка тюменских татар. Эти данные хорошо дополняются материалами этимологического словаря тюркских языков, составленного М. Рясаненом: тобольское, якутское, хакасское *худай* «Бог», казанскотатарское *kōdaj*, вогульское *kotai* < перс. *hudāy* (Joki A.J., 1952, s. 205; Räsänen M., 1969, s. 162) (ср. Балакин Ю.В., Яшин В.Б., 1985).

Только теперь в истории культуры и духовности аборигенного населения Северной Азии начинает постепенно проявляться целая забытая в глубине веков, важнейшая эпоха полного преобладания мировой монотеистической религии – сибирского манихейства (Кызласов Л.Р., 2001, с. 83-90; Открытие государственной религии..., 1999). Как известно, на историческое развитие человечества большое влияние имело не столько взаимодействие, сколько борьба мировых религий между собой.

6. Духовные особенности присоединения Западной Сибири

В чем причина того, что местные жители Западной Сибири (татары и угры), манихеи по своей конфессиональной принадлежности, в борьбе с Кучумом обратились за помощью на запад к православным христианам Московской Руси? Оказалось, что это произошло не потому только, что религия манихеев и христиан в равной степени не приемлет мусульманскую веру. Причина заключалась в особой канонической близости манихейского и христианского вероучений.

Возникнув в III в. н.э., дуалистическое учение пророка Мани («Бог есть благо, материя – зло...») вскоре стало мировой религией. Размежевание двух начал у манихеев прежде всего оказалось пространственно географическим – «и землю они делят: три части – восток, запад и север отдают Благу, юг – Злу... Благо обладает ощутимым перевесом над Злом, это выражается даже в том, что три части света из четырех принадлежат ему» (Сидоров А.И., 1980, с. 46)¹². Исходя из вышесказанного, манихеи Западной Сибири воспринимали вторжение в долину Среднего Иртыша введомых Кучумом мусульманских войск, вышедших из далекого Бухарского оазиса, не иначе, как вторжение иноверцев с юга. Поэтому целых три года Ермаковы казацкие дружины старательно освобождали благодатные сибирские земли от пришельцев-завоевателей.

Идеология манихейства объясняет весь сакраментальный ореол мученичества и святости личности Ермака, а также преклонение и неутешное горе аборигенов Сибири по поводу безвременной гибели подлинного героя-защитника народов севера, посланного не иначе, как по воле единого бога Худая.

Обращаем далее внимание читателя на разъяснения исследователя манихейства: «Спасителем человечества, освободителем плененного в нем света манихеи считают Христа... образ Христа – органический компонент не только западного (т.е. развивавшегося на античной почве), но и восточного манихейства. Сам Мани выступает в роли его апостола, обещанного Христом Параклета» (Сидоров А.И., 1980, с. 51). В одном из своих сочинений пророк написал: «Мудрость и труд, которые из эона в эон переносят посланцы бога, не прекращаются. В некий век они пришли [в мир] в образе Будды в области Индии; в другой век – в образе Заратустры в земле персов; еще в один век – образе Иисуса в земле Запада (выделено мною – Л.К.); затем снизошло это откровение и обрело свое пророческое достоинство в этот последний век в моем, Мани, собственном образе – образе посланца бога в земле Вавилонии» (Сидоров А.И., 1980, с. 51).

Следует учесть также, что как в христианстве, так и в манихействе основной сакральной фигурой являлся крест, который, как полагают, символизировал собой перекресток между жизнью и смертью (Топоров В.Н., 1988, с. 12-14). Форма манихейского креста происходит от ранних восточнохристианских образцов, но она вполне может быть отличима от подобного прочего символического материала. Памятники средневековой материальной культуры чачско-семиреченских земель, относящиеся к центрам расселения манихеев в VI-X вв., раскрыли, что все манихейские кресты равноконечны, а концы их иногда были расширены (Кызласов Л.Р., 1958, с. 153, рис. 1; 1959, рис. 3, III и 5, В; Джумагулов Ч., 1963, с. 28-29, рис. 13-14; Зуев Ю.А., 2002, рис. 2) (ср.: Klimkeit H.-J., 1979, s. 99-115, pl. 10). В то же время христианские имеют удлиненную вертикальную крестовину. Несторианский крест также имел менее выраженную, но удлиненную к низу вертикаль и расширяющуюся к концам перекрестия (иногда округленные) (Джумагулов Ч., 1987, с. 38-58, табл. 1-14; Кольченко В.А., 2003).

Указанные сходства, несмотря на существенную разницу канонических текстов, обрядов и установок, позволяли христианским народам Западной Европы манихейские общины богомилов, катаров и павликиан расценивать всего лишь как еретические секты (Виденгрэн Г., 2001, с. 237; Сидоров А.И., 1980, с. 58).

¹² О неприятии манихеями мусульманства см. (Сидоров А.И., 1980, с. 59, прим. 55).

Рис.1

Рис.2

Рис. 3

Эти взаимосвязи двух религий в XVI в. были хорошо известны и тюркоязычным манихеям, оставшимся на огромной территории бывшего Золотоордынского государства¹³, а также христианскому миру самой Восточной Европы. Именно оттуда, с Запада, ждали в трудные времена западносибирские манихеи пришествия своего спасителя – Иисуса-Сияние, одного из добрых действующих сил манихейского пантеона. Оттого и адресовали они христианской России просьбы от помощи, адресовали задолго до появления Ермака – еще в середине XVI в. Потому и было быстрым и практически бескровным продвижение русских отрядов в Сибири, встречавших не сопротивление, а содействие местного западносибирского населения. Случай конкретного проявления манихейских эсхатологических ожиданий и встречаем мы в освящении погибшего Ермака.

С нашей точки зрения, историкам России необходимо вновь рассмотреть существующую в нашей науке концепцию об идеологической основе отношений «Дикой Татарии» с Русью в эпоху позднего средневековья. И в особенности взаимоотношения Московской Руси с татарами в эпоху Казанского ханства и после присоединения его земель к Российскому государству. Духовное родство татар-манихеев и русских христиан ярко выражено в том, что в Архангельском соборе Кремля – в усыпальнице московских царей – погребены два казанских царевича XVI в., принявших православие. «Один из них, Кудай-кул, получивший при крещении имя Петр, породнился с великим князем Иваном III, женившись на его дочери Евдокии» (Панова Т.Д., 2002, с. 168). Манихейское имя Кудай-кул буквально означает «Раб Божий».

Русь и Россия собирались и собрались потому, что до них на землях Восточной Европы, Сибири, Казахстана и Средней Азии издревле складывалось Великое единство сначала племенных союзов, потом ранних государств и народов: иранцев, тюрков, угров и славян. Многосложный исторический процесс исподволь переплел взаимно тяготевшие друг к другу этнические общности, объединяемые общностью судеб и близостью духовных устремлений.

С раннего средневековья и до XVII-XVIII вв. этому способствовали идеологические постулаты двух мировых религий Креста, распространившихся в то время по евразийскому континенту: христианства и манихейства. Длительное веками политико-экономическое соседское взаимодействие православных славян и тюрков-манихеев, имевших сходные дуалистические основы своих синкретических религиозных систем, с их обоюдным обращением к страдальческому образу Иисуса Христа и крестной символике, создавало предрасположение к возникновению духовной близости соседних народов и к возможности соединения их исторических судеб.

Итак, одна из скрытых от глаз историка, но наиболее действенных пружин исторических процессов схождения или расхождения этнических коллективов скрывается в сфере духовности.

Литература

1. Ахмедов Б. Государство кочевых узбеков. – М., 1965. – 196 с.
2. Балакин Ю.В., Яшин В.Б. Представления об огне у иранцев и манси // Мировоззрение народов Западной Сибири по археологическим и этнографическим данным. – Томск, 1985.
3. Валеев Ф.Т. Алтайские этнические элементы у западносибирских татар // Этнография народов Алтая и Западной Сибири. – Новосибирск, 1978. – С. 104-124.
4. Вернадский Г.В. К вопросу о вероисповедании монгольских послов 1223 г. // *Seminarium Kondakovianum* – Prague, 1929. – Т. III. – Р. 145-147.
5. Виденгрэн Г. Мани и манихейство. – СПб., 2001. – 254 с.
6. Гольденберг Л.А. Семен Ульянович Ремезов. Сибирский картограф и географ (1642 – после 1720 гг.). – М., 1965. – 260 с.
7. Гордлевский В.А. Избранные сочинения. – М., 1960. – Т. I. Исторические работы. – 551 с.

¹³ См. недооцененную историками работу Г.В. Вернадского «К вопросу о вероисповедании монгольских послов 1223 г.» в *Seminarium Kondakovianum* (1929, р. 145-147) Ср.: Кепек, сын хана Тохтамыша, действовавший в начале XV в., имел манихейское персидское имя Худадад (Богом данный) (Ахмедов Б., 1965, с. 38-39). Он назван Куйдадатом в русской Никоновской летописи под 6930 (1420) годом.

8. Дебец Г.Ф. Рассовые типы населения Минусинского края в эпоху родового строя // Антропологический журнал, 1932. – № 2.
9. Джумагулов Ч. Эпиграфика Киргизии. – Фрунзе, 1963. – Вып. 1. – 78 с.
10. Джумагулов Ч. Эпиграфика Киргизии. – Фрунзе, 1987. – Вып. 3. – 168 с.
11. Дмитриева Л.В. Язык барабинских татар. Материалы и исследования. – Л., 1981. – 235 с.
12. Древнетюркский словарь. – Л., 1969. – 676 с.
13. Зуев Ю.А. Ранние тюрки: очерки истории и идеологии. – Алматы, 2002. – 338 с.
14. Зуев Ю., Кадырбаев А. Поход Ермака в Сибирь: тюркские мотивы в русской теме // Вестник Евразии. – М., 2000. – № 3 (10).
15. Кефалайя («Главы»). Коптский манихейский трактат. Перевод, исследование, комментарий, глоссарий и указатель Е.Б. Смагиной. – М., 1998. – 512 с.
16. Ковалевский А.П. Книга Ахмеда Ибн-Фадлана о его путешествии на Волгу в 921-922 гг. Статьи, переводы и комментарии. – Харьков, 1956. – 347 с.
17. Кольченко В.А. Периодизация распространения христианства в Средней Азии по данным археологии // Буддизм и христианство в культурном наследии Центральной Азии. – Бишкек, 2003. – С. 53-73.
18. Краткая сибирская летопись (Кунгурская) со 154 рисунками. – СПб., 1880. – 52 с.
19. Кузеев Р.Г. Происхождение башкирского народа. – М., 1974. – 571 с.
20. Кызласов Л.Р. Остатки замка VI-VII вв. на городище Ак-Бешим // СА. 1958. – № 3. – С. 152-161.
21. Кызласов Л.Р. Археологические исследования на городище Ак-Бешим в 1953-1954 гг. // Труды Киргизской археолого-этнографической экспедиции АН СССР. – М., 1959. – Т. 2. – С. 155-241.
22. Кызласов Л.Р. Письменные известия о древних городах Сибири. Спецкурс. – М., 1992. – 134 с.
23. Кызласов Л.Р. Северное манихейство и его роль в культурном развитии народов Сибири и Центральной Азии // ВМУ. Серия 8. История. – М., 1998. – № 3. – С. 8-35.
24. Кызласов Л.Р. Сибирское манихейство // Этнографическое обозрение. – М., 2001. – № 5. – С. 83-90
25. Кызласов Л.Р. Тюрко-иранское языковое взаимодействие (письменность и религия) // Дешт-и Кипчак и Золотая Орда в становлении культуры евразийских народов. – М., 2003. – С. 287-293.
26. Луконин В.Г. Культура Сасанидского Ирана. Иран в III-V вв. Очерки по истории культуры. – М., 1969. – 242 с.
27. Мажитов Н.А. О системе религиозных верований ранних башкир // Мировоззрение народов Западной Сибири по археологическим и этнографическим данным. – Томск, 1985.
28. Миллер Г.Ф. История Сибири. – М.-Л., 1937. – Т. 1. – 607 с.
29. Наджип Э.Н. Историко-сравнительный словарь тюркских языков XIV века. Кн. 1. – М., 1979. – 479 с.
30. Нестеров А.Г. Формирование государственности у тюркских народов Урала и Западной Сибири в XIV-XVI вв. // Дешт-и Кипчак и Золотая Орда в становлении культуры евразийских народов. – М., 2003. – С. 109-121.
31. Окладников А.П. Туземные легенды о Ермаке (Опыт историко-этнографической интерпретации) // Известия СОАН СССР, серия общест. наук. – Новосибирск, 1981. – № 11. – Вып. 3. – С. 27-37.
32. Открытая книга Башкортостана. – Уфа, 1995. – 336 с.
33. Открытие государственной религии древних хакасов. Мани и манихейство. – М.-Абакан, 1999. – 90 с.
34. Панова Т.Д. Некрополь Архангельского собора // Архангельский собор Московского кремля. – М., 2002. – С. 188-200.
35. Поляков С.П. Этническая история Северо-Западной Туркмении в средние века. – М., 1973. – 197 с.
36. Руденко С.И. Башкиры. Историко-этнографические очерки. – М.-Л., 1955. – 393 с.
37. Севортян Э.В. Этимологический словарь тюркских языков. Общетюркские и межтюркские основы на гласные. – М., 1974. – 767 с.
38. Сибирские летописи. – СПб., 1907. – 455 с.

39. Сидоров А.И. Неоплатонизм и манихейство // Вестник древней истории. – М., 1980. – С. 44-63.
40. Скрынников Р.Г. Сибирская экспедиция Ермака. 2-е изд. – Новосибирск, 1986. – 318 с.
41. Титова З.Д. Барабинские татары // Из истории Сибири. – Томск, 1976. – Вып. 19. Западносибирский сборник.
42. Топоров В.Н. Крест // Мифы народов мира. Энциклопедия. – М., 1988. – Т.2. – С. 12-14.
43. Тоцакова Е.М. Традиционные черты народной культуры алтайцев (XIX – начало XX в.). – Новосибирск, 1978. – 160 с.
44. Трепавлов В.В. Татарские ханства Сибири XV-XVI вв. // Преподавание истории в школе. – М., 2002. – № 4: Прошлое Сибири. Материалы для уроков. – С. 12-17.
45. Успенъев Г.И. Тюркоязычное население в составе Сибирского казачьего войска в XIX в. // Этногенез и этническая история тюркских народов Сибири и сопредельных территорий. – Омск, 1983. – С. 124-130.
46. Фальк И.П. Телеуты // Разыскания. Историко-краеведческий альманах. – Кемерово, 1995. – Вып. 4.
47. Фахрутдинов Р.Г. Очерки по истории Волжской Болгарии. – М., 1984. – 216 с.
48. Фиалков Д.Н. О месте гибели и захоронения Ермака // Экономика, управление и культура Сибири XVI-XIX вв. Материалы по истории Сибири. Сибирь периода феодализма. – Новосибирск, 1965. – Вып. 2.
49. Хромова В.В. Западносибирские татары // Народы мира. Этнографические очерки. Народы Сибири. – М.-Л., 1956. – С. 473-491.
50. Щербанов Н.М. Этнокультурные связи уральского казачества с соседними тюрко- и монголоязычными народами // Этногенез и этническая история тюркских народов Сибири и сопредельных территорий. – Омск, 1983. – С. 116-124.
51. Юдахин К.К. Киргизско-русский словарь. – М., 1966. – 973 с.
52. Joki A.J. Die Lehnwörter des Sayansamojedischen. – Helsinki, 1952. – 395 s.
53. Klimkeit H.-J. Das Kreuzessymbol in der Zentralasiatischen Religionsbegegnung // Zeitschrift für Religion- und Gestesgeschichte. – В., 1979. – Т. 31. – S. 99-115.
54. Räsänen M. Versuch eines etymologischen Wörterbuch der Türksprachen. – Helsinki, 1969. – 533 s.

Список иллюстраций к статье Кызласова Л.Р.

- Рис.1. Захоронение трупосожжения Ермака в земляной насыпи под деревом и поминальный пир в его честь, устроенный местными сибиряками на Бегишевском кладбище в августе 1585 г. Рисунок из летописи С.У. Ремезова.
- Рис.2. Сцена суда мусульманских кади – расправа над сибирскими татарами-манихеями у могилы Ермака, озаренной пламенем и столпом света, рвущегося к небу из праха манихейского святого. Рисунок из летописи С.У. Ремезова.
- Рис.3. Портрет Ермака, выполненный неизвестным художником XVIII века.

Соёнов В.И.
(г.Горно-Алтайск)

ШЛЕМ ИЗ СЫМЫЛТЫ

Введение. Предметы защитного вооружения древнего и средневекового населения Евразии являются редкой археологической находкой, по количеству не сравнимой с многочисленными находками предметов наступательного вооружения. Поэтому каждый экземпляр защитных средств или его фрагмент, даже случайно обнаруженный, имеет большое значение для исследователей. Без изучения защитного вооружения не только невозможно проследить эволюцию оружия и военного дела, но и невозможно восстановить подлинную историю наших предков. По уровню развития защитного

вооружения, его формам можно судить о многих факторах военной, а также экономической, социальной и политической жизни того или иного общества прошлого (Горелик М.В., 1987, с.163).

В связи с этим, представляет интерес находка металлического шлема в устье р.Сымылты – правого притока р.Катуни в Онгудайском районе Республики Алтай. Он доставлен с животноводческой стоянки в 80-х гг. XX века жителем села Шашикман Тыбыковым Валерием Учуровичем. Обстоятельства находки выяснить, к сожалению, не удалось. Шлем был передан В.У.Тыбыковым через сестру Ютееву Розу Учуровну в общеобразовательную среднюю школу села Козуль Усть-Канского района. В настоящее время он хранится в экспозиции козульского школьного музея им. А.В.Матина¹.

В июне 2004 года с помощью директора школы Ябыковой Галины Талбыевны и зам. директора по воспитательной работе Ютеевой Айсулу Викторовны нам удалось ознакомиться с находкой, которую публикуем ниже².

Описание. Шлем сфероконической формы состоит из купола, обруча и навершия, изготовленных из железа (рис.1). Купол формирует четыре выпуклых сектора: в лобной, височной и затылочной частях (рис.1 – 1). Высота купола с обручем 11,2 см. Общая высота шлема с трубкой для плюмажа 20,7 см. Размеры между лобной и затылочной частями 20 см, между височными частями 18 см. Секторы соединялись друг с другом внахлест 12 заклепками, расположенными по три в ряд вдоль каждого края. Заклепки сохранились не все – от некоторых остались только сквозные отверстия. По краям, где расположены заклепки, имеется орнаментация в виде одного ряда мелких бугорков. В височных секторах с обеих внешних сторон приклепаны по одной «заплатке» вытянуто-овальной формы размерами 3,2x1,1 см и 2,5x1,1 см. По краям «заплаток» имеется мелкая насечка.

Основание шлема образует широкий составной обруч, сохранившийся не полностью. Пластины обруча, расширяющиеся к затылочной части, соединялись с куполом и между собой заклепками (рис.1 – 2). По верхнему краю пластины украшены насечками в виде штрихов и треугольников. По нижнему краю обруча имеются отверстия, сгруппированные по четыре. Исключение составляют два отверстия в лобной части.

В настоящее время отделенное от купола навершие шлема с трубкой для плюмажа сохранилось не полностью (рис.1 – 3). Его сохранившаяся часть почти плоская, имеет в плане форму полукруга с фестончатым краем. Навершие крепилось к пластинам купола заклепками. Общее количество заклепок было восемь: по одной заклепке в височных секторах, две заклепки в затылочном секторе, четыре – в лобном. Трубка для плюмажа высотой 9,5 см, с внешним диаметром 1,1 см слегка отогнута назад. Конец трубки немного расплюснен. Навершие и трубка выкованы из единой железной пластины, о чем свидетельствует шов, четко прослеживаемый по всей длине трубки.

В целом, сымылтинский шлем представляет собой достаточно упрощенный образец изделия данной категории. Он оформлен только необходимым минимальным набором и не имеет дополнительных деталей декора как наносник, козырек, забрало, надбровные вырезы, накладные пластины и др.

Реконструкция. Публикуемое изделие пока не имеет прямых аналогий. Некоторые утраты в определенной степени затрудняют его интерпретацию. Однако можно уверенно утверждать, что это была каска, которая укрывала только верхнюю часть головы. В трубку на навершии шлема вставлялся плюмаж. Самым популярным типом плюмажа в древности и средневековье был султан из конского волоса или шелковой кисти, а также флажок и пучок перьев. Под шлем, несомненно, одевался подшлемник (шапка или капюшон) для амортизации ударов. Он мог быть изготовлен из кожи и войлока или простеганной с войлоком ткани. Шлем плотно сидел на голове воина, практически повторяя форму верхней части черепа. При его ношении оставались неприкрытыми уши, шея и лицо. Поэтому ис-

¹ Александр Викторович Матин – рано ушедший из жизни талантливый педагог, журналист, спортсмен и общественный деятель.

² В козульском школьном музее выставлены, кроме публикуемого шлема, следующие археологические материалы: фрагмент стенки с участком венчика крупного керамического лепного сосуда (найден в 1992 г. А.В.Матиным предположительно на высокогорном укреплении Курее-Таш); два каменных жернова ручной мельницы (найжены в 1970-х гг. Майданом Чининым в урочище Сары-Чаба у с.Козуль); обломок каменной плиты с выбитыми изображениями (найден в 1990-х гг. Жухраем Бакрасовым в урочище Сары-Кобы в 4-5 км от с.Озерное)

пользовалась бармица – полог, спускающийся к плечам, прикрепленный к нижнему краю обруча шлема через отверстия, сгруппированные по четыре. Два отверстия, имеющиеся в лобной части обруча свидетельствует о том, что бармица была закрытой. При использовании такой бармицы открытыми оставались только глаза воина. Трудно реконструировать и структуру бармицы, т.к. варианты могут быть самыми разнообразными. Наиболее вероятной могут быть: бармица из толстой мягкой кожи или войлока, кольчужная бармица, ламеллярная или ламинарная бармица из твердых материалов (расписной твердой кожи, металла).

Вопросы датировки и происхождения. Поскольку публикуемый шлем обнаружен случайно, вопросы его датировки и происхождения могут быть решены в данный момент только типологическим путем и весьма предположительно.

Средства защиты появились в древнейшие времена с эволюцией наступательного вооружения и развитием военного дела. Видимо, уже в конце каменного века начали использоваться первые защитные головные уборы, которые были шапками из мягких материалов (например, кожи). Позже эти шапки стали укреплять пластинами из кости или рога, а потом и деталями из металла (в первую очередь, из меди и бронзы). Полностью металлические шлемы появились в эпоху энеолита-бронзы и относятся к середине III тыс. до н.э. (Горелик М.В., 1993, с.154). Первые свидетельства применения на Алтае бронзовых шлемов для защиты головы воина приходятся к началу эпохи раннего железа, а железных – к эпохе «великого переселения народов» (Горбунов В.В., Исупов С.Ю., 2002, с.138).

Судя по имеющимся археологическим находкам (даже без учета изобразительных памятников), можно утверждать, что уже в раннем средневековье население Горного Алтая достаточно широко использовало металлические шлемы. Фрагменты железных шлемов обнаружены в процессе раскопок памятников второй половины V – первой половины IX вв.: смежной поминальной оградки кудыргинского типа на памятнике Мендур-Соккон-I на р.Чарыше (Соёнов В.И., Эбель А.В., 1997, рис.3 – 2; Соёнов В.И., Глебов А.М., 1997, с.152-154) и воинского погребения на памятнике Балык-Сёёк на р.Урсул (Кубарев Г.В., 2002, рис.9). Данные экземпляры раннесредневековых шлемов были изготовлены из нешироких пластин без обруча и имели ламеллярную или кольчужную бармицу (Горбунов В.В., 2003, с.26). Таким образом, сымылтинский шлем и вышеупомянутые раннесредневековые образцы значительно отличаются по основным конструктивным признакам.

Шлемы эпохи развитого и позднего средневековья на Алтае при раскопках пока не обнаружены. Единственный известный железный шлем, найденный случайно на р.Мульта, относится к защитному вооружению монгольского образца XIII-XIV вв. (Горбунов В.В., Исупов С.Ю., 2002, рис.2). Он относится к каркасно-секторным изделиям и имеет коническую форму, что также значительно отличает его от публикуемого нами сымылтинского шлема.

В эпоху развитого и позднего средневековья алтайское вооружение, несомненно, испытало сильное влияние монгольской военной традиции. Уже в монгольское время население Алтая было в зависимости от государств улуса Джучи и Хайду и поставляло воинов в монгольские войска (Худяков Ю.С., 1988, с.184). Поэтому, видимо, публикуемый шлем в некоторых деталях близок к центральноазиатским изделиям XIII-XVIII веков. В частности, монгольские шлемы, как и данный образец, в большинстве своем ковались из нескольких секторов (от двух до восьми); а также имели приземистую сфероконическую форму, составные обручи с резными верхними краями, отогнутые назад трубки для плюмажа, навершия в виде многолепесткового цветка, отверстия для подвешивания бармицы, различные формы бармиц. Но, несмотря на такое общее конструктивное сходство с ними, сымылтинский шлем имеет определенные отличия от центральноазиатских шлемов в оформлении тульи, в отсутствии резных накладок на стыках пластин, в отсутствии козырька и т.п., что, вероятно, свидетельствует о местном происхождении публикуемого изделия.

К сожалению, других находок металлических головных уборов эпохи развитого и позднего средневековья в Горном Алтае пока не зафиксировано, хотя шлемы, несомненно, использовались. Неслучайно металлические головные уборы являются обязательным атрибутом алтайского фольклора. В героических сказаниях, например, упоминаются несколько разновидностей металлических шлемов: 1) «*күлер калбан бөрүк*» – бронзовый шлем с бармицей (алтайское *калбан-даар* – висеть, болтаться); 2) «*үч булунду алтын сүмер бөрүк*» – трехчастный (с двумя наушниками и назатыльником?) золотой островерхий

шлем (алтайское *булун* – мыс); 3) «*кан јалаалу темир кара бөрүк*» – черный железный шлем с красным гребнем (султан? пучок перьев? флажок?); 4) «*кара чой бөрүк*» – черный чугунный шлем (Соёнов В.И., 1994, с.178). Алтайские фольклорные материалы о некоторых деталях шлемов достаточно точно соотносятся с деталями позднесредневековых центральноазиатских реалий. Например, в позднесредневековых металлических шлемах, как правило, использовались ламеллярные, пластинчато-нашивные, тканевые бармицы, которые разрезались на три сегмента – две боковины (наушники) и назатыльник, а кольчатые бармицы, как и ранее, составляли единое целое; сам шлем венчало навершие с трубкой (островерхость!); в трубку для плюмажа вставлялись шелковые кисти красного цвета или султан из крашенного конского волоса или пучок перьев (Бобров Л.А., Худяков Ю.С., 2003, с.145-148).

Выводы. Таким образом, можно резюмировать, что публикуемое изделие представляет собой упрощенный образец металлического шлема сфероконической формы, состоящий из четырехчастного купола, составного обруча и навершия с трубкой для плюмажа. Он оформлен только необходимым минимальным набором и не имеет дополнительных деталей декора. Это, возможно, объясняется местными традициями оформления шлемов или срочностью изготовления данного изделия. Сымылтинский шлем не имеет прямых аналогий и по конструктивным признакам отличается от имеющихся южносибирских и центральноазиатских образцов эпохи раннего и развитого средневековья. Исходя из этого, предварительно можно отнести его к изделиям местных оружейников эпохи позднего средневековья – начала нового времени и датировать XV-XVIII вв. В дальнейшем, при отсутствии новых находок аналогичных образцов в датированных закрытых археологических комплексах, только изучение способа получения использованного железа, особенностей приемов его обработки и техники изготовления шлема, а также анализ микроструктуры и химического состава металла дадут возможность более точного решения вопросов о месте добычи железа, времени и места изготовления сымылтинского шлема.

Литература

1. Бобров Л.А., Худяков Ю.С. Боевые наголовья кочевников Монголии и Калмыкии второй половины XVI – начала XVIII в. // Древности Алтая. – Горно-Алтайск, 2003. – №11. – С.138-155.
2. Горбунов В.В. Военное дело населения Алтая в III-XIV вв. Часть I. Оборонительное вооружение (доспех). – Барнаул, 2003. – 173 с.
3. Горбунов В.В., Исупов С.Ю. Монгольские шлемы с территории Алтая // Материалы по военной археологии Алтая и сопредельных территорий. – Барнаул, 2002. – С.135-143.
4. Горелик М.В. Ранний монгольский доспех (IX – первая половина XIV в.) // Археология, этнография и антропология Монголии. – Новосибирск, 1987. – С.163-208.
5. Горелик М.В. Оружие Древнего Востока (IV тыс. до н.э. – IV в. до н.э.). – М., 1993. – 349 с.
6. Кубарев Г.В. Доспех древнетюркского знатного воина из Балык-Сёёка // Материалы по военной археологии Алтая и сопредельных территорий. – Барнаул, 2002. – С.88-112.
7. Соёнов В.И. Обзор вооружения и военной тактики кочевников Алтая в XIII-XVIII вв. по материалам героического эпоса // Археологические и фольклорные источники по истории Горного Алтая. – Горно-Алтайск, 1994. – С.176-187.
8. Соёнов В.И., Глебов А.М. Средневековый алтайский шлем // Известия лаборатории археологии. – Горно-Алтайск, 1997. – №2. – С.152-154.
9. Соёнов В.И., Эбель А.В. Ритуальные сооружения могильника Мендур-Соккон I // Известия лаборатории археологии. – Горно-Алтайск, 1997. – №2. – С.103-115.
10. Худяков Ю.С. Вооружение кочевников Алтая в первой половине II тыс. н.э. // Археология Горного Алтая. – Горно-Алтайск, 1988. – С.168-202.

Подпись иллюстрации к статье Соёнова В.И.

Рис.1 Сымылтинский шлем. 1 – вид сверху; 2 – вид сбоку; 3 – навершие с трубкой.

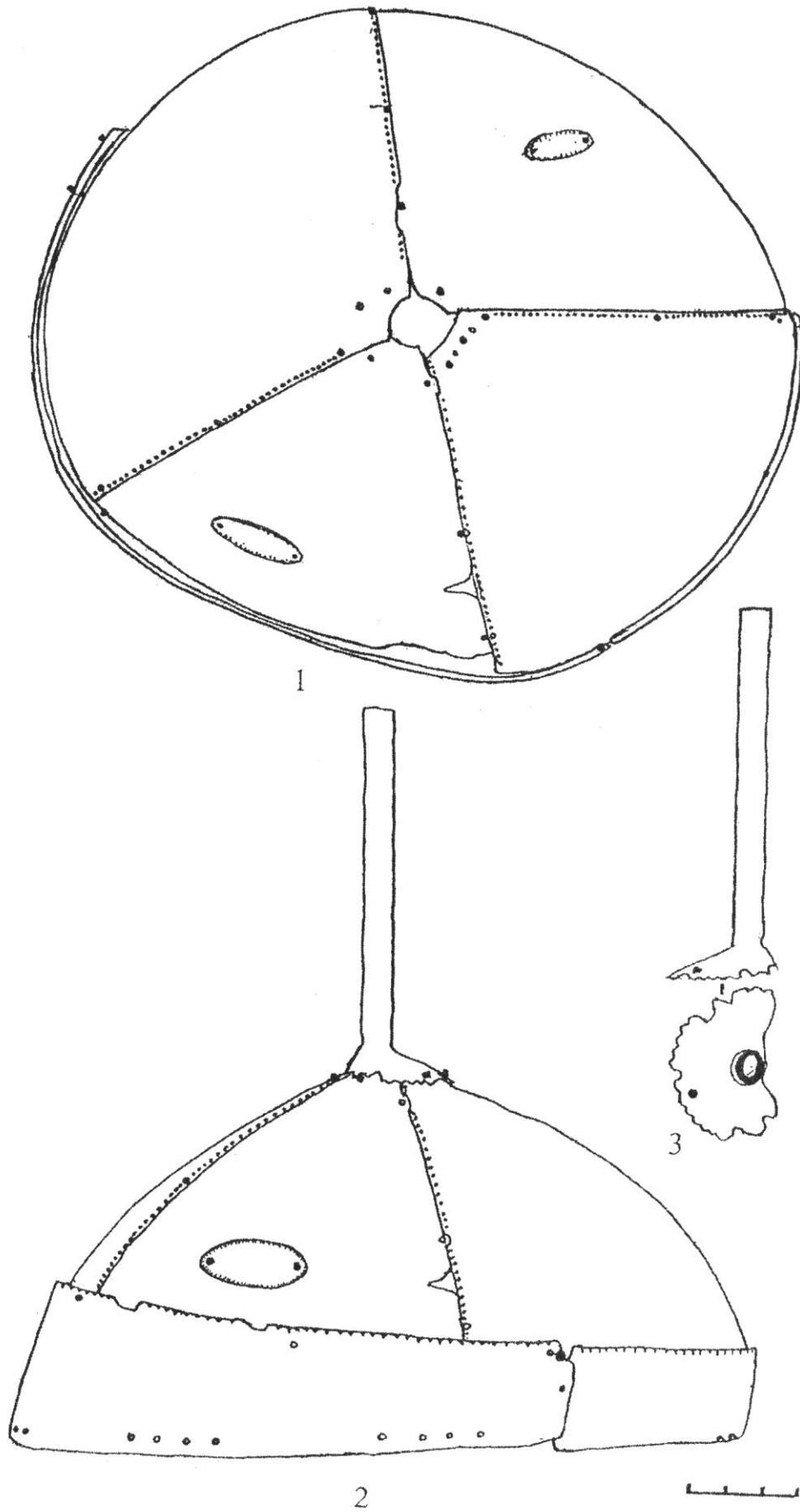

Рис. 1

Вдовина Т.А.
(г.Горно-Алтайск)

ИЗУЧЕНИЕ ОРОСИТЕЛЬНЫХ СИСТЕМ ГОРНОГО АЛТАЯ В 2003 ГОДУ

В 2003 г. нами были начаты работы по поиску и фиксации остатков оросительных сооружений на территории Горного Алтая. Информация о наличии на Алтае древних оросительных систем имеется уже у первых исследователей Алтая, которые наряду с описанием рельефа, флоры и фауны, климата и т.д. упоминают о поливных каналах использовавшихся для орошения пашен и покосов. Некоторые ученые не ограничивались простым описанием местонахождения каналов, но и делали предварительные выводы о времени их возникновения.

В.В. Радлов отмечал, что «найденные в Абаканской степи, на Уймоне и Бухтарме остатки древних каналов для искусственного орошения степей, могут принадлежать народам железного века...». Кроме того, ученый не исключал возможности сооружения оросительных систем Саяно-Алтая в более ранний период, так как «кажется неправдоподобным, что кочующие народы часто использовали столь значительные сооружения для орошения...» (Радлов В.В., 1894. с.209).

С.И. Руденко, характеризуя физико-географические условия бассейна р.Чулышман пришел к выводу, что плодородная почва и жаркое лето создают благоприятные условия для возделывания земли, но в связи с засушливым климатом «искусственное орошение целой системой арыков (сувахов) обеспечивает урожай хлебов и трав» (Руденко С.И., Глухов А.Н., 1927. с.38). Указывая на факт, что теленгиты Чулышмана широко используют оросительные каналы, С.И. Руденко не сомневался в древности этих сооружений.

В.И. Верещагин, во время путешествия по Чулышманской долине повсеместно фиксирует наличие оросительных сооружений. Небольшие участки местного населения «...в несколько квадратных сажен...обнесенные изгородью, орошаются, как и всюду на Алтае, при помощи поливных канав или арыков» (Верещагин В.И., 1927. с.19). Но наряду с используемыми каналами, В.И. Верещагин упоминает об остатках старых оросительных сооружений, которые «...приписываются загадочному народу – чуди» (Верещагин В.И., 1927. с.22). Посетив высокогорные районы Алтая, исследователь отметил, что по долинам рек встречаются поливные каналы: «около Чибита в урочище Сары-Тума, изрытом арыками – последние посева по Чуйскому тракту» (Верещагин В.И., 1927. с.51).

В.В. Сапожниковым при описании села Катанда Усть-Коксинского района отмечено, что «хлебопашество в хорошем состоянии только благодаря искусственному орошению арыками...» (Сапожников В.В., 1897. с.54). Им же упоминаются каналы в окрестностях с.Чибит и по долине Чулышмана.

В «Отчете о работах Саяно-Алтайской археологической экспедиции в 1935г.» детально описана древняя оросительная система урочища Тото в Кош-Агачском районе. Канал «отходящий самотеком от р.Ак-Тура, представляет собой далеко не всюду заметное корытообразное углубление (до 20 см.) шириной около 2 м. В двух местах при обходе крутых мест мы заметили искусственные сооружения для канала террасы из камней. В одном же месте до сих пор ясно виден водосброс» (Евтюхова Л.А., Киселев С.В., 1935. с.80). Авторы отчета склонны полагать, что долина в древности распаивалась и засеивалась, так как данная оросительная система «была рассчитана на полеводство, а не на луговое» (Евтюхова Л.А., Киселев С.В., 1935.с. 80). В отчете данный объект назван «высоко интересным» древним сооружением для детального изучения которого, необходима теодолитная съемка (Евтюхова Л.А., Киселев С.В., 1935. с.80).

За последние десятилетия археологи, производя исследования в различных районах Горного Алтая, практически во всех долинах крупных рек: Чуи, Катунь, Чулышмана и т.д., отмечают наличие оросительных каналов, древних или используемых местным населением.

Во время разведочных работ археологического отряда Горно-Алтайского краеведческого музея в 1982 г. были зафиксированы остатки оросительных сооружений в долине р.Тиланду и в месте впадения в р.Чулышман р.Чульча. В долине Тиланду четко прослежено расположение системы: головной канал, отходящий от р.Тиланду и ряд мелких ка-

налов, орошавших долину (Кочеев В.А., 1983. с.10). Кроме описания местонахождения сооружений, был составлен глазомерный план и произведена фиксация на фотопленку.

В 2000 г. при комплексном обследовании долины р.Чулышман, в числе прочих историко-культурных памятников были зафиксированы оросительные каналы (Суразаков А.С., 2003. с.92-95).

Остатки оросительных сооружений обнаружены и в Майминском районе, которые к настоящему моменту являются самыми северными из всех известных (Бородовский А.П., 2002. с.44).

Ирригационные системы долины Чулышмана рассматриваются в работе А.Н. Садовой и С.С. Онищенко, как составляющий элемент земледелия. Авторами выделяется три варианта землепользования в бассейне Чулышмана: А – отсутствие ирригационного земледелия, Б – наличие ирригационного земледелия, огораживание пашенных участков, В – высокий уровень развития ирригационного земледелия; часть долинного комплекса выведена из-под выпаса стад. «Сам факт существования земледелия в первой половине I тыс. н.э.» – по мнению авторов, является недоказанным (Садовой А.Н., Онищенко С.С., 2003. с.211).

По нашему мнению, исследования в данном направлении на настоящий момент, являются достаточно актуальными, так как множество памятников культурно-исторического наследия интенсивно разрушается в последнее десятилетие.

Мы строили работу с учетом опыта подобных работ на сопредельных территориях: Туве, Хакасии, где древние каналы изучаются достаточно давно.

В своей работе мы придерживались следующих терминов и определений, изложенных в работах А.Ч. Ашак-оола и В.Н. Щедрина.

Под *оросительной системой* нами понимается комплекс гидротехнических сооружений, предназначенный для забора воды из источника орошения, транспортирования её до орошаемого массива, распределения по поливным участкам и полива земель с целью создания оптимального водно-солевого режима почвы.

Источник орошения – река, ручей, озеро из которого происходит забор воды в систему.

Водозабор (водоприемник) – небольшая плотина или струенаправляющая шпора-дамба и водосборный бассейн. Размер плотины зависел от характера реки. Струенаправляющая шпора обычно строилась под некоторым углом к направлению водного потока. Как плотины, так и шпоры-дамбы строились из подручных материалов (камни, бревна, жерди, дерн и т.д.).

Магистральный канал – канал, транспортирующий воду от источника орошения к орошаемому массиву. Состоит из нескольких частей: *холостой, рабочей и сброса*. Основная функция холостого русла канала – доставка воды до распределителей. Рабочая часть канала занимала участок от первого распределителя до сброса воды из водоотвода. По ней вода поступала в распределители, отходящие от основного русла к пашне.

Отводные каналы – прорывались, обычно, под прямым или острым углом от магистрального канала. Они, в свою очередь, делились на *напускные водоотводы*, идущие к пашням, которые дробились на мелкие *оросительные борозды*.

В пересеченной местности каналы приходилось проводить через возвышения, скалистые участки, осыпи, овраги и т.д. Через подобные препятствия воду транспортировали при помощи *акведуков*. Как правило, в этой роли выступали деревянные желоба, выдолбленные из цельного куска дерева. *Желобы-водозоды* могли опираться на деревянные столбы или стойки, срубы и каменные «фундаменты».

Направляющие и разбивающие камни – позволяли регулировать скорость тока воды и направление движения. Направляющие камни устанавливались, обычно, в устье отводного канала или напускного водоотвода. При необходимости, ими перекрывалось устье, или ограничивалась водоподача. Установка разбивающих камней непосредственно в русле канала, снижала скорость водотока.

При описании магистрального или отводного канала, нами фиксировались размеры их русла, высота бортов, общая протяженность. Сопоставление полученных параметров позволило выявить прямую взаимосвязь размеров канала от транспортируемого им объема воды. При обмерах магистрального канала, нами с помощью GPS-приемника Garmin eTrex Summit фиксировались перепады высот по пути его следования, что позво-

лило выявить разнообразные технические приёмы, направленные на регуляцию скорости водотока (меандрирование русла, установка направляющих и разбивающих камней и т.д.)

При исследовании оросительных систем нами учитывался тот факт, что в задачу оросительных систем входит также отвод с орошаемого массива дренажных, сбросных и грунтовых вод. Эти участки, были нами дополнительно исследованы и зафиксированы.

В ходе исследований было выяснено, что любая оросительная система содержит индивидуальную по конфигурации или техническим параметрам оросительную сеть, связанную с природно-хозяйственными условиями района строительства и особенностями рельефа, но во всех системах можно выделить принципиально подобные фрагменты, из набора которых в том или ином сочетании, и состоит сеть. Из исследованного разнообразия оросительных сетей можно выделить и их типовые элементы (фрагменты).

В июне 2003 года нами были проведены разведочные работы в Усть-Коксинском районе. Еще в 1897 году В.В. Сапожников исследуя данный район, отмечал, что «хлебопашество в хорошем состоянии только благодаря искусственному орошению» (Сапожников В.В., 1897. с.54). Им же упоминалась сеть арыков орошавших село Катанда. Нами была осмотрена действующая ирригационная система Катанды, снабжавшая водой для полива практически каждый огород. В 2 км к северу от села Катанда нами была обнаружена оросительная система в настоящий момент не используемая. Интересно само устройство данной системы. Основой её является небольшой безымянный ручей, вытекающий из ущелья. По течению ручья были обнаружены остатки от двух дамб. Одна была сложена из камня, другая каменно-земляная, размеры обеих: длина 7 – 10 м. высота около 1 м. Дамбы находились друг от друга на расстоянии 200 м. По-видимому, дамбы были предназначены для регуляции водосброса, накапливая необходимый запас при засухе и задерживая потоки дождевой воды, чтобы не смыло посевы. При выходе из ущелья от основного течения ручья отводилось два канала, на настоящий момент сильно задернованных, ширина каналов около 1м. От этих каналов отводились более мелкие. Ниже по течению ручья обнаружена действующая дамба с запасом воды. Ее размеры более внушительные – длина около 15 м. высота 1.5 м. После этой дамбы от ручья отведены еще несколько каналов. В итоге, транспортируемая вода выходит на поле, которое используется под посевы. В 250 м. к востоку от дамбы находятся остатки животноводческой стоянки, которая, по-видимому, функционировала в первой половине XX века. Примечателен тот факт, что один из каналов был направлен к стоянке и, скорее всего, использовался в качестве поилки для скота, сохранились деревянные конструкции и остатки жестяного желоба. Таким образом, обследованная нами оросительная система имеет следующий вид: источник орошения – ручей, он же – магистральный канал. Для регуляции водотока, по течению ручья построены три дамбы. От ручья (магистрального канала) отведены отводные каналы, которые затем дробятся на напускные водоотводы.

Действующие оросительные каналы были встречены нами и в других селах Усть-Коксинского района.

В Кош-Агачском районе нами была обследована оросительная система в урочище Тото. Здесь в 1935 году во время работ Саяно-Алтайской экспедиции, был зафиксирован и описан древний канал. Тогда же было установлено, что участки степи орошавшейся данным каналом, распаивались в древности (Евтюхова Л.А., Киселев С.В., 1935. с.80). К сожалению, гигантские оросительные сооружения последних трех-четырёх десятков лет, и распашка с использованием техники сильно изменили первоначальный вид урочища Тото. Но, тем не менее, в отдельных местах нами были зафиксированы сильно заросшие, давно не используемые каналы. Проследить общую схему их расположения весьма затруднительно, так как они зачастую перекрыты современными, действующими каналами.

Исследования в долине реки Сардыла (Улаганский район), также показали, что современная ирригация и распашка полностью уничтожила остатки оросительных систем в данной долине, которые исследователи конца XIX в. относили к древности (Переселенческие поселки..., 1900. с.7).

В Улаганском районе Республики Алтай нами проводились поиски оросительных сооружений по левобережью р.Чулышман от перевала Кату-Ярык до впадения в реку Чулышман реки Чульча. Общая протяженность обследуемого участка составила 29 км.

Поиски производились по сведениям В.В. Сапожникова, который, путешествуя по долине Чулышмана, отмечал наличие там оросительных сетей (Сапожников В.В., 1897, с.33-

34). С.П. Швецов, исследуя земледелие коренных жителей Алтая в начале XX века, писал: «Весьма часто встречаются в долинах рек Чулышмана, Башкауса, Чуи, а также Катуня, Урсула и других, следы былых, иногда весьма обширных оросительных сооружений... Былые оросительные сооружения алтайцы приписывают отчасти китайцам, но главным образом тому народу, который оставил после себя каменные бабы и многочисленные курганы по долинам Алтая...» (Швецов С.П., 1900б, с.280-281). В 1982 году, при проведении разведочных работ в долине р.Чулышман, сотрудниками Горно-Алтайского музея во главе с В.А. Кочеевым наряду с фиксацией древнетюркских поминальных комплексов, были зафиксированы остатки оросительных систем (Кочеев В.А., 1983, с.10).

Нами были обследованы надпойменные террасы левобережья р.Чулышман. В ходе разведок, были обнаружены остатки пяти оросительных систем, детальное описание которых приводится ниже. Описание оросительные системы приводится последовательно, в том порядке, в котором они были обнаружены на участке от перевала Катунь-Ярык до впадения в реку Чулышман реки Чульча.

Оросительная система Кара-Суу

В урочище Кара-Суу на левом берегу р. Чулышман нами была обнаружена оросительная система. Оросительная система располагается на ровном, конусовидном участке урочища Кара-Суу в 33 км. от с. Коо по трассе Улаган – Балыкча.

Река Кара-Суу имеет пересохшее русло, вода там появляется, по-видимому, в период весеннего таяния снега или во время дождей. По сухому руслу р. Кара-Суу произрастают тополя и кустарник. В этих зарослях нами и были обнаружены остатки деревянной плотины-водозабора. Она была сооружена из подручного материала – жердей, пней, земли и дерна. Первоначально в землю вбивались колья, за которые и крепились жерди служащие каркасом конструкции, затем плотину укрепляли корягами, пнями, землей и дерном. Какой-либо четко оформленной конструкции плотина, по-видимому, не имела. Главной её функцией было задерживать поток воды и направлять его в магистральные каналы. Сохранившаяся часть плотины имеет следующие размеры: высота 0,5 м, длина 4,5 м. Судя по сохранившимся остаткам каналов в этой долине, схема водораспределения была построена следующим образом: от плотины водозабора два магистральных канала направлялись по разным сторонам вдоль подошвы горы, а отводимые от них каналы образовывали оросительную сеть в самой долине (рис.1). Правый магистральный канал Кара-Суу, был проложен по линии юг – север, но сохранился лишь частично – данный участок долины, по-видимому, какое-то время назад подвергался распашке, и сейчас на нем сохранились следы недавней сельскохозяйственной деятельности.

Левый магистральный канал (МК), был проложен по линии запад – восток. Основные его функциональные части сохранились и визуально прослеживаются. Правый МК от плотины прорыт на 10 м к северу, здесь от него прорыт отводной канал №1, который идет еще на 70 м к северу и имеет один напускной водоотвод. После отводного канала №1 МК поворачивает на восток. В 40 м от отводного канала №1 проложен отводной канал №2, который ориентирован также с юга на север. Его длина 67 м.

В 21 м от отводного канала №2, параллельно ему, от МК проложен отводной канал №3 его длина 38 м. Через 24 м от ОК №3, также параллельно его линии проложен отводной канал №4. Отводные каналы 3 и 4 образуют перпендикулярные напускные водоотводы, которые, в свою очередь, дробятся на два мелких оросителя.

В 18 м от отводного канала №4 магистральный канал образует последний отводной канал №5. Напускных водоотводов, у него не зафиксировано. После отводного канала №5 МК переходит в нерабочую сбросовую часть и проходит далее вдоль подошвы горы еще около 40 м.

Оросительная система Кендир-1. Оросительная система Кендир-1 расположена на левом берегу реки Чулышман на плоской надпойменной террасе в 17 км от с.Коо по трассе Улаган – Балыкча. На этой же террасе, в юго-восточной её части, находится группа каменных оградок Тиланду-1, которые были исследованы в 1982 году сотрудниками Горно-Алтайского краеведческого музея под руководством В.А. Кочеева (Кочеев, 1983, с.10). Кроме того, ими были зафиксированы остатки оросительной системы неподалеку от оградок Тиланду-1, но детального описания сделано не было. Оросительная система Кендир-1 занимает северо-западную и северо-восточную часть террасы по обе стороны дороги Улаган – Балыкча (рис.2).

Источником орошения для ирригационной системы Кендир-I служила река Кендир – левый приток р.Чулышман. Водозабор и начало магистрального канала не сохранились. Возможно, в результате строительства дороги Улаган – Балыкча, склон горы по которому проходил канал был разрушен. Магистральный канал (МК) отводился в правую сторону от р.Кендир. Зафиксированный нами МК проходит по подножью горы, отводные каналы расположены перпендикулярно магистральному. Холостая часть МК, также была разрушена при строительстве дороги. Рабочая часть МК, проложена вдоль подошвы горы, при этом ось канала проходит выше уровня поливного поля. Данный технический прием позволял направлять воду из МК по отводным каналам на любой участок поля. От рабочей части МК, общей протяженностью 232 м отходит восемь отводных каналов различной мощности и протяженности. Далее МК спускается в небольшую ложбинку, куда, очевидно сбрасывались излишки неиспользованной воды. Сброс воды из МК, по-видимому, был постоянным и достаточно мощным, так как почва и растительность в ложбинке заметно отличается от остальных частей террасы.

Сечение магистрального канала практически на всем протяжении имеет следующие показатели: ширина 0,5 – 0,7 м., глубина 0,1 – 0,3 м. Практически на всем протяжении МК, его борта и русло сглажены и задернованы. Визуально хорошо прослеживается мощная земляная обваловка северо-восточного борта МК. На своём пути, через 85 м от обнаруженного устья, магистральный канал проходит через обвал каменных глыб. Этот участок МК имел протяженность – 40 м. Характерной чертой данного участка МК является наличие дополнительной обкладки северо-восточного борта камнем. Мелкие камни на поле, предназначенном для орошения, были собраны в небольшие кучи, которые хаотично разбросаны по полю. Эти насыпи сильно задернованы и имеют диаметр от 1 до 2,5 м.

Наиболее мощные отводные каналы были прорыты перпендикулярно линии МК. В 26 м от устья МК к ССВ отходит отводной канал №1, он достаточно большой – сечение на современной поверхности имеет следующие показатели: ширина 0,4 м, глубина 0,2 м. Через 40 м от устья отводного канала №1 визуальное зафиксирован один напускной водоотвод, отходящий от отводного канала под углом к СЗЗ и затем раздваивающийся. Часть отводного канала №1 разрушена дорогой Улаган – Балыкча, но после линии дороги он возобновляется и прослеживается еще на протяжении около 45 м.

Отводной канал №2 сооружен в 51 м от устья МК. Напускных водоотводов от него не прослежено, русло отводного канала №2 теряется через 18 м.

В 61 м от устья МК отходит отводной канал №3. Его общая протяженность 30 м, в 15 м. от его устья к СЗЗ под углом отходит один напускной водоотвод. В конце, отводной канал №3 разделяется на два напускных водоотвода, которые отходят в противоположных направлениях друг от друга. Длина каждого из них – около 10 м.

Отводной канал №4 является наиболее мощных каналов оросительной системы Кендир-I. Общая его протяженность около 350 м. Он отходит почти перпендикулярно от магистрального канала. Задача отводного канала №4 состоит в транспортировке воды на дальний участок террасы. Этим объясняется его длина и размеры. Трасса отводного канала №4 ориентирована с юго-запада на северо-восток. Через 14 и 34 м от устья отводного канала №4 к ЮВ отходят небольшие напускные водоотводы. Через 78 м от устья, часть канала №4 разрушена дорогой Улаган – Балыкча. После линии дороги, канал возобновляется и дробится еще на три напускных водоотвода. Один из которых, прослеживается до остатков фундамента развалин животноводческой фермы. Очевидно, русло этого напускного водоотвода было разрушено при строительстве животноводческой фермы в 70-х гг. XX в. Русло отводного канала №4 проходит в 9 м. к ЮВВ от развалин. На этом участке отводной канал имеет одностороннюю обкладку камнем северного борта на протяжении 7 м. Далее ОК №4 делает плавный поворот к востоку. Через 150 м от устья ОК №4 заметно расширяется. Земляная обваловка бортов здесь сочетается с двусторонней и односторонней каменной обкладкой. Подобная конструкция длится около 40 м., затем ОК №4 дробится на три напускных водоотвода, которые отходят в разных направлениях и, в свою очередь, имеют боковые ответвления. Отводной канал №4 имеет размеры на современной поверхности: ширина 1 – 2 м, глубина 0,1 – 0,3 м.

Через 140 м от устья МК, в северо-восточном направлении последовательно отходят еще четыре отводных канала. № 5, 6, 7, 8, все они имеют небольшую протяженность – от 7 до 18 м и слабовыраженный рельеф русла.

Общая схема оросительной системы Кендир-I складывается следующим образом: источник орошения р. Кендир – водозабор не прослежен (возможно, был разрушен при строительстве дороги Улаган – Балыкча) – магистральный канал (холостой, рабочий, сброс) – отводные каналы – напускные водоотводы. Способ водоподачи на данной системе, по-видимому, осуществлялся самотёком из источника орошения (р.Кендир). Необходимый напор создавался за счёт естественного уклона местности. Основная часть каналов оросительной системы использовалась еще в кон. XIX в. о чем имеются свидетельства первых исследователей Алтая (Сапожников, 1897, с. 34). Но, наряду с «обновленными» каналами, в северном и северо-восточном секторе террасы нами были отмечены остатки едва заметных каналов. Русла и борта их сглажены и сильно задернованы. Различить их можно только в некоторых местах по более темному цвету почвы. Но на данном этапе исследования установить время их сооружения не представляется возможным.

Оросительная система Кендир-II

Оросительная система Кендир-II расположена на левом берегу реки Чулышман на плоской надпойменной террасе в 16 км от с.Коо по трассе Улаган – Балыкча. На этой же террасе находится группа каменных оградок Тиланду-II, которые были исследованы в 1982 году сотрудниками Горно-Алтайского краеведческого музея под руководством В.А. Кочеева (Кочеев, 1983, с.10). На глазомерном плане объекта Кендир-II, ими были отмечены остатки оросительной системы неподалеку от оградок Тиланду II.

Источником орошения для ирригационной системы Кендир-II служила река Кендир – левый приток р.Чулышман. Ирригационная система, орошала поле, расположенное к северо-западу от р.Кендир (рис.3).

Водозабор производился из р.Кендир в 110 м выше моста (дорога Улаган – Балыкча). Водозабор не сохранился. Магистральный канал (МК) отводился в левую сторону от р.Кендир. Холостая часть МК, начинается в 6 м к северу от р.Кендир и плавно поднимается на террасу на 4 м выше уровня реки. Холостая часть МК, проходит вдоль подошвы горы. Возле устья МК делится на два рукава, первый проходил выше и, в настоящий момент, частично уничтожен осыпью, второй рукав, проходящий ниже, по-видимому, был сооружен после того, как первый пришел в негодность из-за осыпи. Трасса холостой части второго рукава МК проходит по кромке первой надпойменной террасы р.Кендир. Русло канала – каменно-щебневое, борта щебнево-земляные, на некоторых участках восточный борт укреплен обкладкой из рваного камня. Сечение холостой части МК на современной поверхности имеет следующие показатели: ширина 0,9 м, глубина 0,4 м.

На протяжении 62 м рукава МК идут параллельно друг другу по подошве горы с юга на север. В 76 м от слияния, МК попадает под полотно дороги Улаган – Балыкча, через 4 м возобновляется и идет вдоль дороги с правой стороны по краю надпойменной террасы, при этом его восточный борт дополнительно укреплен рваным камнем. На этом участке холостая часть МК заканчивается – к СВ под острым углом отходит отводной канал (ОК) №1, который проходит по краю террасы. От него к СЗ последовательно отведены два небольших напускных водоотвода, со слабо различимым рельефом. Общая протяженность ОК №1 – 100 м. Магистральный канал снова пересекает дорогу и, возобновляясь на другой стороне, меандрирует. Причем на некоторых меандрах, в местах наибольшего изгиба, лежат крупные камни. Их функция, вероятно, заключалась в укреплении внешнего борта меандра от возможного размывания. Через 60 м после ответвления от МК отводного канала №1, к ССВ от последнего меандра данного участка отходит отводной канал №2. Он делится на два рукава, один из которых далее следует вдоль оси магистрального канала на протяжении 78 м. Второй рукав пересекает дорогу Улаган – Балыкча и, образуя несколько напускных водоотводов, веерообразно орошает участок поля у края террасы. Длина данного рукава от места пересечения им дороги 260 м. На данном участке, вдоль трассы отводного канала расположено несколько задернованных каменных насыпей разного диаметра от 1 до 2,5 м., которые, по-видимому, являются сборами с поля.

Подобные насыпи находятся неподалеку от отводного канала №3, который прорыт под острым углом к МК по линии ЮЗ – СВ. Его протяженность составляет 70 м, в направлении ССВ от него последовательно отходят три напускных водоотвода. Через 27 м от отводного канала №3 в северном направлении отходит небольшой отводной канал №4, его длина составляет 28 м напускных водоотводов не обнаружено.

Далее МК следует вхолостую слегка меандрируя, что, возможно, было обусловлено необходимостью выравнивания чересчур сильного напора воды. В 65 м от устья ОК №4 по оси МК, в направлении к СЗ отходит отводной канал №5, который через 9 м от устья делает поворот к СЗ и, пересекая дорогу, образует небольшую сеть из напускных водоотводов. Общая длина ОК №5 от устья 160 м.

Далее магистральный канал также следует вдоль подошвы горы на 115 м и образует три ветви. Первый рукав (отводной канал №6), пересекая дорогу, образует в северо-восточной части террасы веерообразную систему из множества напускных водоотводов. Его длина – 225 м. Отводной канал №7 идет вдоль дороги Улаган – Балыкча, он достаточно мощный, длина – 450 м. Напускные водоотводы у отводного канала №7 не прослежены, только к концу он делится на два канала.

Отводной канал №8 берет свое начало в 23 м к востоку от устья отводного канала №7 и следует параллельно ему на протяжении 78 м. Магистральный канал раздваивается, огибая небольшой могильник из трех курганных насыпей, после прохождения данного участка рукава МК сливаются и по подошве горы пересекают небольшой бом, переходя на следующее поле. Там от МК в направлении северо-запада отходит отводной канал №9, который идет параллельно МК, раздваивается, и, образует сеть дополнительных водоотводов. Общая длина канала №9 – 150 м. После отводного канала №9, магистральный канал переходит в нерабочую – сбросовую часть и огибая орошаемое поле по контуру подошвы горы, постепенно исчезает.

Оросительная система Кендир-II, общей протяженностью около полутора километров, имеет схему орошения подобную Кендир-I. Вода в систему также поступала самотечно-напорным способом из реки Кендир. Левобережная терраса р.Чулышман на данном участке, более узкая и каменистая, чем на террасе, занятой системой Кендир-I. Магистральный канал системы Кендир-II транспортировал воду на расстояние свыше километра, для этого должен был быть обеспечен необходимый напор воды излишек которого, по-видимому, ослаблялся с помощью меандрирования русла канала. В целом, оросительная система, Кендир-II представляется перспективной для дальнейшего исследования. Данный участок левобережья не обрабатывался с помощью сельскохозяйственной техники, а только вручную, о чем свидетельствуют многочисленные кучи камней – сборов с поля. Детальное исследование земляного заполнения русел этих каналов, их разрезов, позволит, в перспективе отразить новые аспекты, связанные с техническими приемами постройки системы и времени её использования.

Оросительная система Кандру-I

В 12 км от с. Коо по трассе Улаган – Балыкча на невысокой надпойменной террасе левого берега р. Чулышман у впадения в него р.Тура-Хая, нами была зафиксирована оросительная система. У местного населения данный участок левобережья, носит название Кандру. Отсюда, обнаруженные нами в данной местности оросительные системы были, соответственно, названы Кандру-I и Кандру-II. Оросительная система Кандру-I располагается по обе стороны трассы Улаган – Балыкча на правом берегу реки Тура-Хая (рис.4).

Водозабор оросительной системы Кандру-I производился из р.Тура-Хая на высоте 10 м над уровнем орошаемого поля. На правом берегу р.Тура-Хая сохранились остатки водозаборной плотины – брёвна, камни. От водозабора МК следует по направлению к востоку и пересекает каменную стенку, проходящую вдоль правого берега р.Тура-Хая. Участок следования магистрального канала от водозабора до рабочей части проходил по осыпи склона горы. Следов русла канала, на данном участке, не прослежено, возможно, здесь были использованы желобы-водоводы. Сохранились каменные выкладки, предположительно, служившие опорами. Через 134 м к ЮВ от водозабора, магистральный канал возобновляется. Здесь он делится на два рукава огибающих с двух сторон орошаемую площадь. Рукав МК №1 проходит вдоль подножия горы и имеет вид каменно-земляного вала, который, по нашему мнению, также служил своеобразной опорой для желобов. Размеры «фундамента» канала №1 очень мощные – высота каменно-земляной насыпи 0,4 м, ширина 1,5 – 2 м. В 58 м от зафиксированного начала МК№1, к востоку от его русла прорыт отводной канал №1. Его длина – 60 м. Через 208 м от зафиксированного устья, канал №1 пересекается дорогой Улаган – Балыкча и возобновляется на другой стороне и в 30 м от дороги соединяется с рукавом № 2, уходит под развалины стоянки и далее визуально не прослеживается.

Рукав МК №2 проходит по середине поля по направлению север-юг, затем делает резкий поворот к востоку. На данном участке, от МК№2 к юго-востоку отходит отводной канал№1, который раздваивается и один его рукав через 30 м вновь соединяется с МК. Второй рукав отводного канала №1поворачивает к востоку и длится еще 47 м. Магистральный канал №2 представляет собой каменно-земляной вал высотой 0,2 м и шириной 0,5 м. Через 110 м от зафиксированного устья, рукав №2 пересекается дорогой Улаган – Балыкча (ширина полотна дороги 3 м) и в 86 м от места пересечения с дорогой сливается с магистральным каналом №1. Общая длина орошаемого поля – 250 м.

Схема данной системы значительно отличается от других, исследованных нами. Большая протяженность осыпи не позволила строителям системы провести канал, вода на этом участке транспортировалась альтернативным способом – при помощи акведуков-водоводов. На предполагаемом русле МК нами зафиксированы остатки стояков, сложенных из рваного камня, которые могли служить опорой деревянным желобам. Русло магистрального канала в долине, было приподнято над поверхностью земли на 0,3 – 0,5 м, и представляло собой каменно-земляной вал, служивший «фундаментом» для желобов, транспортирующих воду. К сожалению, хозяйственная деятельность в данной долине (животноводческая стоянка) уничтожила значительную часть данной оросительной системы, в связи с чем, выяснить, как использовалась вода из акведуков-водоводов, на настоящий момент весьма затруднительно.

Оросительная система Кандру- II.

Оросительная система зафиксирована нами и на левом берегу р.Тура-Хая. В 11,5 км от с. Коо по трассе Улаган – Балыкча на надпойменной террасе левого берега р. Чулышман у впадения в него р.Тура-Хая (рис.5). Водозабор, также был сооружен на р.Тура-Хая. Возможно, упомянутая выше плотина являлась одновременной водозабором для систем лево- и правобережья р.Тура-Хая. Магистральный канал отходит от р.Тура-Хая к северу. Он транспортировал воду для орошения поля находящегося в 0,5 км от реки-источника орошения. МК проходит по подошве горы. Рельеф бортов – слабовыражен, русло каменно-щебневое. На расстоянии 100 м от водозабора канал завален осыпью из крупных глыб на протяжении 20 м, но русло канала просматривается. После выхода из-под осыпи, северо-восточный борт канала укреплен средними и крупными рваными камнями. Ширина русла МК на данном участке 1 м высота бортов 0,4 м.

В 260 м от устья, к СВВ от русла МК отходит отводной канал №1. Его юго-восточный борт укреплен рваным камнем на протяжении 84 м, затем на расстоянии 9 м укреплены оба борта, т.к. здесь канал делает поворот к северу и пересекается дорогой Улаган – Балыкча. После пересечения линии дорожного полотна, отводной канал №1 возобновляется и следует параллельно автодороге еще на 350 м. Русло отводного канала №1 несколько раздваивается и затем снова соединяется, образует два напускных водоотвода, после чего не прослеживается.

В 410 м по оси МК от его устья, проведен отводной канал №2, отходящий на север. Ширина 0,4 м, глубина 0,2 м. Его юго-восточный борт укреплен рваным камнем. Через 17 м от устья, ОК №2 разделяется, один напускной водоотвод прорыт к северу и неподалеку от дороги Улаган – Балыкча теряется. Второй напускной водоотвод движется параллельно руслу МК в северо-западном направлении и через 108 м соединяется с МК. Магистральный канал на данном участке имеет комбинированную одностороннюю и двустороннюю обкладку бортов крупным рваным камнем. Размеры МК – ширина 2 м, глубина 0,7 – 1 м. В 660 м от водозабора магистральный канал пересекает каменная стена Тура-Хая, обнаруженная экспедицией И.Л.Кызласова в 2001 году (Кызласов И.Л., 2001, с.7-8), идущая по осыпи и спускающаяся в долину. После стены, долина р.Чулышман заметно расширяется и канал прослеживается слабо. Не исключено, что основной функцией данного канала была транспортировка воды на поля, находящиеся к западу от водозабора. Но распашка этого участка террасы уничтожила западный участок оросительной системы Кандру-II.

Данная оросительная система, по своей функциональной специфике слегка отличается от перечисленных выше. Примечателен сам магистральный канал – основная артерия системы. Внушительные размеры русла, высота и дополнительное укрепление бортов – показатель большого объема транспортируемой воды. Т.е. участок обнаруженный и зафиксированный нами, фактически являлся холостым, где основная функция магистрального канала заключалась не в водораспределении, а в транспортировке воды на большое

расстояние (свыше полукилометра). Участок, куда должен был нести воду магистральный канал, находился в 700 м к западу от водозабора. Мы полагаем, что водораспределительная часть данной оросительной сети была разрушена во время сельскохозяйственных работ в XX в.

Таким образом, в полевой сезон 2003 года нами была проведена проверка литературных сведений о наличии остатков «древних» каналов в различных районах Республики Алтай. В отношении сохранности, оросительные системы долины реки Чулышман являются весьма показательными в сравнении с оросительными системами других районов Алтая. Возможно, это объясняется тем, что в последние десятилетия данные участки не распахивались сельскохозяйственной техникой из-за обилия камней на полях.

В ходе проводимых исследований нам удалось выявить основные закономерности строения схемы оросительной системы от геоморфологических условий местности, выявить разнообразные технические приёмы, направленные на регуляцию скорости водотока (меандрирование русла, установка направляющих и разбивающих камней и т.д.). При исследовании оросительных систем нами учитывался тот факт, что в задачу оросительных систем входит также отвод с орошаемого массива дренажных, сбросовых и грунтовых вод. Эти участки, были нами дополнительно исследованы и зафиксированы.

В оросительные системы Кендир-I, II и Кандру-I, II вода поступала самотечно-напорным способом. Скорость течения, левобережных притоков р.Чулышман, обеспечивала достаточное поступление воды в магистральный канал. Пригодные для возделывания участки, нередко находились на достаточном расстоянии от источника орошения. Для того чтобы доставить туда воду, избежав её естественной фильтрации и испарения, большое значение придавалось правильной постройке магистрального канала. Внушительные размеры и разнообразные технические приемы, используемые при постройке магистрального канала оросительной системы Кандру-II – наглядный тому пример.

Засушливый климат Чулышманской долины, заставлял земледельцев бережно относиться ко всем возможным источникам влаги. Так, например, водозабор оросительной системы Кара-Суу, был предназначен для задержания и распределения на поле талых и дождевых вод.

Каждая из обследованных нами систем имеет следы ремонта – русла каналов углублялись, оплывшие борта дополнительно укреплялись камнями. Все эти операции производились сравнительно недавно – вероятно, в середине XX в. Мы полагаем, что одни и те же оросительные системы использовались на протяжении длительного времени. На их примере, возможно, проследить преемственность орошаемого земледелия на Алтае. На данном этапе исследования открытыми по-прежнему остаются вопросы о методике датирования оросительных сооружений Горного Алтая, технике и системе их постройки. Детальное исследование земляного заполнения русел оросительных каналов, их разрезов, позволит, в перспективе отразить новые аспекты, связанные с техническими приемами постройки системы и времени её использования. В дальнейшем планируется продолжение работ в этом направлении.

Литература

1. Ашак-оол А.Ч. О мелиоративной практике тувинцев в кон. XIX –нач. XX в. // Из истории хозяйства и материальной культуры тюрко-монгольских народов. – Новосибирск, 1993. – С. 19-27.
2. Бородовский А.П. Микрорайон археологических памятников у с.Манжерок Майминского района Республики Алтай // Древности Алтая. – Горно-Алтайск, 2002. – №9. – С.42-52.
3. Верещагин В.И. Очерки Алтая. – Новосибирск, 1927. – 96 с.
4. Евтюхова Л.А., Киселев С.В. Отчет о работах Саяно-Алтайской археологической экспедиции в 1935 г. // Труды Государственного Исторического Музея. – М., 1941. – Выпуск 16. – С.75-117
5. Кочеев В.А. Отчет об археологических исследованиях в Горно-Алтайской автономной области в 1982 г. – Горно-Алтайск, 1983. – 15 с.

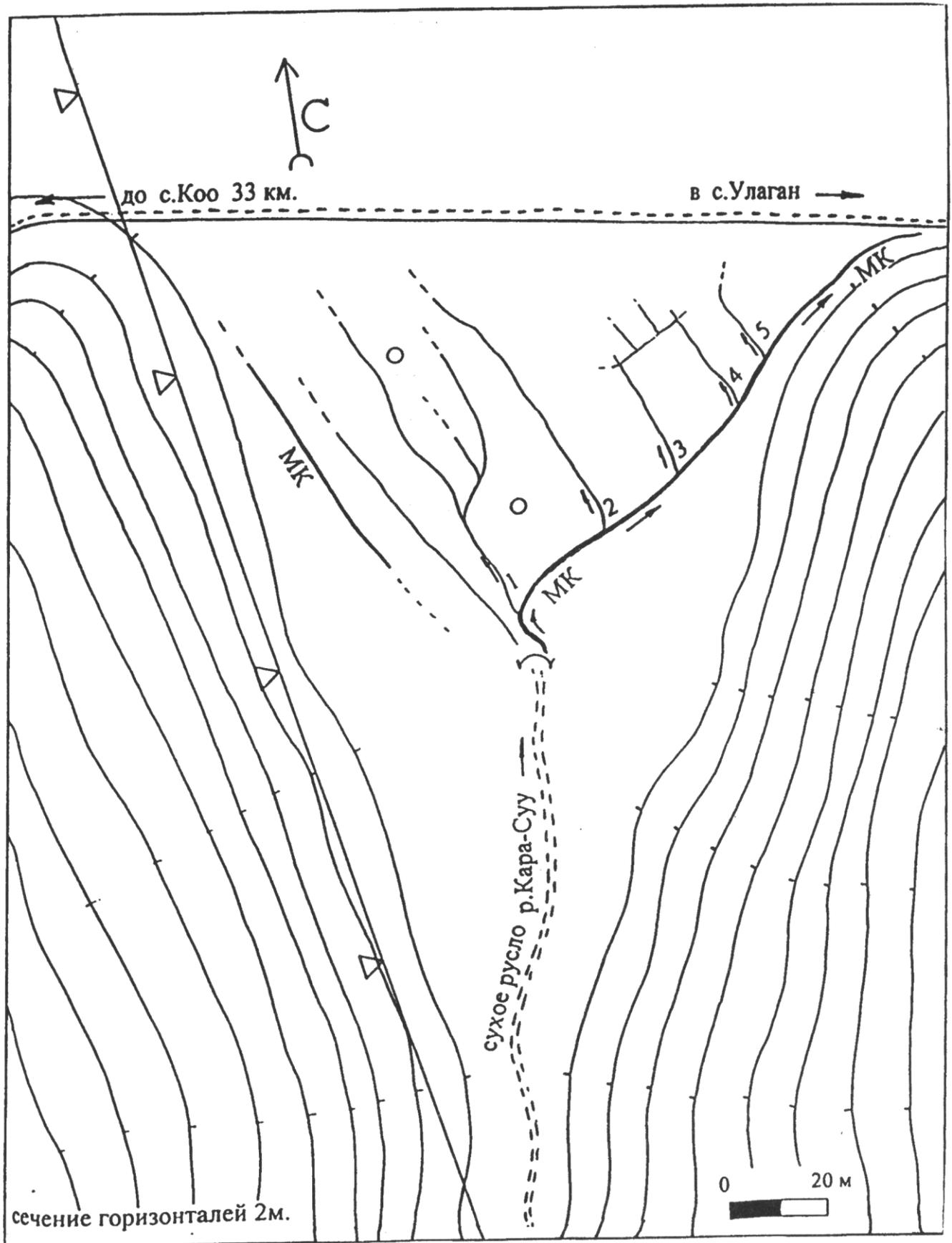

Рис. 1

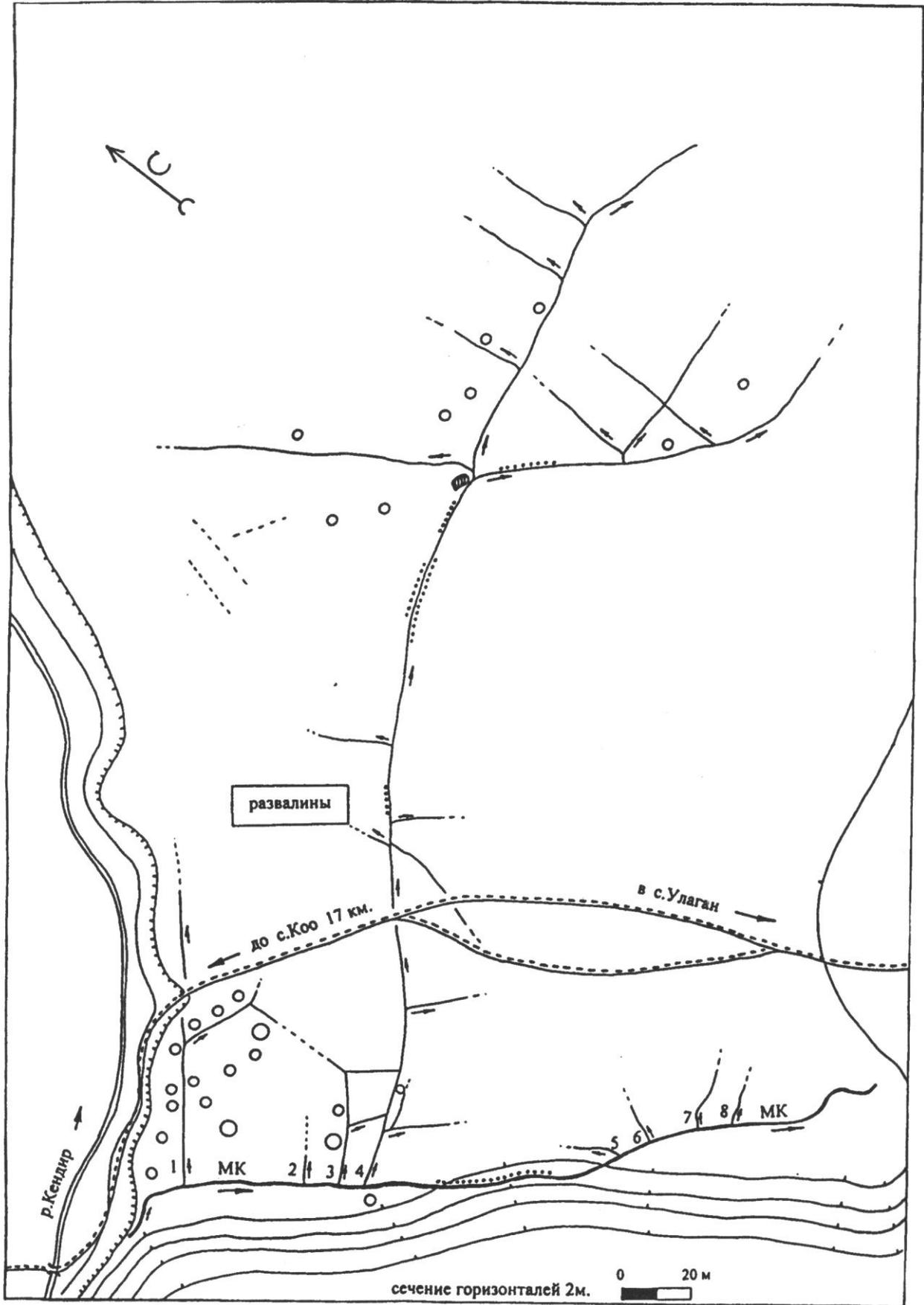

Рис. 2

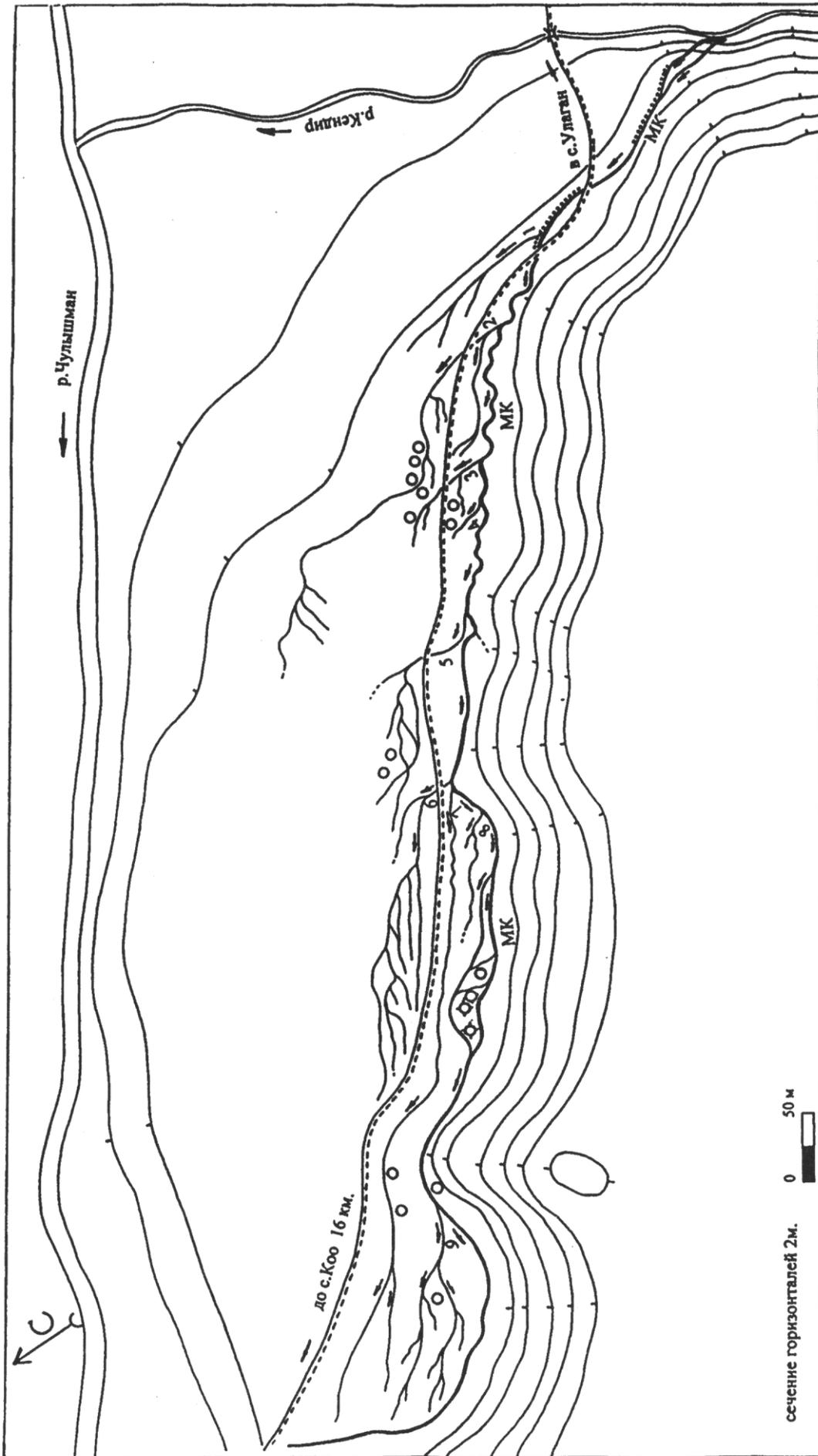

Рис.3

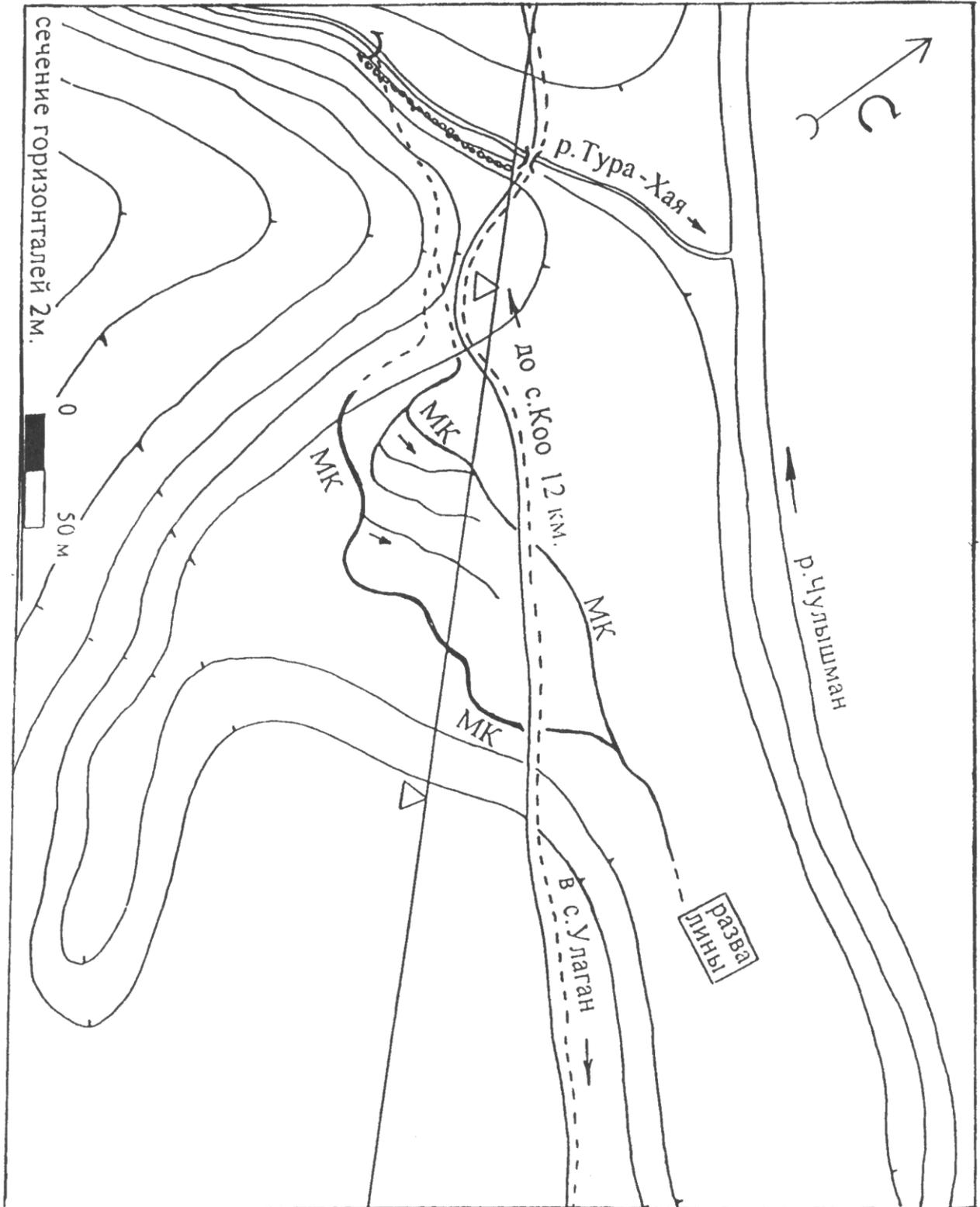

Рис. 4

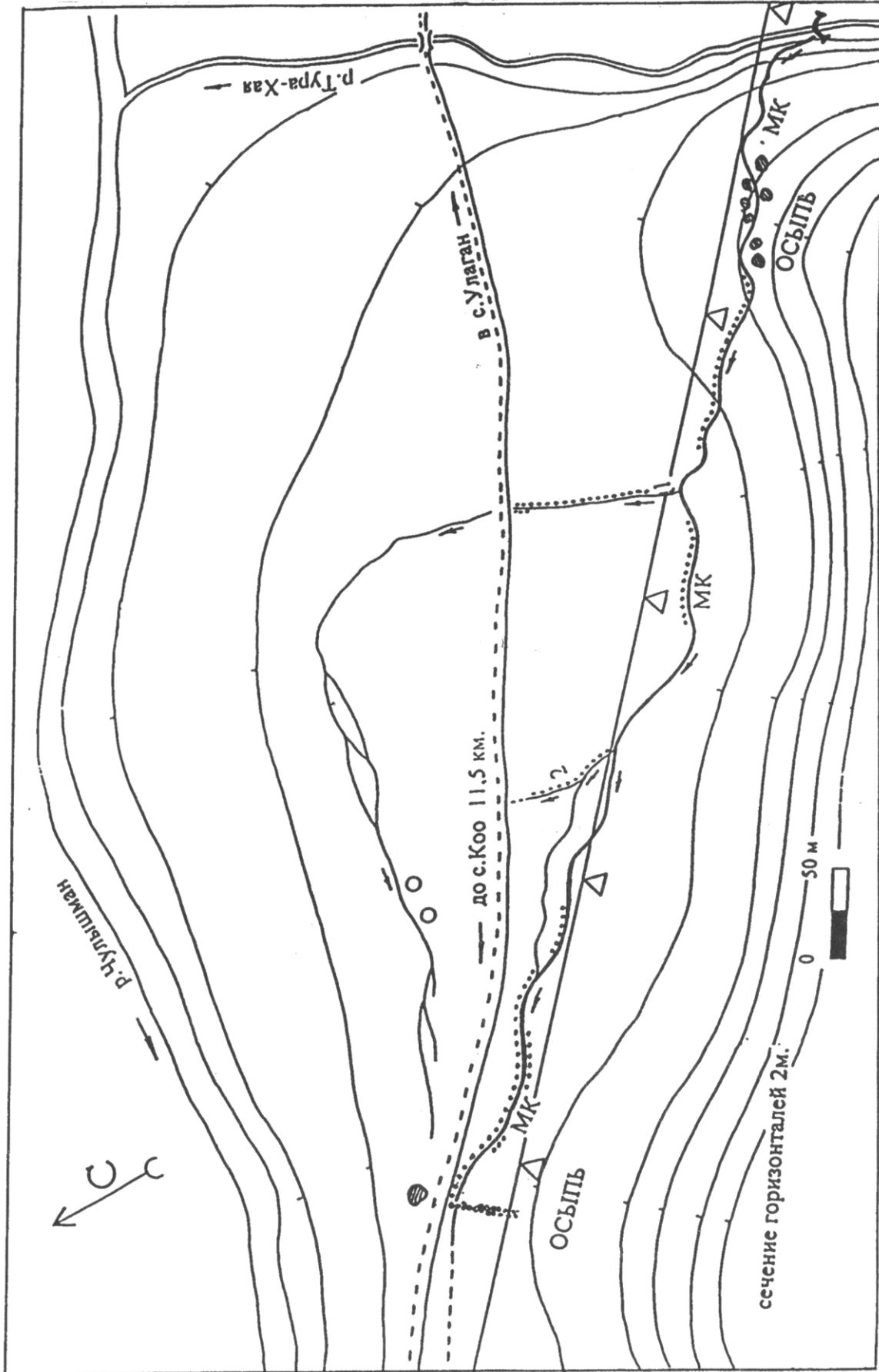
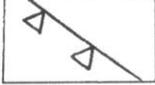
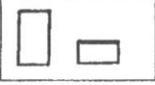
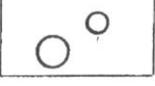
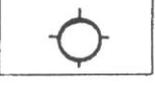
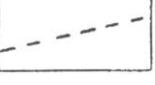
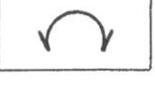
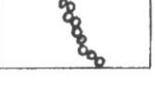

Рис.5

Условные обозначения

- - линия электропередач
- - обрыв
- - мост
- - строения
- - грунтовая дорога
- - пересохшее русло
- - валуны
- - каменные кучи (сборы с поля)
- - курганная насыпь
- - магистральный канал
- - канал с каменной обкладкой бортов
- - отводной канал
- - канал со слабо различимым руслом
- - водозаборное сооружение
- - каменная выкладка-стенка

6. Кызласов И.Л. Отчет о полевых исследованиях на территории Республики Алтай Саяно-Алтайской экспедиции Министерства образования и науки Республики Хакасия в 2001 году. – Москва, 2001 (Архив АКИН).
7. Переселенческие поселки, образованные в 1878 г. – Барнаул. 1900. – 185 с.
8. Радлов В.В. Сибирские древности. // Записки императорского русского археологического общества. – Москва. Т.VII. 1894. с.209
9. Руденко С.И., Глухов А.Н. Могильник Кудыргэ на Алтае // Материалы по этнографии. – Л., 1927. том 3. – С.37-52
10. Садовой А.Н., Онищенко С.С. К проблеме реконструкции традиционных систем жизнеобеспечения населения Восточного Алтая предтюрокского времени // Бобров В.В., Васютин А.С., Васютин С.А. Восточный Алтай в эпоху великого переселения народов (III – VII вв.) – Новосибирск, 2003. – 224 с.
11. Сапожников В.В. По Алтаю. – Томск, 1897. – 127 с.
12. Суразаков А.С. Отчет по экспедиции на Чулышман в августе 2000 // Археология и этнография Алтая. – Горно-Алтайск, 2003. – Выпуск 1. – С.90-99
13. Щедрин В.Н. Совершенствование конструкций открытых оросительных систем и управления водораспределением. – М., 1998. – 159 с.

Список иллюстраций к статье Вдовиной Т.А.

- Рис.1. Глазомерный план оросительной системы Кара-Суу.
 Рис.2. Глазомерный план оросительной системы Кендир-I.
 Рис.3. Глазомерный план оросительной системы Кендир-II.
 Рис.4. Глазомерный план оросительной системы Кандру-I.
 Рис.5. Глазомерный план оросительной системы Кандру-II.

Работа выполнена при поддержке РГНФ (проект №03-01-00745a/m)

Глебов А.М.
 (г. Горно-Алтайск)

НАХОДКА ДОЛБЛЕНОГО ДНИЩА ЛОДКИ НА ТЕЛЕЦКОМ ОЗЕРЕ

В регионах России, имеющих судоходные водоемы, среди жителей сохраняются судостроительные традиции, бытовавшие с древнейших времен. Такой регион в республике Алтай – Турачакский район. На акваториях Телецкого озера, рек Бия и Лебедь строятся и эксплуатируются, помимо мотолодок промышленного изготовления, и лодки народной постройки. Эта сторона материальной культуры населения Республики Алтай обойдена вниманием современных исследователей.

По воспоминаниям старожилов с. Турачак, долбленые лодки использовались для доставки снаряжения и грузов на прииски, расположенные в верховьях р. Лебедь, еще в 1950-е гг. В настоящее время долбленок не строят. Поэтому представляет интерес находка долбленого днища лодки на Телецком озере.

Остатки долбленого днища лодки обнаружены в июле 2004 г. участниками летней школы яхт-клуба «Алые паруса» (г. Горно-Алтайск) на юго-восточном берегу зал. Айрыташ (местное название – Карман), в полутора метрах от кромки прибоя. Залив, расположенный на левом берегу Телецкого озера напротив пос. Яйлю, имеет площадь 0,25 кв. км, закрыт от господствующих ветров «верховки» и «низовки», рекомендуется лодкой для укрытия судов при усилении таких ветров.

Уровень воды в озере подвержен сезонным изменениям. Так, с конца мая до середины июля он упал более чем на метр, а за время работы летней школы яхт-клуба, с 15 июля по 9 августа, еще на 0,5 м. В дневное время на берег залива набегают прибой от волн, поднятых катерами и мотолодками, проходящими по расположенному у левого берега озера судовому ходу. В ночное время прибой образуется от волн, вызванных ветром

дующим из зал. Камга. Во второй половине июля – первой декаде августа лишь однажды в зал. Айрыташ был занесен мусор с открытой акватории озера. Это произошло во время шторма на яйлинском плесе при столкновении двух господствующих ветров, что случается довольно редко.

Остатки днища лодки, размером 3,67 x 0,40 x 0,16 м, лежали вверх дном. На днище местами вырос мох, что свидетельствует о долговременности его пребывания на берегу. На выпуклой поверхности днища выступает вырубленный киль размером 10 x 6 см. На внешней стороне днища имеются заплатки из жести около 1,1 x 0,12 м, с обеих сторон от киля, закрывающие прогнившие участки. Заплатки пришиты к днищу гвоздями 50 мм с шагом 30 мм по периметру. На левом борту, в 1,7 м от носовой оконечности, имеется сквозная пробоина размером 20 x 5 см.

С внутренней стороны в 1,1 м от носовой оконечности сохранился обломок шпангоута, прибитый гвоздями 120 мм, через квадратные жестяные шайбы. Сохранились гвозди, крепившие еще два шпангоута, что позволило определить размер шпации (расстояния между шпангоутами) – около 0,9 м. На внутренней стороне днища вдоль киля имеются трещины, скрепленные П-образными скобами из стальной проволоки \varnothing 1 мм. Вдоль сохранившихся в носовой части кромок днища расположены гвозди 100 мм, забитые снаружи с шайбами и загнутые изнутри взагиб. Гвозди, выступающие с внешней стороны на 15 мм, скрепляли внакрой (кромка на кромку) днище с досками борта.

Лодка была приспособлена к движению под парусом, – сохранился деревянный степс (гнездо) для мачты прямоугольной формы 24 x 22 см, с квадратным отверстием для шпора мачты 4 x 4 см, установленный сразу за обломком шпангоута.

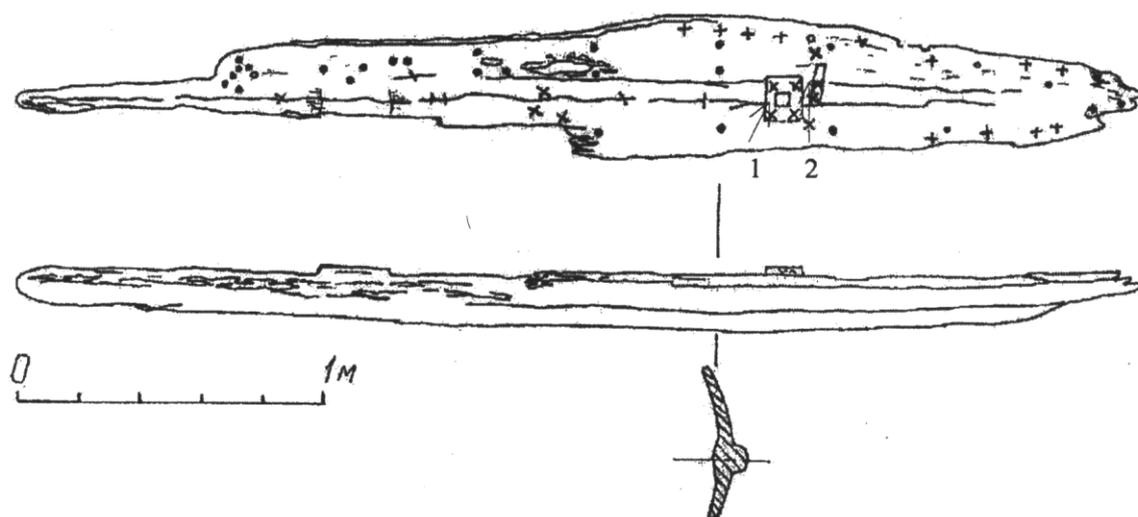
Гвозди и жестяные заплатки на днище не утратили прочности из-за коррозии металла, что позволяет достаточно уверенно заключить о сравнительно недавнем времени постройки лодки. Срок службы подобных судов при своевременном ремонте достигает 10-15 лет. Разрушение жести толщиной 0,5 мм, незащищенной окраской, может произойти во влажном климате за 3-5 лет. Следовательно, лодка могла быть построена 15-20 лет назад.

Днище выполнено по традиционной для долбленых лодок технологии. Носовая часть вытесывалась из комлевой части бревна. На днище и бортах вытесанной заготовки лодки снаружи сверлили отверстия, в которые забивали сторожки (колки, шкранты) из древесины, отличающейся по цвету от бревна-заготовки, либо с зачерненными торцами (Короткевич А.А., 1976, с. 36-37; Сорокин П.Е., 1997, с. 88; Бельгибаев Е.А., Назаров И.И., 2003, с. 168-170). Сторожки служили для контроля толщины обшивки при долблении лодки изнутри. Сторожки найденного днища имеют традиционные для Сибири размеры – длину около 45 мм, \varnothing 10 мм, изготовлены из ветвей ольхи. Просматривается определенная система расположения отверстий для сторожков – поперечными рядами через 0,4 м, с расстоянием в ряду между ними 0,1 м. В кормовой, более поврежденной части днища, такие отверстия размещены без видимого порядка (рис. 1)

Для изготовления долбленок повсеместно использовались мягкие лиственные породы древесины – осина или тополь. Заготовка лодки с выбранной изнутри до появления торцов сторожков древесиной нагревалась (распаривалась) над костром и разводилась (разворачивалась). Для сохранения формы внутрь устанавливались поперечные распорки, либо шпангоуты – сплошные из толстых прутьев или составные из заготовок с естественной кривизной (Сорокин П.Е., 1997, с. 88; Бельгибаев Е.А., Назаров И.И., 2003, с. 168-170). При необходимости повышения грузоподъемности или мореходности, борта долбленок наращивались досками – набоями.

Найденное на Телецком озере долбленое днище лодки сделано из кедра. Следовательно, традиционная технология долбления с контролем толщины заготовки при помощи сторожков была использована мастером для изготовления из толстой заготовки днищевой доски обтекаемой формы с выступающим наружу килем, служащей основой для корпуса с наборными бортами. Технология изготовления долбленок, известная у челканцев в Турачакском районе, предусматривала выполнение продольного киля на днище лодок (Бельгибаев Е.А., Назаров И.И., 2003, с. 169).

Согласно эволюционной теории развития судов, следующим шагом после лодок-долбленок стала комбинированная конструкция – долбленое днище и наборные борта. Далее – переход к полностью наборной конструкции, с продольным и поперечным набором и дощатой наружной обшивкой. Следует отметить еще одну конструкцию переходного

Условные обозначения:

• – сторожки;

/ – скобы из проволоки;

× – гвозди 120 мм с квадратными шайбами;

+ – гвозди 100 мм взагиб с шайбами снаружи.

Рис.1

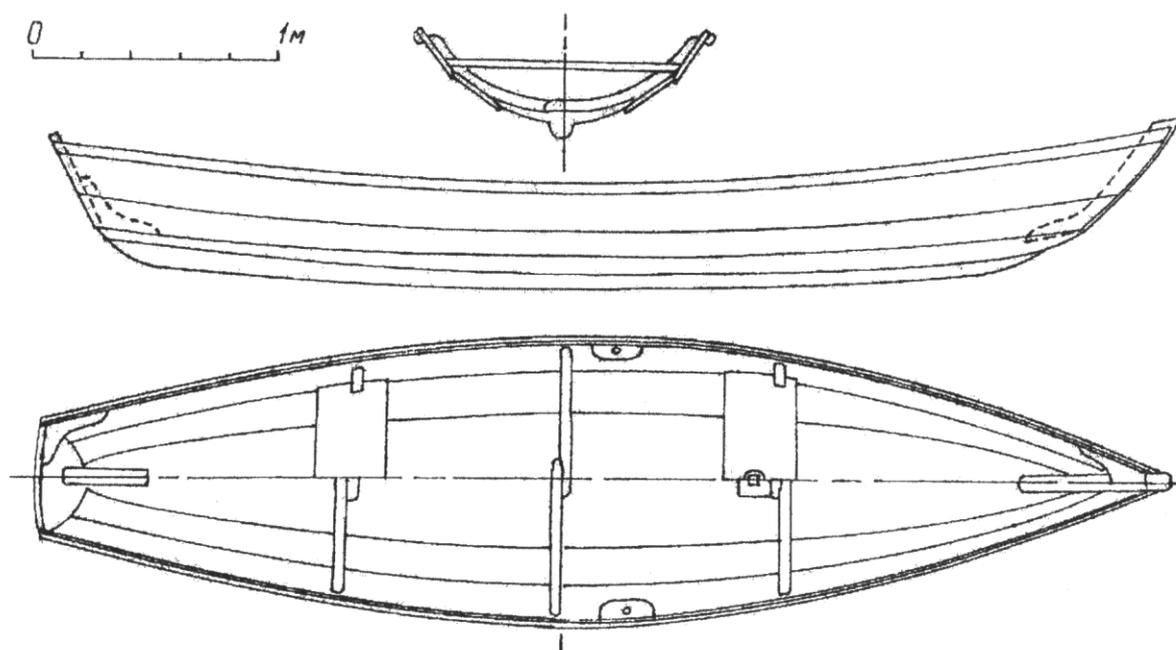

Рис. 2

типа, – днище формировалось из толстой днищевой доски, служившей основой для постройки корпуса дощатых лодок-плоскодонок. Такой тип лодок характерен для лодочных мастеров Урала, Сибири и Дальнего Востока (Кузнецов П.Ф., 1970, с.40-42; Гундобин А.А., 1971, с.35-36).

Мастер, построивший лодку, днище которой найдено в зал. Айрыташ, удачно использовал старинные методы для формирования обводов, приспособленных к движению под парусом. Какой тип паруса выбрал для своего судна местный судостроитель, можно только предполагать. На подобных судах на русском Северо-Западе и на Дальнем Востоке использовался шпринтовый парус. На гребно-парусных шлюпках турбазы «Золотое озеро» в Артыбаше, использовались рейковые паруса. Так на эксплуатировавшихся в 1970-е гг. «Драконах», прямой парус поднимался на мачте, раскрепленной по шлюпочному, двумя вантами. Парус ставился лишь на полных курсах. Как было устроено рулевое устройство на «айрыташской» лодке восстановить невозможно. Очевидно, она управлялась рулевым веслом.

Реконструкция внешнего вида и устройства найденной лодки выполнена на основе наблюдений автором самодельных лодок в Турачкском районе, а также материалов, представленных в монографии П.Е. Соркина, опубликованных в сборнике «Катера и яхты» (см. список литературы). В Турачакском районе строят усовершенствованный тип лодок комбинированной конструкции. Остались острые в плане обводы с развалом бортов, широкая днищевая доска, кокорный форштевень, а вот обшивка между днищем и дощатым ширстремком (верхним поясом обшивки) выполняется из кровельной жести. Узкий, почти треугольный транец приспособлен для установки подвесного мотора. Поперечный набор составляют редко поставленные кокорные, либо гнутые шпангоуты, состоящие из двух ветвей, скрепленных на днище, две-три банки (сиденья для гребцов). Все соединения выполняются на гвоздях. При реконструкции принято во внимание, что плоскодонные лодки народной постройки имеют, как правило, два пояса бортовой обшивки, соединенные по пазу внакрой; используются доски толщиной 15-20 мм и шириной 20-30 см. Лодка могла иметь следующие характеристики: длина корпуса 4,5 м, ширина 1,2 м, высота борта на миделе - 0,44 м (рис. 2). Лодка могла безопасно нести парус площадью до 5 кв. м на мачте длиной до 4 м.

Как отметил П.Е. Сорокин, «...однодеревки, расширенные в результате термической обработки, в том числе с нарощенными бортами, соединенными с долбленным корпусом в клинкерной технике, известны в Североевропейском регионе с первых веков нашей эры... причем имеется в их числе и однодеревка, ... с использованием сторожков... Суда, построенные на однодеревной основе, не претерпевают на протяжении средневековья существенных конструктивных изменений и почти в том же виде дожили до наших дней» (Сорокин П.Е., 1997, с. 92, 94). В начале XX в. этнографическая традиция изготовления однодеревок с разведенными бортами существовала повсеместно на севере Евразии от Финляндии до Восточной Сибири. Эта традиция сохраняется до нашего времени в Северо-Западном регионе России (Сорокин П.Е., 1997, с. 88, 93), в Красноярском крае (Короткевич А.А., 1976, С. 36-37). Судя по находке в зал. Айрыташ, в прителецком районе до недавнего времени сохранялись навыки строительства однодеревок с разведенными бортами.

Литература

1. Бельгибаев Е.А., Назаров И.И Традиционное рыболовство таежных групп Алтая // Древности Алтая №10. – Горно-Алтайск, 2003. – С. 164-171.
2. Гундобин А.А. Лодки Приморского края // Катера и яхты. – 1971. – №1. – С. 35-36.
3. Короткевич А.А. Ветка-долбленка // Катера и яхты. – 1976. – №6. – С. 36-37.
4. Кузнецов П.Ф. Бумантовка // Катера и яхты. – 1970. – №3. – С. 40-42.
5. Сорокин П.Е. Водные пути и судостроение на Северо-Западе Руси в средневековье. – СПб., 1997. – 208 с.

Список иллюстраций к статье Глебова А.М.

Рис.1. Долбленное днище лодки. 1 – степс мачты; 2 – обломок шпангоута.

Рис.2. Реконструкция предполагаемого внешнего вида и устройства лодки с долбленным днищем.

РЕЦЕНЗИИ

Кубарев В.Д.
(г.Новосибирск)

З. Самашев, В.П. Мыльников
ДЕРЕVOБРАБОТКА У ДРЕВНИХ СКОТОВОДОВ КАЗАХСКОГО АЛТАЯ
(материалы комплексного анализа деревянных предметов из кургана 11
могильника Берел). – Алматы: ОФ Берел, 2004. – 312 с.

Опубликованная монография, является итогом многолетних полевых и лабораторно-аналитических исследований по изучению материалов и технологии деревообработки в раннем железном веке на территории Казахского Алтая. Такая редкая возможность была предоставлена авторам работы благодаря раскопкам международной экспедицией «промерзшего» элитного кургана древних кочевников в могильнике Берел, расположенном на территории Катонкарагайского района Восточно-Казахстанской области Республики Казахстан. Появлению книги также способствовали прямые научные контакты ученых Института археологии им. А.Х. Маргулана МОН РК, Института археологии и этнографии СО РАН и участие в проекте специалистов разного профиля, из различных научных центров Казахстана, ближнего и дальнего зарубежья.

Данные, полученные в результате комплексного изучения деревянных предметов из кургана Берел, позволили детально осветить многие аспекты древней традиции деревообработки. При помощи макрофотографии были выявлены приемы и способы обработки дерева древними мастерами. На основе анализа данных трасологии реконструирован процесс изготовления погребального сооружения, погребального ложа и хозяйственно-бытовых предметов. В книге подробно рассмотрены особенности создания уникальных и сложных изделий с художественной резьбой.

Рецензируемая монография состоит из вступления авторов, пяти глав и заключения. В главе первой (содержание её, изложено всего на 2 стр.) в сжатой форме рассматривается история деревообработки у разных народов Евразии (от Древнего Египта до Сибири). Во второй главе описан процесс обработки материалов, инструментарий и технико-технологические циклы в работе древних мастеров. Третья глава посвящена погребальным сооружениям, выполненным из дерева. Она интересна в том плане, что кроме описания и анализа конструкций погребальных камер, больших Берельских курганов, в ней приводятся сведения и характеристика деревянных сооружений из других курганов древних кочевников Казахстана. В четвертой главе описан сопроводительный инвентарь, найденный в кургане Берел. Он представлен комплексом хозяйственно-бытовых предметов (лопатой, молотом, кольями для рыхления почвы, пешней?, мутовкой и фрагментами деревянного блюда) и фрагментарных деталей вооружения (щит, лук, стрелы, рукоять чекана и т.д.). В этой же главе приводятся сведения о конструктивных особенностях седел и единственной находке кнутовища.

Пятая глава «Резьба по дереву» вызывает наибольший интерес. В ней авторы, подразделяя резьбу, на простую, сложную и художественную, подвергают тщательному анализу все стадии изготовления изделий: от заготовки до готового предмета. Это в основном украшения и детали убранства 13 коней, найденных в кургане Берел. Украшения конской упряжи, выполненные в так называемом алтайском зверином стиле, представляют самую многочисленную категорию деревянных предметов из погребения в кургане Берел. Многие, из них находя прямое сходство с образцами сако-пазырыкского искусства, несомненно, имеют локальное своеобразие. Особенно замечательны и необычны скульптурные изображения орлиноголового грифона и сфинксов. Но, наверное, правильно было бы определение сфинкс взять в кавычки, тем более что и сами исследователи расшифровывают эту фигуру как «фантастическое существо с телом кошачьего хищника и человеческим ликом» (стр. 183).

Ministry of Education and Science of the Republic of Kazakhstan
A.Kh.Margulan Institute of Archaeology

Министерство образования и науки Республики Казахстан
Институт археологии им. А. Х. Маргулана

**WOODWORKING OF ANCIENT
CATTLE-BREEDERS OF KAZAKH ALTAI**
MATERIALS OF COMPLEX ANALYSIS OF WOODEN OBJECTS
FROM BARROW 11 OF BEREL BURIAL GROUND

*Zainolla Samashev
Vladimir Mylnikov*

**ДЕРЕВООБРАБОТКА У ДРЕВНИХ
СКОТОВОДОВ КАЗАХСКОГО АЛТАЯ**
МАТЕРИАЛЫ КОМПЛЕКСНОГО АНАЛИЗА ДЕРЕВЯННЫХ ПРЕДМЕТОВ
ИЗ КУРГАНА 11 МОГИЛЬНИКА БЕРЕЛ

*Зайнолла Самашев.
Владимир Мыльников*

Алматы 2004

По структуре опубликованная работа выглядит необычно и нетрадиционно. На взгляд рецензента трудно определить характер издания: то ли это книга-альбом, каталог на англ. и русск. яз. или все-таки научная монография, в которой не соблюдены правила последовательного изложения текста и размещения иллюстраций. В начале книги, почему-то, дается полный и синхронный английский перевод русского текста, кстати, помещенного после иллюстраций, в самом конце монографии. За ним следует суперлаконичное резюме (1,5 стр.) на казахском языке. Очевидно, книга рассчитана, прежде всего, на иностранных ученых или даже можно предположить на англоязычных зарубежных туристов? Хотя в аннотации монография «адресована археологам, этнографам, краеведам и всем интересующимся древней историей».

Более 300 профессионально и качественно выполненных цветных иллюстраций в книге идут под сплошной нумерацией и вроде бы служат приложением к английскому варианту текста. Но значительная часть фотографий, в том числе и графические прорисовки предметов, служат самостоятельным изобразительным блоком ко второй главе (на англ. яз.). Иначе говоря, они разбиты на две части, что затрудняет работу с книгой. Неудачным представляется рецензенту и размещение рисунков в самом начале книги. Так логично было бы видеть в числе первых иллюстраций карту региона (как это принято в большинстве научных публикаций), которая, все-таки включена в книгу, но непонятно почему под №37? Вместо карты на рис.1 дан план могильника Берел. Далее следуют графические рисунки плана погребения, реконструкции колоды и зооморфных предметов упряжи. Только затем на фотографиях под №№38, 39 можно увидеть местность, в которой исследован курган и общий вид наспи. На следующих рисунках под №№40, 41 запечатлен процесс исследования могильной ямы и за ними следует, выполненная в цвете, реконструкция погребального комплекса (рис.42, 43). На фотографиях 44-49 приводятся остатки покрытия из полотнищ бересты и курильского чая. Чем продиктован такой порядок размещения иллюстраций в книге, рецензенту непонятно.

Археологические находки в книге представлены с такой полнотой и детализацией, что в ней нашлось место даже для «скоплений» фрагментов (иногда бесформенных) блюдо-столиков (фото 167-170). Правда, в их нумерации заметен сбой. Так №164 расположен на с.127, а №165 уже на с.130. Впрочем, этот недостаток (нарушение последовательности нумерации находок) присутствует и на других страницах, что, конечно же, будет затруднять чтение книги. Авторами книги вводятся в научный оборот новые термины и понятия: «гнутарное дело», «фольгирование изделий», и т.п. На мой взгляд, они вряд ли приживутся в понятийном аппарате археологов. Также непривычны на слух, определения авторами книги некоторых типов погребальных сооружений. Они, например, считают что «колода – самый древний тип закрытого погребального дожа (? – В.Д.). Она состоит из двух частей: тело (? – В.Д.) и крышка» (с.203.).

Авторы полагают, что в Центральной Азии и в частности на Алтае мог существовать «своеобразный институт мастеров», который готовил узких специалистов: столяров, плотников и резчиков, выполнявших на заказ изделия декоративно-прикладного характера. Конечно, нельзя отрицать, что в среде кочевников сако-пазырыкской общности были одаренные художники и искусные резчики по дереву, – об этом свидетельствуют высокохудожественные произведения из больших курганов Алтая. Но, трудно представить, что одни мастера занимались только строительством жилищ, другие специализировались на изготовлении бытового инвентаря и «мебели», – третьи демонстрировали свое умение только в художественных произведениях. Да и сами авторы не совсем уверены в своем предположении. Так на с.215 можно прочитать: «Исследования показывают, что художественная резьба по дереву как ремесло развивалось не обособленно, – в узкой цеховой корпорации, а в кругу других домашних производств». Иначе говоря, каждый кочевник в определенной жизненной ситуации мог быть и столяром и плотником, и даже при необходимости резчиком по дереву. Еще С.И. Руденко писал о том, что сако-пазырыкское искусство было всенародным. Эта гипотеза подтвердилась при изучении курганов ранних кочевников Чуйской степи, в которых найдены непотревоженные комплексы предметов сакрально-магического назначения. Они, конечно, уступают по художественной выразительности находкам из курганов аристократической верхушки, но также свидетельствуют о высоком уровне культурного развития древнего населения Алтая.

Некоторые неточности, сомнительные моменты в интерпретационных разделах книги, как правило, частного плана и касаются дискуссионных и до сих пор недостаточно разрабо-

танных вопросов. Несомненно, решение целого ряда проблем будет продолжено и накопление новых данных, уточнение определений и толкований – дело будущего. Проведенное исследование позволяет рассматривать книгу З. Самашева и В.П. Мыльникова, как ценный первоисточник по древним изобразительным материалам, который в полной мере может быть использован археологами, этнографами, историками, а также искусствоведами. Следует согласиться с выводом авторов, что «собрание уникальных образцов ремесленного творчества древних скотоводов Казахского Алтая, безусловно, является весомым вкладом в сокровищницу мировой культуры».

СОДЕРЖАНИЕ

СТАТЬИ

	<i>Стр.</i>
1. Абдулганеев М.Т., Славнин В.Д. (г. Барнаул, г. Томск) МАТЕРИАЛЫ ЭПОХИ БРОНЗЫ ИЗ РАСКОПОК У с.ЕЛО (Центральный Алтай)	3
2. Семибратов В.П., Казаков А.А., Папин Д.В. (г.Барнаул) КУЛЬТУРНО-ХРОНОЛОГИЧЕСКИЕ КОМПЛЕКСЫ ПОСЕЛЕНИЯ КОЛОВЫЙ МЫС-III	17
3. Маточкин Е.П. (г.Горно-Алтайск) АНТРОПОМОРФНЫЕ ПЕРСОНАЖИ ЗЕЛЁНОГО ОЗЕРА	26
4. Марсадоллов Л.С. (г.Санкт-Петербург) ГЛИНЯНЫЕ СОСУДЫ ГОРНОГО АЛТАЯ VIII-III ВЕКОВ ДО Н.Э.	37
5. Панкова С.В. (г.Санкт-Петербург) ТАШТЫКСКИЕ ГРАВИРОВКИ НА ТЕПСЕЕ	52
6. Киреев С.М., Чевалков С.Ю. (г.Горно-Алтайск) ПОГРЕБЕНИЕ МАЙМИНСКОЙ КУЛЬТУРЫ НА МОГИЛЬНИКЕ МАЙМА-VII	60
7. Кызласов И.Л. (г.Москва) РУНИЧЕСКАЯ НАДПИСЬ НА ЖАЛГЫЗ-ТЁБЕ (Новые данные по рунологии и исторической географии Алтая)	66
8. Кубарев Г.В. (г.Новосибирск) РАННЕСРЕДНЕВЕКОВЫЕ ГРАФФИТИ ЧУЙСКОЙ СТЕПИ	75
9. Кызласов И.Л. (г.Москва) ДОПОЛНИТЕЛЬНЫЕ ИССЛЕДОВАНИЯ РУНИЧЕСКИХ НАДПИСЕЙ ГОРЫ ЯЛБАК-ТАШ. СТРОКА XVII	84
10. Еркинова Р.М, Кубарев Г.В. (г.Горно-Алтайск, г.Новосибирск) ГРАФФИТИ БИЧИКТУ-БОМА (Из творческого наследия Г.И.Чорос-Гуркина)	88
11. Кызласов Л.Р. (г.Москва) МИРОВОЗЗРЕНИЕ СИБИРСКИХ ТАТАР В XVI В. (Погребение Ермака)	97
12. Соёнов В.И. (г.Горно-Алтайск) ШЛЕМ ИЗ СЫМЫЛТЫ	111
13. Вдовина Т.А. (г.Горно-Алтайск) ИЗУЧЕНИЕ ОРОСИТЕЛЬНЫХ СИСТЕМ ГОРНОГО АЛТАЯ В 2003 ГОДУ	116
14. Глебов А.М. (г. Горно-Алтайск) НАХОДКА ДОЛБЛЕНОГО ДНИЩА ЛОДКИ НА ТЕЛЕЦКОМ ОЗЕРЕ	131

РЕЦЕНЗИИ

15. Кубарев В.Д. (г.Новосибирск) <i>З. Самашев, В.П. Мильников</i> ДЕРЕВОБРАБОТКА У ДРЕВНИХ СКОТОВОДОВ КАЗАХСКОГО АЛТАЯ (материалы комплексного анализа деревянных предметов из кургана 11 могильника Берел). – Алматы: ОФ Берел, 2004. – 312 с.	135
--	-----

АРХЕОЛОГИЯ И ЭТНОГРАФИЯ АЛТАЯ
Выпуск 2

Сборник научных трудов

Статьи публикуются в авторской редакции

Ответственный редактор – *к.и.н., доцент В.И.Соёнов*

Составление, оформление, компьютерная верстка, корректура, макет – ***В.И.Соёнов***

Подписано в печать 01.10.2004. Формат 60x84 1/8. Печать офсетная.

Гарнитура – «Ариал». Усл.печ.л. – 17,5. Заказ №113.

Тираж – 550 экз.